

Юлия
Кузнецова

Мир
для
всех

Там, где мы живем

Помощница
ангела

Annotation

Каждое лето я провожу в небольшом селе Аксиньино, под Звенигородом. Однажды я услышала историю о девочке из соседней деревни, которая пыталась навещать бабушку-соседку. Казалось бы, что тут такого? Однако на девочку ополчились все: и родители, которые считали, что она напрасно теряет время, и друзья, которые не видели смысла в том, чтобы ходить в гости к чужому пожилому человеку. Девочка взбунтовалась, но родители настояли на своём: она не должна тратить время на то, без чего, по их мнению, можно легко обойтись. Через некоторое время пожилая соседка умерла.

Меня потрясла эта история. Она жила во мне долго, и потихоньку ко мне по ночам стали приходить герои: Алёна, Лидия Матвеевна, Вик и, конечно, Ангелина.

Так и возникла эта книжка — о том, кому нужна помощь, о том, зачем и как её предлагать и почему это так важно для нас самих — помогать друг другу.

Для среднего и старшего школьного возраста (12+)

- [Вслед за ангелом](#)

- - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Благодарим Вас за использование нашей библиотеки Librs.net.

Юлия Кузнецова

Помощница ангела

Москва
2013

Серия «Мир для всех» основана в 2007 году

В новом романе Юлии Кузнецовой «Помощница ангела», как и во многих современных произведениях для подростков, много разных героев: плохих, хороших и тех, про кого сразу не поймешь, какие они — хорошие или плохие. Первая, Энджи, поначалу кажется черствым, ожесточенным, а иногда и просто противным существом. Второй, Вик, представляется читателю этакой бесхребетной тряпкой. Третья, избалованная Аленка, похоже, больше думает о всяком зверье, которое надо спасать, чем об окружающих ее людях.

Но первое впечатление обманчиво, и оказывается, что все не так просто. Всем трем открывается одна очень важная тайна. Помогай другому, и сам получишь помощь, ибо Иисус сказал: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:40). Получается, что, в сущности, нет никакой разницы, из каких побуждений ты превращаешься в помощницу ангела — от того ли, что надо заполнить огромную, зияющую пустоту в душе, или действительно хочешь помочь беспомощному человеку. Важно, что ангелу без тебя никак не справиться.

Ольга Бухина

Глава 1

Ангелина

Ангелина Лопухова сидела на перевёрнутом ведре у своего дома и лупила изо всех сил маленькой тяткой-трезубцем по грядке с морковкой.

«Где взять денег, где взять денег?» — стучала в голове мысль в такт её яростным движениям. Точнее, если уж совсем залезть в Ангелинину голову, то так: «бабки-бабки-бабки!»

Бабки — чтобы перейти в элитную школу. В Рублёвскую гимназию.

Тут надо объяснить. Ангелина вместе с бабушкой и сестрой Жанной жила в небольшом посёлке у Рублёво-Успенского шоссе. Родители Ангелины погибли в автокатастрофе, когда ей было три года. Жанна после школы пошла в официантки в кафе «Мираж» при бане, а теперь устроилась на заправку «Бритиш петролеум» в самом начале Рублёвки, продаёт там булочки и кофе. Жанка довольна — и форма жёлто-зелёная ей к лицу, и улыбаться она любит и умеет, а её именно за это взяли, а главное — есть деньги. Кормятся они с огорода, но там, к сожалению, не растут ни одёжки для младшей сестры, ни, что важнее, бабушкины лекарства.

А вот Ангелина недовольна Жанкой, ох, как недовольна. Потому что Жанка — пораженец какой-то. У них ТАКОЕ место жительства, а она не придумала, как им воспользоваться.

Про место. Рублёво-Успенское шоссе давно всем известно, чем славится. Тем, что тут богатеев полно. Таких, конкретных богатеев, которые замки понастроили. Честное слово, замки. Ангелина, которая вообще-то любит, чтобы её называли Энджи (в честь самой крутой актрисы в мире, Энджи Джоли), постоянно проезжает на велике один такой. На крыше у него флюгер в виде рыцаря, а почтовый ящик — в форме кареты. И сам домина кирпичный, высоченный, с колоннами, в посёлке его «Казанским вокзалом» зовут.

Ангелина обернулась на свой мерзкий, чёрный, скрипучий домишко, с мутными стёклами, с паутиной, протянутой от крыши к крыльцу. Ступеньки на крыльце прогнили, и если приподнять

одну из досок, то увидишь, как на внутренней скользкой стороне шевелятся отвратные слизняки.

«Цап!» — сказала тятка и отхватила сверху полморковки.

«Шссс», — вырвалось у Ангелины с досады.

Она отбросила дрянную тятку и попыталась выковырять остатки морковки. Но та глубоко сидела в сухой-пресухой земле. Оставить так, что ли? Но бабка найдёт её потом, как выкапывать будет, засохшую, сморщившуюся, какдохлый червяк, и начнёт жужжать. Денег нет, бе-бе-бе, да тут на целый суп морковочка была, а ты загубила, денег нет...

Эх, Жанка-Жанка! Ну, ладно, ей, Энджи, с фигурой не повезло. Да и с рожей тоже. Маленькая, скелетообразная, без груди и попы, чёрные волосы не растут густые, приходится стричь коротко и врать, что это модно. И черты лица, всё мелкое, прямо крошечное, некрасивое. Как паучок, как таракашка какая-то! Как слизняк из-под крыльца.

А у Жанки-то всё на месте! И волосы блондинистые, и губы-бантики, и фигурка — лучше любой актриски из журнала «Семь дней».

Нет чтобы перед «Казанским вокзалом» походить туда-сюда, глазками голубыми поулыбаться так, как только она умеет на весь посёлок одна. Устроилась бы, и тогда она, Энджи, не сидела бы тут, в грязище, с килограммом земли под ногтями, а лежала бы на Кипре в модном купальнике, коктейли попивала. Или в Сен-Тропе, как эти Алёнкины друзья.

Сен-Тропе Ангелину вчера и добил. Она прочла про него в анкете и поняла, что ей, Энджи, в жизни явно не повезло. Она и раньше догадывалась, но тут...

Алёнка вынесла на улицу анкету. Ну, куда всякую дребедень пишут. Типа «кто твой друг»? Или «что ты думаешь о хозяйке дневника».

Ангелина полистала тогда тетрадку, почитала, что пишут Алёнкины одноклассники из Рублёвской гимназии. Место отдыха — Мальдивы, Бали, Сен-Тропе. Друзья — Максим Галкин, Марат Сафин, певица Максим. Любимая еда: фуа гра, креветки, салат с трюфельным маслом.

Она обозлилась и написала в ответ на «Что ты думаешь о хозяйке дневника»: «Слишком добрая, но я её от этого отучу». Пусть эти «сен-тропешники» знают, что у них в посёлке главная Энджи и ей подчиняется Алёнка, дочка председателя «Боярских палат».

— Гелюшка! — крикнула бабка в окно, — завтракать!

— Завтракать, — процедила Ангелина.

Бабка покупала в сельпо самый дешёвый геркулес, с устюками^[1], которые (перебирай — не перебирай!) попадались в каждой ложке.

В хорошем настроении Ангелина называла её «каша с желудями», Жанка смеялась.

А сейчас у Ангелины было препоганейшее настроение. Потому что ей — устюки, а у кого-то — трюфельное масло. Ладно, теперь она знает, как ей пробиться к этим, у которых масло трюфельное.

Сама анкета не натолкнула бы её на эту мысль. Натолкнула баба Паша.

Баба Паша была тощая и длинная, а бабка — низкая и плотная, и они были похожи на торшер и кресло, которые поставили рядом.

Ещё баба Паша всегда одевалась в белое, с передничком и в платочке, и была похожа на свою же козу Машку. Машкино молоко баба Паша продавала детям-аллергикам из домов-замков в тридорога, напирая на то, что «молочко-то натуральное, без химии».

Баба Паша принесла коробку конфет «Коркунов», просроченную, конечно, ну да не пропадать же добру. Тем более даже вот такие белёсые и прилипшие к своим ячейкам конфеты были редкостью у них в доме.

В общем, пожевала баба Паша губы по-козлиному и говорит:

— Я вас сейчас насмешу. Я вчера на шоссе варенье выставила. Вишнёвое.

— Когда же ты наварить успела, Паш? — удивилась бабка, — вишня ж зелёная вся.

— Да прошлогоднее! — отмахнулась баба Паша, — сын из Москвы вернул, не хочет есть. Даже с плесенью слегка. Ну я плесень собрала, баночку закрутила и выставила.

Баба Паша была одна из тех деловитых старушек, которые торгуют у дороги кто чем. Кто цветами, кто огурцами, кто углём для шашлыка.

— Ну и слушайте! Стою, значит. Останавливается такой малиновый... Как его! Ну, джип. А, вот. «Лексус». Из него вылезает... О-о-о! Круглый совершенно. Ну как мяч, только здоровый. В костюме. Как он его только натянул? Ну, подкатывает. И говорит: «Вот бабка — молодца! Вовремя подсутилась. А то варенья охота до одури. Почём товар?».

— Повезло, — улыбнулась Ангелинина бабка, выбирая себе конфетку.

— Да ты слушай! Почём, спрашивает, баночка. А я и говорю: «Тысяча рублей».

— Сколько?!

Ангелинина бабка уронила конфету в чай. Ангелина затаила дыхание.

— Так ты дальше слушай! Он и достал штуку. И мне сунул. И банку забрал. Прошлогоднего. С плесенью. Ну, плесень-то, правда, я сняла.

— Ох, Паша, — вздохнула бабка, ложкой вылавливая из чая конфету, — какая ты...

— Я умная, Тань. Они, может, богаче. Но мы-то умнее. Пользоваться надо уметь. Понимаешь? Что зря в таком месте жить, где богатые с бедными намешаны и не поймёшь ничего?

«В таком месте», — повторила про себя Ангелина, а бабка вздохнула опять.

— Что? — прищурила свои жёлто-зелёные, точно как у Машки, глаза, баба Паша, — осуждаешь, Тань?

Бабка смущенно улыбнулась:

— Да как-то... Грех всё-таки. Людей дурить.

Ангелина закатила глаза. Господи! Ну почему, почему она внучка своей сумасшедшей бабки Таньки, а не бабы Паши, такой умной и ушлой, а? Даже с бабкой не повезло.

— Правильно вы, баба Паша, сделали, — сказала она вслух, — я бы тоже так поступила. Богатеям что штука, что полтинник — без разницы. А вы заработали.

— Вот видишь, Тань? Молодёжь согласна! А ты, Геля, так и поступи.

— Да куда ей на шоссе! — испугалась бабка, — маленькая ещё, украдут.

— Да я пробовала, баб Паш. Не берут у меня ничего. Видно, плохие у нас овощи.

— Скажешь тоже, — проворчала бабка, — всю зиму едим и ничего.

— А ты другие пути поищи, — ласково сказала баба Паша, — у тебя вон в подружках дочка самого председателя «Боярских палат» ходит.

— И что мне с неё, деньги за дружбу брать? — мрачно спросила Ангелина.

— Зачем же деньги... Знакомства иной раз больше денег стоят.

Но Ангелина вечером рассудила по-своему. Ну, познакомится она с Алёниными одноклассниками. Ну и что, они сразу её трюфелями кормить станут?

Так ведь нет. И ежу понятно, она им неровня. А вот стать такими, как они... Быть с ними на равных. Тогда и приглашения в альпийский домик на лыжах покататься будут, и Максим Галкин, и креветки.

А чтобы с ними на равных стать, надо бросить сельскую школу и в их Рублёвскую гимназию пробиться. Там за обучение штуку баксов в месяц берут.

«Где взять денег?» — чуть не завывала Ангелина.

— Гелюшка! — снова послышалось из окна.

«А ведь всё из-за неё», — подумала Ангелина. Большая часть денег, заработанных Жанкой, уходила на лечение бабки. У бабки было плохо с сердцем и давлением, и Жанка постоянно привозила ей то дорожные тонометры, то чай для прочищения сосудов, то какой-то биокальций или биоцинк...

Ангелина как-то прочла на баночке: «Жир угря, 1800 р.» и присвистнула. Он что, обязательно нужен, этот жир? Остальные бабки как-то живут без жира. Это, в принципе же, нормально, чтобы у стариканов сердца болели. Им же, стариканам, скоро того... Ку-ку...

Освобождать дорогу молодым и сильным.

— Каша стынет!

— Как же, каша, — прошептала Ангелина, просто лопааясь от ненависти к бабке, потому что вспомнила ещё кое-что.

Как-то бабка попросила проводить её до сельпо, потому что одной тяжело было этот геркулес проклятый тащить. А перед ними парень стоял, весь такой качок, в джинсах и чёрной майке, на шее — цепь, на лбу — очки солнцезащитные, и этого геркулеса десять кило запросил. А когда бабка вслед за ним всего три попросила, он, запихивая сдачу в карман, Ангелине подмигнул и говорит:

— Что, тоже собак на диету посадить решили?

Ангелина тогда только на улице сообразила, что он эту «кашу из желудей» собакам берёт, и выронила один пакет, а он порвался и рассыпался. И бабка опять занудела, зажужжала, а парень сел в свой «Форд» и уехал.

— Сейчас сама всё съем, Гелюнька!

— Да чтоб ты подавилась!

— Геля! — ахнула бабка.

Ангелина вскочила и пнула ведро ногой. Так яростно, словно хотела пнуть свой старый почерневший дом, чтобы он упал и развалился, как карточный.

— Ещё гелем назови! — проорала она, — или шампунем!

Она выбежала с участка, хлопнув калиткой.

А бабушка Татьяна Никитична всё стояла у окна и смотрела вслед внучке.

«И в кого она такая? — думала Татьяна Никитична, — вот Жанка, сразу видно, наша. На Катю-покойницу как похожа, вылитая. А эта... Злой заморышек».

Но тут же ущипнула себя за руку, расстроившись, как же это она так — о ребёнке? Значит, сама виновата, где-то недолюбила, где-то не доглядела. Она и правда больше любила Жанну, которая умела улыбаться сквозь усталость, хотя и ноги от целого дня в кафе отваливаются просто, и спину ломит, хоть вой. Но всегда приедет с лекарствами и с улыбкой доброй, которая дороже лекарств.

Татьяна Никитична принялась собирать по дому вещи, разбросанные Гелюшкой. Достала из-под кровати пижаму, прижала к носу. И запахло сразу родным, сладким, как пирожное, как в тот день пахло, когда им новость принесли, что дети в машине разбились. Катюня, доченька её, с мужем Сашей из Звенигорода ехали, а там поворот один нехороший, все там сталкиваются, ну и врезался в них «Камаз». Дождь ведь лил, не видно ничего.

— А Гелюшка маленькая была, — сказала Татьяна Никитична дому, который, в отсутствие Жанны, был её единственным молчаливым слушателем, — и спала. Губками чмокала. Дышала ровненько. А тут гром, молния вдруг! И она закричала. А я накрыла её всем телом и лежу над ней. А сама думаю, Господи, как же это, нет больше Кати моей, быть такого не может!

И она заплакала, прижимая к лицу пижаму Ангелины, а дом скрипнул где-то на потолке, словно утешая. И Татьяне Никитичне стало страшно жалко и себя, и Жанночку, всю измотанную и задёрганную в своём кафе на заправке, и дом этот покосившийся, старый, но родной, а больше всей ей было жалко этого злого заморышка, который, на что-то обидевшись, убежал из дома даже не позавтракав, и будет теперь голодный ходить, ох, больше всех Гелюшку жалко.

Глава 2

Вик

Вик поставил перед Бингой миску с кашей. Та набросилась на еду, аж всхлипнув от жадности. Бродячие собаки всегда едят с жадностью. Даже если их взяли к себе люди и кормят каждый день.

«Бинго» собаку назвала Алёнка. Сказала, есть дикая собака динго, а у них будет дикая собака Бинго. Бинго оказался Бингой. Алёнка каждый день приносила ей мясо или сосиски, чесала пузо и вынимала из ушей клещей. Алёнка вообще двинутая на животных. Наверное, будь её воля, сделала бы из своего дома приют для собак.

Вик хмыкнул, представив лицо Алёниной мамы, такой строгой, с косой вокруг головы, в твидовом пиджаке, с шарфиком на шее, если бы вместо штуковины для барбекю и идеального газона с альпийской горкой она обнаружила бы во дворе свору бродячих собак, дерущихся за халявные сосиски. Нет, у них нашлось место только для супер-пупер породистой овчарки Рины, которую кормят исключительно сырым мясом, чтобы она зверела. Днём она живёт в вольере, ночью её выпускают, и она с ненавистью облаивает отца Вика, патрулирующего посёлок.

Ладно, надо торопиться, надо успеть гипс развести, пока отец не пришёл. При нём всегда как-то неловко заниматься поделками, он вроде не возражает, но лицо какое-то всё равно недовольное.

Вик налил Бинге воды, потом подумал, вылил воду обратно, сполоснул миску и налил чистой. Тяжело ей, наверное, в жару в такой шубе бегать, высунув язык... Он поднялся по ступеням бытовки, в которой жил с отцом. Дверь оставил открытой, чтобы гулял сквозняк. Уселся за стол и принялся лепить из пластилина основы для куполов Рождественского собора. Когда основы были готовы, Вик насадил их на проволоку и развёл гипс.

Зазвонил телефон. Длинные сигналы с коротким перерывом. Междугородняя! Мама!

Он подскочил к телефону, стоявшему на тумбочке возле отцовской кровати.

— Алло?

— Сынка, здравствуй.

— Ага! Привет! А у нас — тридцать два градуса!

— А у нас семнадцать и жуткий ветер.

— Вот мы вас и сделали!

— Да ничего, мы с вами на следующей неделе поменяемся! — со смехом пообещала мать.

Она осталась на Украине, в доме подо Львовом, с двумя младшими сестрёнками Вика. Они были русскими, и Вик, и родители. Просто папин двоюродный брат женился на украинке и потихоньку перетащил подо Львов всю семью. Но работы папа не нашёл, поэтому вернулся обратно в Подмоскovie и устроился охранником в посёлке с забавным названием «Боярские палаты».

После долгих поисков папа работу эту очень ценил и каждый день говорил Вику, что самая правильная дорога в жизни — это в охранники идти.

А мама в такие минуты всегда шла посуду мыть или подметать. Или девчонкам велела грязное бельё собрать, чтобы замочить в тазу. В общем, что-то делала, чтобы Вик не видел её лица. Но Вик и так всё понимал, чего уж там. Она не считает, что самое лучшее — это в охранники идти.

Но вслух мама своих сомнений не выскажет. Никогда. Потому что папина работа их кормит.

Мама работала в Бродовском краеведческом музее. У неё тоже был и пиджак, и шарфик. Попроще, конечно, чем у Алёнкиной мамы. Зато Алёнкина нигде не работала. А маму на работе очень уважали, и если она больничный брала, чтобы сидеть с сёстрами, у них вечные бронхиты, звонили каждый день, спрашивали что-то. А Вик любил мамины больничные, потому что тогда они вслух читали исторические книжки, и серьёзные, вроде Ключевского, и всякие романы, которые, конечно, выдумка, зато интересные — не уснешь, пока не дочитаешь.

— Ну как ты? Тоска на каникулах? — спросила мама.

— Наоборот. Хоть время появилось.

— Закончил Саввино-Сторожевский?

— Нет ещё. Сейчас Рождественскую башню буду делать. Гипс уже развёл.

— Не засохнет, пока разговариваем? Хочешь, иди, делай!

Вик хмыкнул. Ну какой «иди-делай»? Он и так раз в неделю, а то и в две её голос слышит!

— Не засохнет, мам. Я ж не первый день формы из гипса отливаю, соображаю немного.

Он зажал трубку между ухом и плечом и подлил в ведёрко с гипсом немного ПВА.

— А я всё на твой Бродовский замок люблюсь.

— Да ну, мам. Я же ещё из пластилина лепил. Он же косой, кривой.

— Чудесный. Он же первым был, да?

— Каменец-Подольская в сто раз круче. Я туда специально несколько раз ездил. Оттенок серого подбирал, чтобы такой, как там... каменный получился.

— Э-ээ...

— Мам! Ты что, Каменец-Подольскую девчонкам отдала? Слушай, ну я же просил... И вообще, зачем она им?

— Они немножко поиграют, Витенька. Им тётя Марина набор новый принесла. Там принцессы и рыцари.

— Рыцари?!

— Бумажные, Вить, лёгкие совсем! Они не попортят ничего, обещаю. А то замучали уже: рыцари есть, а крепости никакой нету в наборе.

— Ну...

— А что ты потом будешь делать?

— Не решил ещё.

— Витечка, ну не сердись, правда. Скажи, мне интересно.

— Тульский кремль вообще хотел. И Ласточкино гнездо. Тут газет полно старых для папьемаше, есть из чего ландшафт сварганить. И ещё мне Алёнка одну книжку обещала. Про шотландские замки. По ней буду.

— А Саввино-Сторожевский скоро закончишь?

— Там только колокольня осталась. Я потерял зарисовку, надо будет в Звенигород как-нибудь смотаться.

— Сфотографируй его, хоть фото привезёшь. Отец-то не разрешит с собой тащить.

Довольная улыбка исчезла с лица Вика.

— Наверное, не разрешит...

— А где он?

— Папа выходной сегодня. На берегу, с друзьями.

Во дворе радостно заскулила Бинга.

— А, нет, вон идёт, мам. Говорить будешь с ним?

— Конечно. Я тебя очень-очень.

— И я тебя.

— Ты меня — что?

— Люблю.

— А я тебя жду. И люблю, конечно.

— Клубнику заморозила?

— Всю морозилку забила. Отец вроде в августе обещал приехать. Ну, давай его!

Отец вошёл в бытовку. Слегка запахло спиртным.

— Витька! Колбасы не осталось?

— Осталась, вон на столе. Мама — тебя.

— Колбасы пока нарежь потоньше. На берег ещё ребята подошли. Да, Галюнь, привет! А? Какой монастырь? А, ну видал-видал. Ну и чего? Да ну, брось! Чушь собачья! Да прекрати ты, а! Что ты мне педагогику всю портишь? У тебя есть девчонки, вот и втолковывай им всякую ерунду. А от парня отстань. Ты бы лучше спросила, сколько раз он отжимался сегодня. Небось, нисколько! Какие каникулы?! Для спорта нет каникул. Галя, ему надо будет семью содержать. Нам с тобой, Галя, кто помогать будет? Девчонки разлетятся. Я ж не вечный, Галя... А ты его эти бирюльки^[2] поддерживаешь... Вавилоны^[3] поразвёл, колбасу порезать негде. Да, приедем. В августе, обещал же... Пришли салыца побольше копчёного, кончилось.

Вик порезал колбасу, тихонько взял ведёрко с гипсом и вышел во двор. Там вылил гипс в выбоину на забетонированной площадке, на которой возвышались их бытовки. На отца он не сердился. Наоборот, ему стало стыдно за вавилоны на столе. Денег вавилоны и правда не принесут. Он вздохнул, взъерошил свою пышную рыжую шевелюру, оседлал велик и покатил прочь.

Глава 3

Алёнка

Алёнке снилось сначала что-то ужасное.

Перед сном она залезла на сайт международного фонда защиты животных и прочла там о «лагерях смерти» для тюленят. Охотники отлавливают бельков и сажают их в специальные загоны, где держат без еды до тех пор, пока они не повзрослеют и полиняют. Белый мех сменяет красивая серебристая шкурка. И тогда тюленят убивают.

Во сне Алёна слышала крик и плач тюленей и стук палок по мягкому телу бельков, ведь их не отстреливают, чтобы не портить мех, а...

И тут Алёне привиделась красная кирпичная стена, увитая плющом. И она почувствовала, что там, за этой стеной, есть то, что обогреет, даст надежду и...

Она проснулась. Села на кровати, сунула ноги в тапочки и подпрыгнула, словно наступила в лужу. Посмотрела вниз и обнаружила, что домработница Мила поставила ей отвратительные тапочки, отделанные норкой. Ни Мила, ни мама совсем не понимают, что носить такие тапочки — это всё равно что покупать подснежники в метро. Милочка приносила цветы весной. Алёна ругалась с ней.

«Они же всё равно уже сорваны», — сказала мама тогда..

«Да, сорваны! — ответила Алёна, — но если ты купишь у них, то в следующей раз они опять их нарвут». Вот и с норкой то же самое.

Алёна осторожно взяла тапочки. Мягкий мех норки вызвал перед глазами отрывки кошмара о забитых бельках. Алёна пересилила ужас, разлившийся в груди, и понесла их к шкафу.

Будь Алёна чуть младше, она похоронила бы их за домом на цветочной клумбе. Но она закончила девятый класс и прекрасно понимала, что это глупо... Как говорит учительница по литературе про плохие сочинения: «Ненужный пафос».

Вообще мир глупо устроен. Странно, но ещё в прошлом году ей не приходило это в голову. Она увлекалась уже и экологией, и зоологией, но вот эти противоречия так не бросались в глаза.

А теперь...

Алёна не понимала, как с этим можно жить. Вот она вчера прочла о бельках. Надо было бы сорваться с места и поехать спасать тюленят. Но ясно, что родители не отпустят её... Как же можно знать и ничего не делать?

Или вот... В школе рассказывали о бережном отношении к водным ресурсам. А мама недавно налила полную ванну воды, кинула туда ароматическую бомбочку, потом понюхала, сказала, что её раздражает запах ландыша, слила эту воду и налила новую без всяких угрызений совести.

Алёна потёрла виски. Почему всё такое противоречивое? Ни на что нельзя положиться.

Даже собственное тело начало врать. Точнее, изменяться, но не постепенно, а так быстро, что не успеваешь привыкнуть. Ещё вчера она себе нравилась. Сегодня было очевидно, что она толстовата. И подмышки... Они постоянно подводили. Алёнка пару раз забывала про дезодорант и ловила на себе косые взгляды одноклассниц.

Нет, в их гимназии никто ни над кем не смеялся. Никогда не знаешь, какой у кого папа или дядя, которые оплачивают обучение в гимназии. В младших классах Алёнина одноклассница поцеловалась с пятиклассником. А он оказался внуком известного политика. И его дедушка в прямом эфире вечернего ток-шоу [...]

Девочка не ходила в школу месяц.

«А ногти? — грустно думала Алёна, — почему они ломаются? Витамины ем, а толку нет».

Она как будто потеряла доверие ко всему. Нет ничего устойчивого. И с этим надо как-то жить. Родители же живут.

Алёне всегда помогало бегство в Карторию. Она жаловалась там Алексу и Сальвадору, рассказывала об ужасах, которые творятся на Земле. Они обсуждали все вместе, как Алёне, которую там звали Элен, начать действовать, спасти животных и людей. Но у родителей ведь нет своей страны, куда они могли бы убежать...

Может, они давно привыкли к тому, что вокруг, и не чувствуют ни вины, ни ужаса, когда видят поломанные деревья, нищих у церкви, голодных детей по телевизору, бродячих собак. Алёну просто сразу начинало душить желание им всем помочь.

Был бы у неё Зонтик, как у Мэри Поппинс, и она полетела бы спасать тех, кто страдает.

Вместе со странным ощущением того, что тело стало иным, Алёна чувствовала иногда бешеный прилив сил. Она смотрела на свои руки, и ей казалось, что они, с виду обычные, внутри — могучие. И если ей разрешить, то она и бездомных у вокзала накормит, и ребят из детского дома развеселит, и даже демонстрацию в защиту окружающей среды проведёт. Только дайте, только пустите!

[...] вместе путешествовали в трейлере, как те ребята из мультика «Шевели лапами»^[4] и Алёна могла бы спасти выброшенных на берег дельфинов. Если бы они были агрономами, она могла бы обмазывать варом стволы поломанных деревьев.

Родители Алёны были совершенно обычными. Папа, по его собственному выражению, «двигал бренды». Он каждое утро садился в блестящий «Поршник», как будто инкапсулировался в космический корабль, и улетал на работу.

Папа был небольшого роста, с маленькими руками и ногами, носом-крючком и большими карими глазами, которые никогда не улыбались. У папы улыбался рот, а глаза, хоть и были карими, оставались холодными.

Мама, наоборот, была красивая, зеленоглазая, с русой косой, обвитой вокруг головы, статная, как берёза, и улыбчивая. Но улыбалась она потому, что Идеальная Жена и Идеальная Мать должна улыбаться.

Мама каждое утро вставала, смотрела на себя в зеркало, улыбалась изо всех сил и говорила

себе: «Я идеальна, я идеальна, я идеальна». Алёна сама это слышала, и каждый раз у неё мороз по коже проходил. Как будто мама ощущала себя роботом, которого нужно программировать.

Потом мама шла, гордо расправив плечи, в светлой домашней блузе и мягких брюках, на кухню, где её ждал идеальный завтрак в исполнении Милочки.

Вообще-то они с Милой были из одной деревни откуда-то из-под Орла. Вместе они снимали комнату у какой-то вредной старухи в одном из спальных районов Москвы. Потом маме удалось выйти замуж за папу, а Милочка никого не нашла. Она так и жила с вредной старухой, и мама позвала её к себе — помогать по дому.

— Она свой человек, — сказала мама папе тогда, — это многое значит.

— Вообще-то в моде домработницы с Филиппин, — сказал папа, — но делай как знаешь. Мне всё равно.

Мама тогда задыхалась часто-часто. Алёна не поняла почему — то ли потому что Милочка — не в моде, то ли потому что папе «всё равно». Он и правда занимал мало места в доме, их папа.

Если дом сравнить с «потребительской корзиной», то она, мама, Мила, даже садовник, были обязательными продуктами, такими, как хлеб, молоко или масло, а папа — редким и деликатесным, вроде французского сыра. Его вещи помещались всего в двух шкафах, один стоял в спальне, другой — в ванной. Как будто папа мог в любой момент улететь на другую планету...

Вообще-то он уже был женат. Алёна знает это по обрывкам разговоров. А ещё она нечаянно подслушала такой разговор. Мама спросила:

— Зачем она объявилась? И что ты ей сказал?

— Правду, конечно.

— А она?

— Принялась кричать. Ты же знаешь, я не перевариваю женские истерики.

— А если она захочет сама разыскать его?

— Флаг ей в руки и барабан на шею, как говорили в моём детстве. Я бы с удовольствием его отдал. Да, к сожалению, не возьмёт она. Это с тухлецей товар.

— Зачем ты так о живом-то человеке...

— Для неё — с тухлецей. Да и для всех вас. Все вы...

Мама тут всхлипнула, словно укололась обо что-то, и выбежала из комнаты, чтобы папа не видел истерики. Алёне очень хотелось узнать, о ком они говорили, кого бы папа отдал бывшей жене, что за живой товар с «тухлецей», но спросить у папы не смогла. Когда она оставалась с ним один на один, ей было не по себе, словно он и правда был с другой планеты.

Алёна подсела к ноутбуку, вышла в сеть. Снова зашла на сайт Фонда по защите животных. В комментариях к теме бельков она обнаружила граффити, заснятое в одном лондонском пешеходном переходе. Оно изображало охотника-убийцу с поднятым багром и распростёртого тюленьего малыша.

Она зашла по ссылке на сайт граффити, прочитала интервью с самым известным художником этого направления, Бэнкси. Её заинтересовала фраза: «Большинство матерей готовы сделать всё для своих детей, кроме того, чтобы позволить им быть самими собой».

Она вспомнила, как родители запротестовали, когда она решила пойти волонтером в детскую больницу. Это будет отвлекать от учёбы, и кто её будет туда возить из загорода по пробкам, и вообще — а если она чем-то заразится?

Хотя иммунитет у Алёны, как и у большинства одноклассников в Рублёвской гимназии, был крепкий именно потому, что они всю жизнь живут за городом.

Надо распечатать и показать родителям слона Бэнкси.

«А может, — подумала Алёна, — мне заняться граффити? Но это опять как-то не безопасно. Неужели нельзя помогать миру так, чтобы иметь на это право? И не спорить с милицией,

законами, а главное — родителями?»

Ещё вопрос: как выбрать то место в мире, где она может оказать помощь? Ведь каждую секунду происходит что-то ужасное. Детей берут в заложники, больные умирают от нехватки лекарств, кто-то вырубают ценные породы деревьев, атмосфера загрязняется...

«И как Бог с этим справляется? — вдруг пришло в голову Алёне, — наверное, потому всё это и происходит, что Он, бедный, не знает, за что хвататься. Хотя у Него должны быть помощники... Ангелы, наверное. Но значит, и они не справляются с обязанностями. Значит, и им нужны помощники...»

Алёна выключила ноутбук, переоделась, сунула в сумку книгу «Замки Шотландии», которую обещала дать Вику, и спустилась в кухню.

Родители завтракали. Папа читал новости на своём ноутбуке, откусывая от бутерброда и запивая кофе, мама медленно ела обезжиренный йогурт, глядя в окно, за которым виднелась статная, белоствольная, вся в обрамлении мелких зелёных листиков берёза.

«Я знаю, на что похожа наша семья, — подумала Алёнка, — на три зубные щётки в стакане. Снаружи — красиво. Синяя щётка — «папа», красная щётка — «мама», жёлтая — «дочка». Но щётки не имеют друг к другу никакого отношения. Они никак не связаны между собой».

Пару лет назад Алёна бы закричала прямо с лестницы:

— Эй, вы! Мы же не щётки! Мы люди! Семья! Давайте общаться! Смеяться! Ругаться!

И прочий «ненужный пафос».

Но папа ей как-то сказал, что у каждого должна быть своя личная жизнь. И что он очень рад, что у него такая понятливая взрослая дочь.

Алёна вспомнила, что у папиного заместителя пятеро детей. И когда бы папа ему ни позвонил (в нерабочее время), в трубке всегда орут дети. Папа рассказывал об этом со смехом, но не весёлым, а злым и колючим. Алёна же представила себе женщину, маму этих пятерых детей, которая вынимает из духовки шоколадный торт, а дети окружили её, ругаются из-за того, кому достанется большой кусок, и визжат от радости. Алёна даже ощутила запах этого торта.

Она посмотрела на их собственную духовку. В ней только стерилизовали банки для варенья с фруктозой, которые Милочка закручивает для мамы. Правильное питание — это ещё одна добродетель Идеальной Жены в понимании мамы.

— Доброе утро, мама, папа!

Папа кивнул, не отрываясь от ноутбука. Алёна подошла к холодильнику, вытащила миску с фруктовым салатом, нарезанным для неё Милой. Мама оторвалась от окна и изобразила на лице тревогу.

— Это всё?

— Нет. Ещё зелёный чай.

— Алёна, мне не нравится, что ты не ешь мяса. Растущему организму необходимы белки, а не только углеводы, поверь. Как насчёт йогурта?

— Попробуй хамон, — сказал папа, — отличная вещь. Мой зам из Испании привёз.

— Игорь, — мягко улыбнулась мама, но в голосе звучала тревога, — зачем ты предлагаешь девочке канцерогенный продукт? Алёна, там в холодильнике на обед возьми отварную телятину.

— Спасибо, я не хочу.

— Канцерогенный продукт? Испанцы столетиями едят. И что такое канцерогены, ты в курсе вообще-то?

— Папа, я не ем никакого мяса, — попыталась не дать разгореться ссоре Алёна, — я не могу есть друзей.

— Так что такое канцероген, Наталья? Уж коли делаешь заявления, будь добра, включай голову!

Мама покраснела, а папа внимательно посмотрел на Алёну.

— Друзей? — хмыкнул он, — ладно, это китч^[5]. Вполне нормально для твоего возраста. А вот одёжку можно было и глаженую надеть.

— Это индийский хлопок, папа.

— Ну, тут я поддержу дочь, — сказала мама, — синтетика — мёртвый материал.

— Очередной китч, — отмахнулся папа, подливая себе кофе. — Подростковый возраст. Родители — дураки. Сбросим Пушкина с парохода современности! Да что я буду тебе говорить, я и сам такой был. И мама.

— Я не была, — улыбнулась мама, аккуратно собрав на ложку остатки йогурта из стеклянной баночки, — я всегда была послушной девочкой. Ходила в том, что разрешали родители. Никуда не сбегала. Не общалась с дурной компанией. Никогда не врала.

— Вау, — сказал папа с насмешкой.

— Да! Никогда! — голос мамы зазвенел.

Алёна быстро прожевала салат. Она не переносила родительских ссор. Вообще Алёна не переваривала любые конфликты. В мире и так много всего плохого, зачем ещё что-то от себя лично добавлять на чашу Зла? По литературе что-то рассказывали про чашу Добра... Вот на эту чашу бы и добавить гирьку. Найти себе маленькое хорошее дело и выполнить его.

— Повезло твоим родителям с такой идеальной дочерью, — снова хмыкнул папа.

Тут Алёна встала из-за стола и заторопилась к выходу. Зачем он всегда её клюёт, как ворон? Почему она не спорит, а только проглатывает обиды?

— Алёна, подожди меня на улице, — велел папа, а мама всё скребла и скребла ложечкой пустую банку. Дзынь-дзынь-дзынь...

У Рининого вольера Алёна присела на корточки. Рина ткнула в сетку влажный нос и с подозрением зарычала.

— Глупая, это же я, — улыбнулась Алёна, но в Рининых глазах свернуло что-то такое, отчего Алёне расхотелось гладить её по носу.

— Бедненькая, — прошептала Алёна, — зачем они тебя так обозлили? Ведь посёлок охраняется. И в доме сигнализация.

Рина не сводила с Алёны хмурого взгляда, а потом нажала лапой на сетку вольера так сильно, что сбоку на рейке отлетел гвоздик. Получилась дырка. Если так пойдёт и дальше, она прорвёт сетку и выскочит. Надо сказать папе.

Алёна услышала стук колёс по дорожке. Папа катил чемодан — улетал в Швецию на неделю. А может, на другую планету.

— Папа, у Рины...

— погоди, Алёна, со своими животными и спасением мира. Хочу с тобой серьёзно поговорить. Во-первых, такой стиль одежды неприемлем. Я хочу, чтобы ты выглядела нормально.

— Если мы поедем куда-то вместе, я оденусь так, как вы хотите, — сказала тихо Алёна, — мне это неважно, правда.

— Отлично. Теперь о важном. Я хочу отправить тебя учиться в Англию.

— К-когда?

— В сентябре. Возражения есть?

— Не знаю...

— Значит, нет.

— Папа! — попыталась Алёна пробиться к нему через стекло, из-за которого он с ней разговаривал, — папа, я уже спрашивала у мамы. Она сказала, спросить у тебя. Под Смоленском есть детский экологический лагерь. Там читают лекции по биологии, экологии, проходят практику, обсуждают способы защиты окружающей среды...

— Нет.

— Но почему?

— Я был в лагере подростком и уверен — это не для тебя. Ты у нас домашний цветочек. Тепличный. Ни к чему тебе экстремальные условия. А если тебя похитят по дороге? Дочь у меня одна. И я слишком много в тебя вкладываю, во всех смыслах. Так что сиди дома, а в сентябре поедешь в частную школу под Лондоном, где за тобой будет глаз да глаз. Вопросы есть?

— Вопросов нет, — прошептала Алёна. Как был папа за стеклом, так и остался. А вопросы были. Почему он не слушает то, что говорит она, Алёна? Зачем «тюкает» маму, она ведь и так его слушается? Почему у него глаза не улыбаются, когда улыбается рот? Он вообще-то, ей родной папа или так... Пришелец из космоса?

Он ведь не похож на них... Алёна была рослая, в маму. Как говорила Милочка: «Сибирская порода». А папа — ростом чуть выше Алёны. И ходит сгорбившись, напряжённо глядя под ноги, словно боится нечаянно наступить на что-то по дороге.

Вот он сгорбился ещё больше, залез в свой автомобиль (или космический корабль?), поднял стекло, кивнул Алёне.

Погружённая в раздумья, она проводила машину взглядом и вдруг спохватилась, что не сказала про Рину. Надо найти садовника и сказать ему. Но садовник придёт только в двенадцать, а сейчас половина десятого. В десять её ждут Вик и Энджи. Ладно, она скажет насчёт Рины садовнику, когда вернётся.

Глава 4

Зинка Кабанова

Ангелина сидела на обочине и пересыпала песок с руки на руку.

Солнце на минутку прикрылось тучей, запахло луговой травой, с речки задул ветерок.

Мимо толкала коляску толстая мамаша. Она говорила в мобильный телефон:

— Нет, таки, вы думаете, что-то есть в моей груди? Таки вы ошибаетесь. Она пустая, эта грудь. Молока вы там не найдёте. И этот паршивец всё равно её требует. Таки это соска, а не грудь. Но я не могу быть соской, я занятая женщина.

Ангелина поморщилась и дала себе слово никогда не заводить детей и уж точно не кормить их грудью. Она пробьётся в люди и станет заколачивать бабки. Чтобы никогда в них не нуждаться.

Потом прошли две тётки в обтягивающих шортах-велосипедках и грязных, измазанных землёй, растянутых футболках. Они пели песню. «Не слышны в саду даже шо-орохи».

— Ой, — одна остановилась, поправила очки и всплеснула руками, — это же Таткина внучка. Гелюшка? Как ты выросла...

— И правда выросла, — подхватила другая, — эх, Гелюшка.

Она явно не помнила Ангелину, но ей всё равно было, что подхватывать — хоть «Подмосковные вечера», хоть «Гелюшку». За «Гелюшку» Ангелина с удовольствием врезала бы обеим, но тут подошёл шатающийся усатый мужичок, и они втроём ни с того ни с сего расхохотались. Ангелина сообразила, что все трое — пьяные.

Она проводила их глазами и подумала, что странно всё-таки слышать про бабуку — Татка. Бабука и есть бабука. Старая, больная и вредная. А Татка — это как будто про девчонку говорят. А бабука, по мнению Энджи, девчонкой не была. Такой вот и родилась, старой, больной и вредной.

Наконец на велике подъехал Вик. Он посигналил.

— Брюссель! — бросила ему Ангелина.

— Лондон! — ответил Вик и слез с велика.

— Найроби!

— Иерусалим!

Он аккуратно прислонил велик к забору старой Кабанихи и махнул подошедшей Алёне.

— Минск.

— Канберра.

— Была уже вчера.

— Тогда... К... К...

— Пожалей его, — попросила с улыбкой Алёнка.

— Обойдётся, — усмехнулась Ангелина. Ещё чего — жалеть Вика. У него мамаша работает в музее. А он хвастал, что историю уважает. Так пусть отвечает! Сам, между прочим, предложил в столицы поиграть. Теперь вон пыжится.

Вик и правда даже покраснел от напряжения. Краснота проступила сквозь веснушки, и он со своими пухлыми щеками стал похож на синьора Помидора.

— Сейчас я вспомню... я вчера атлас смотрел.

— А я не смотрела.

— Врёшь? — поразился Вик.

— Не-а.

Ангелина смотрела столицы в интернете (специально сгоняла на местную почту), но не говорить же об этом синьору Помидору. Пусть лучше думает, что она гора-а-здо умнее.

— Ладно.

Вик почесал голову.

— Вик, а чего ты с нами все шерохаешься? — вдруг спросила Ангелина, — шел бы к парням.

— Так все разъехались, — пробормотал Вик, — лето же... Мишка к бабке под Тулу уехал...

— А Димка рыжий?

— Он же мелкий. Чего мне с ним делать-то?

— Зануда ты, Вик, — скривилась Ангелина, — слова доброго у тебя не допросишься!

— А! Ты про это? Мне с вами очень интересно!

— А нам с тобой нет! — отрезала она, — потому что ты даже в города нормально играть не можешь.

— Я сейчас... К... Алёнка, книжку мне принесла?

— Ага. На багажник тебе прикрепила.

— А что рисуешь?

Девочка сидела на корточках и палочкой чертила какое-то подобие ключа.

— Да вот, загадку про принцессу пытаюсь вспомнить. Что-то типа гуляла она по лесу и что-то потеряла. Не помните?

— В моём детстве не было загадок про принцесс, — хмыкнул Вик.

— А ты, Энджи?

— А чего это ты вспомнила?

— Не знаю. Я вообще люблю вспоминать детство. Здоровское было время. Во всё веришь... Я тогда была счастливее, чем сейчас.

— А по-моему, мы в детстве были идиотами, — сказала Ангелина, — именно, что во всё верили. Такие наивняги... Ничего не знали. Как дети делаются, не знали. И взрослым верили. А они всё врут.

— Ты бы не хотела снова маленькой стать? — спросил Вик.

— А ты что, машину времени собрался изобрести?

— Нет, но если бы мне предложили...

— Не, ни за что. Я в детстве фишку не секла. А сейчас насобачилась. Так что — нетушки, мерси, идите в баню...

Алёна же подумала, что она, к сожалению, в детстве «секла» слишком много «фишек». И про то, что родители всегда разговаривают друг с другом, как будто фехтуют. И что у Милочки под Орлом болеет племянница, а лекарство приходится привозить из Германии, потому что в России оно не продаётся. И про собак, которых сначала приучают к себе, а потом, когда надоедают, отвозят за три деревни и бросают. И вообще про всю несправедливость...

Но всё равно — она была счастлива. Потому что Картория была рядом, близко, стоило запереть дверь ванной и — оп! В зеркале вместо Алёны появлялась Элен в серебристом костюме, готовая к битве со всеми несправедливостями сразу.

— А я думаю, что в детстве... — начала Алёнка, но не закончила, потому что к воротам Кабанихи подкатила машина.

Ангелина впилась глазами в новенький «Фиат». Ладный, синенький, блестящий, как леденец. Так это Зинка Кабанова, дочка Кабанихи! Вылезла из машины и говорит:

— Привет, молодёжь! Как урожай в этом году?

«Издевается, — поняла Ангелина, — догадалась, что бабка полоть заставляет. Вот зараза. Её-то учёная мамаша за всю жизнь ни одной грядки не вскопала. Только и знает, что чужих мужей отбивать».

Ходили слухи, что муж старой Кабанихи сначала ухаживал за Ангелининой бабкой. А потом появилась эта. И захапала чужого жениха. Ангелине плевать было на чувства, ну не поделили бабки деда какого-то, он уже помер давно. Зинка ещё ребёнком была. Но дом-то вон какой Кабанихе оставил.

На пальцах у Зинки — колец семь, наверное. А волосы паршиво покрашены. У них там, наверное, в Москве нормальных парикмахеров нет. Не зря Жанка к тёте Наде в Звенигород записывается. И нос у Зинки картошкой. Да целой репой. Как у мамы, у старой Кабанихи. Уродки обе, и старая, и молодая.

«Однако ж умудрилась эта уродина себе мужа в Москве надыбать, — подумала со злостью Ангелина, — может, он, конечно, на ней беременной женился. Но сын-то Колька уже в пятый класс ходит, а муж эту репоносую не бросает! Ну почему у Жанки, такой красивой, не выходит никого нормального из Москвы подцепить?! В чем прикол, а?»

Зинка достала из машины пакеты, поставила их на землю и стала рыться в карманах в поисках ключа от калитки.

«Фу-ты, ну-ты, какие мы занятые, — раздражённо подумала Ангелина, — сколько у нас пакетиков!»

Она разглядела надпись «duty free» на одном из них. Ага, это дорогие шоколадки из командировок для старой Кабанихи!

— Ребята! Помогите! — позвала Зинка.

Вик подошёл. Зинка дала ему ключи, а сама продолжила рыться, теперь — в сумочке. Вик с важным видом подошёл к «Фиату», пикнул ключами, поднял крышку багажника и вытащил коляску. Инвалидную.

— Разложи её, — попросила Зинка.

Вик тряхнул коляску, и она растопырилась посреди дороги.

Ангелине страшно хотелось уесть молодую Кабаниху, щёлкнуть по носу-картошке и за «Фиат», и за колечки, и за «duty free». Но в голову ничего не приходило, кроме...

— Вик! Прокати-ка меня на этом скейте!

Вик даже рот открыл, но Зинка ничего не успела возразить, потому что Алёнка подскочила и выпалила:

— Не надо, Энджи! С этим не шутят.

— Да ладно, — усмехнулась Ангелина, — я ничего не боюсь.

— А почему ты Энджи? — спросила вдруг Зинка, — ты же Ангелина была.

— Это прозвище, — буркнула Ангелина и про себя добавила: «Пояснение для тех, кто в танке».

Она отвернулась и поняла, что картошконосая тётка с кольцами всё-таки уела её.

— Вот он, — с облегчением воскликнула Зинка, найдя, наконец, ключ.

Щёлк! Она вставила ключ в калитку и открыла. Вик подкатил коляску к калитке. Но она не пролезла.

— Сложить обратно? — спросил у Зинки Вик.

— Не надо, — сказала Зинка, — мне она в разложенном виде нужна, мне понять надо, сможет она тут проезжать или... Дай-ка я сама, короче!

Зинка поставила пакеты на землю и принялась вертеть туда-сюда коляску. Но коляска наотрез отказывалась проходить сквозь узкую калитку.

Зинка поджала губы. Ангелинина бабка такой рот называет «куриной гузкой». А нос-картошка ещё больше раздулся.

— Тьфу, чёрт! — выругалась Зинка.

Сама сложила коляску и кинула её в багажник. А потом подхватила пакеты и вошла в калитку. Поднялась по ступенькам дома и хлопнула дверью. Ни «спасибо» тебе, ни «до свидания».

— Бе-бе-бе! — сказала ей вслед Ангелина, а потом развернулась к Вику, — на «К» — Кишинёв. Столица Молдавии.

Вик почесал шею.

— Слушай, точно. Блин. Ты молодец.

— Вик, а чего мы с тобой всё даром играем? Давай на что-нибудь. Так интереснее.

— На что?

— На деньги, тупица.

— Слушай, я это... насчёт денег не очень. Папаня всё на образование откладывает.

— Он же вроде хотел из тебя охранника сделать.

— Охранника для начала. А потом, говорит, я должен буду фирму свою организовать, охранницкую. А тут много в чём соображать надо. Документацию там вести. Законы знать.

— Ну ладно, — миролюбиво сказала Ангелина, а у самой в голове вдруг засверкала, как гирлянда на ёлке, отличная мысль, — может, к магазю двинем? Там вроде привоз сейчас. Мороженого возьмём.

— У неё памперсы там были, в пакетах, — проговорила тихо Алёнка.

— У неё же взрослый пацан вроде, — удивился Вик, — старше нас.

— Для взрослых памперсы. У моей бабушки такие были.

— Она же умерла давно, твоя бабка, — сказала Ангелина, — откуда ты знаешь?

Алёнка не ответила. Всё смотрела на калитку, в которую не пролезла коляска.

— Небось себе их купила, — тихонько ухмыльнулась Ангелина, — ей вломак по ночам до толчка ковылять.

Вик засмеялся. Ангелина чуть улыбнулась и кивнула. Но сама быстренько додумала мысль. Вот оно. Деньги были у Вика. Просто надо правильно их забрать. Буквально заставить его принести их. А сделать это просто. Надо, чтобы Вик в неё влюбился. Вряд ли будет сложно всё

устроить. Вик странно поглядывает, когда они с Алёнкой переодеваются за деревом перед купанием в речке. Надо просто направить его мысли в правильную сторону.

Ангелина уже целовалась с местными парнями на деревенской дискотеке и приобрела некоторые познания в том, как привлечь мальчика. Сами по себе эти познания её не интересовали. Она думала только о том, как пробиться в Рублёвскую гимназию и свалить из тупой деревни и от тупой бабки.

Ангелина сунула руку в карман и нащупала несколько десятков. Последние. Но для дела — надо.

— Кому мороженого за мой счёт? — спросила она, — угощаю в честь выигрыша.

— Мне, — обрадовался Вик.

— Знаешь, — сказала Ангелина, — а я думаю, из тебя шикарный охранник выйдет. У тебя вид такой... быковатый. Алёныч, ты идёшь, а?

— Сейчас... Идите... я вас догоню.

Они уже дошли до магазина, а Алёна всё смотрела и смотрела на стену дома старой Кабанихи. Красную кирпичную стену, увитую зелёным плющом.

Глава 5

Старая Кабаниха

Через некоторое время Зина вышла из калитки. Она сердито говорила по мобильному:

— Конечно, я злая. Ты же знаешь маму. Она умеет всё испортить. Бумаги подписала, но что я выслушала...

Не заметив Алёну, Зина заперла калитку. Наклонилась, приподняла большую тяжёлую вазу с рыжими ноготками и сунула под неё ключ. Села в машину, хлопнула дверь и укатила.

Алёнка огляделась, извлекла ключ из-под вазы и открыла калитку. Перед ней был двухэтажный дом, красный, кирпичный, с каменными ступенями и высоким крыльцом. Где-то наверху залаяла собака. Алёна подняла голову и увидела на подоконнике чердачного окна стопки книг. Стекла были мутными, словно их давно никто не мыл.

Она позвонила в дверь. Никто не открыл. Тогда она дёрнула за ручку, и дверь поддалась. Алёна очутилась в маленькой прихожей. Дверь направо вела в кухню. Прямо вверх уходила широкая лестница. Сердце бухало в груди.

«Я как Алиса перед кроличьей норой, — подумала Алёна, — или как Люси перед дверью платяного шкафа. Или как Мэри перед Таинственным садом».

Застучало в висках, слегка намокли ладони.

— Эй, — позвала Алёна.

— Зина! Ну так же нельзя! — крикнули со второго этажа, — ты же забыла снять меня с тормоза!

Алёна поднялась по лестнице. Путь ей преграждала невысокая загородка с крючком снаружи. За нею был холл.

Там, за большим круглым столом, который был покрыт чёрной с золотой вышивкой скатертью и завален разными коробочками, сидела женщина в инвалидной коляске.

К Алёне бросился, перебирая кривыми лапками, маленький светло-серый мопс. Кончики его ушей, мордочка и хвостик были тёмными. Сам он был ладным и крепким — от лапок до складок на животе. Мопс лаял, но одолеть загородку не мог.

Пахло лекарствами, наверное, от тех коробочек на столе; из комнаты слышалось радио. За столом, прямо напротив Алёны, стоял высокий холодильник, рядом с ним висело зеркало, и Алёна могла разглядеть своё отражение. Вид у отражения был довольно неуверенный. Даже испуганный.

— А вы кто? — удивлённо спросила женщина.

— Добрый день. Меня зовут Алёна.

Губы у Алёны пересохли от волнения. Сердце по-прежнему бухало. Беда в том, что она не совсем понимала, что ей говорить.

— Я же вам звонила ещё зимой. Мне не нужна медсестра. Я сама колю себе инсулин.

— Я не медсестра.

— М-да? А похоже. Вы одеты, как медработник.

Алёна улыбнулась.

— Да нет, это индийский хлопок. Мне одноклассница привезла из Гоа.

— Так вы... ты ещё ребёнок? И кто тебя прислал? Зина? Или какой-то фонд?

— Я сама пришла, — сказала Алёна и тут же пожалела о своих словах. Надо было сказать, что она от Зины, а лучше — из фонда. Тогда бы у неё было полное право остаться. Тем более, что женщина ей понравилась. Она была полная, но не слишком толстая. Скорее, широкая. Кисти её рук, вцепившихся в подлокотники кресла, были крепкими, пальцы — узловатыми, как у учительницы по творчеству в начальных классах их гимназии. Учительница всё вздыхала, что у неё руки «как у прачки», но Алёне всегда нравилось, как умело она обхватывает своими узловатыми пальцами кусок глины или пластика и превращает его в грушу или кошачью мордочку.

На хозяйке дома со стеной, увитой плющом, была плотная тёмно-синяя юбка и такая же плотная белая рубашка с вышитым воротником.

Волосы очень светлые, распущенные, стрижка-каре, но не уложенная, а торчащая в разные стороны, и оттого причёска напоминала пирамидку. Один глаз у женщины чуть косил, и потому она смотрела на Алёну, слегка повернув голову в сторону. А ещё... Ещё у неё не было левой ноги.

— Так что тебе нужно? — спросила женщина очень строго.

И мопс тявкнул. Алёна вздохнула и решила сказать правду.

— Можно, я буду вам помогать?

— В чём?

— Просто приходить к вам... общаться.

— Тебе не с кем общаться?

— Есть. У меня есть друзья. Энджи, то есть Ангелина, и Вик. Он сын охранника нашего посёлка...

— Ах, ты из ЭТОГО посёлка. Из «Боярских палат». А кто твои родители?

— Можно, я не буду вам говорить?

— А они знают, что ты тут?

— Нет. Но я живу через несколько домов. Думаю, я могу уходить от дома на такие расстояния.

— Но почему тебе надо общаться именно со мной? Вам дали в школе задание найти одинокую старушку?

Женщина спрашивала без раздражения. Она как будто хотела исключить все варианты, которые могут ей не понравиться.

— Вы же одна живёте.

— Одиночество — это мой выбор, поверь мне, — улыбнувшись, сказала женщина, — я вовсе не брошенная старушенция.

У неё была довольно честная улыбка. И Алёна бы поверила, если бы не бабушка. Когда они навещали её, страдавшую жуткими болями, в клинике в Германии, она улыбалась так же. То есть искренне, но на самом деле эта искренность означала не «мне не больно», а «не волнуйтесь, ребята». Потому что глаза у неё улыбались не до конца. В них прятались капельки боли.

— А я думала, вас все бросили, — медленно сказала Алёна.

— Ну что за ерунда? Ты же видела Зину. Она только что уехала.

— Ну, хорошо, признаю, — сказала женщина с той же улыбкой, — общаться она со мной точно не хочет. Не понимаю, почему этого хочешь ты. И что мы с тобой будем делать?

— Читать. Чай пить. Разговаривать.

— Вообще-то, на лекарстве, которое я только что приняла, написано, что побочный эффект — возможные галлюцинации.

Алёна улыбнулась.

— И вот это будем делать, — сказала она, — смеяться вместе.

— Ты умеешь смешить?

Алёна подумала и сказала:

— Нет. Смешное часто само получается. Без всяких усилий. Но посмеяться-то лучше вдвоём.

— Знаешь, а ты мне нравишься. Такие студенты, как ты, в нашем университете были редкостью. Я говорю о паузах, которые ты делаешь, перед тем, как что-то произнести. Это значит, ты думаешь над словами. Обычно все торопятся. Болтают первое, что приходит в голову. Потому что боятся меня рассердить. А ты меня не боишься. Погоди-ка!

Женщина прищурилась и склонила голову набок. Голубые глаза смотрели с хитринкой.

— А ты в МГУ не собираешься случайно поступать? Многие приезжали, пытались со мной договориться. Так что сразу предупреждаю — я все связи растеряла.

— Нет. Меня папа в Англию отправляет учиться. В частную школу под Лондоном.

— Я не пойму тогда, почему ты пришла делиться своим обществом именно со мной?

— Вы живёте рядом. По соседству.

— Ах, вот в чём я провинилась! А разве с тобой по соседству не живёт какая-нибудь бедная и одинокая ДРУГАЯ бабуля, нуждающаяся в помощи? И у которой нет ни дочери — владелицы рекламного агентства в Москве, ни домработницы? Почему я?

— Я видела вашу стену во сне.

Они помолчали. По радио, которое по-прежнему вещало в комнате самому себе, пробило двенадцать часов.

«Радио «Маяк», — подумала Алёна, — как у бабушки. Интересно, тут тоже под приёмником вязаная салфеточка?».

— Ладно, романтическое существо, — наконец сказала женщина, — не знаю, каких книг ты начиталась. Вряд ли «Тимура и его команду», это для вас уже старье. Но придётся тебя пустить. Потому что надо же кому-то коляску с тормоза снять. Бэлла, фу! Это дружественная нам особа.

— Хотя, — вскинула она руку, стоило Алёне снять крючок с загородки и войти, — если ты надеешься, что я перепису на тебя дом, потому что ты мне скрасишь одиночество, то зря. Зина как раз сегодня подписала со мной все бумаги. На оба участка. И на этот, и на старый. И за это подарила коляску. Не то чтобы она так ставила вопрос... бумаги или коляска... Но так и вышло. Так что на дом не надейся.

— Если вы позволите скрасить вам одиночество, — повторила Алёна странную книжную

фразу, опускаясь на корточки и проводя рукой по коротенькой шерсти Бэллы, — то я получу гораздо больше, чем дом. Хотя он у вас и красивый.

Когда Алёна ушла, женщина, а её звали Лидия Матвеевна, сказала мопсу Бэллочке:

— Она пришла помогать. Бэлка, ты это слышала? Она считает, что мы ей поверим, да? Она думает, что мы с тобой вчера родились. Она ведь бежит от кого-то, эта Алёна. Прячется. Ищет защиту. То ли от друзей своих. То ли от кого-то ещё. Это интересно, Бэлка.

Она помолчала.

— Бэлка, а ты её точно видела? Я не галлюцинирую?

Мопс хрипло хрюкнул и тявкнул. И Лидия Матвеевна улыбнулась по-настоящему.

Глава 6

Первый день

Вообще-то Алёна возлагала большие надежды на первый день. Ей припомнилось, что первые уроки по любому предмету всегда проходят, как говорят учителя, «на подъёме». А ещё она где-то читала про эффект «первого раза». Кажется, в мамином журнале «Психология». Как и положено Идеальной Жене, мама читала статьи по психологии, если не в книгах, то хотя бы в журналах.

В статье, которую читала Алёна, говорилось, что первое свидание или первое занятие обычно вызывают энтузиазм у обеих сторон. А потом всё сложнее заставлять себя учить язык или встречаться с человеком и работать над отношениями.

Алёне понравилось словосочетание «работать над отношениями». Это было похоже на «работать в саду». Алёна всегда мечтала о работе в саду, с тех пор как прочла книгу «Таинственный сад». Раньше она немного помогала садовнику, но потом мама увлеклась фэн-шуйем.

Милочка купила в электричке журнал, в котором говорилось о китайском саде. Прочитав его, она сказала, что папа мало времени проводит дома, потому что дом построен не по правилам фэн-шуйя. Папе в нём дискомфортно. Тогда они перекрасили коридор в ядовито-зелёный цвет, расставили повсюду стеклянные вазочки с бамбуком. Папа не стал бывать дома чаще, и тогда они взялись за сад. Заказали камни нескольких видов, перекроили дорожки так, чтобы по ним свободно текла энергия, задумали сделать несколько водоёмов.

Соблюдать законы фэн-шуйя у садовника не выходило: сакура не приживалась, валуны гармонично не складывались. Он нервничал, боялся увольнения и просил забрать маленькую Алёнку, чтобы она не путалась под ногами и не сбивала с важной мысли о том, как должна распределяться по саду энергия.

Она дошла до местной почты и купила там несколько журналов. На разные темы.

В одном было про цветы, в другом — про вязание, в третьем — про собак. Пусть Лидия Матвеевна сама выберет, что ей интересно.

Алёна заметила вчера на подоконнике пару журналов из тех, что пишут о жизни звёзд, и пару газет. Наверное, их привезла Зина. А вот таких, которые купила Алёна, о каком-нибудь хобби, на подоконнике не было. А хобби у Лидии Матвеевны должно быть обязательно. Как можно сидеть целый день одной и ничего не делать?

В холле сильнее, чем вчера, пахло лекарствами. Алёна присела на корточки, погладила Бэллочку. Мысленно обругала себя за то, что забыла прихватить мопсу печенье. Из холла вели три двери: одна в спальню, другая — в кабинет, третья — в ванную. Лидия Матвеевна выехала из спальни через несколько минут. Она была бледная, очень бледная.

— Что это?

— Журналы, вам почитать...

— Спасибо, я не люблю журналы.

— Жаль... Зря купила.

Алёна умолкла, но слово, как известно, не воробей...

Лидия Матвеевна развернула кресло и снова уехала в спальню. Потом вернулась с маленьким блестящим кошельком.

— Сколько они стоили?

— Лидия Матвеевна!

Алёна посмотрела ей прямо в глаза, но... Но толком она не поняла, какой глаз у Лидии Матвеевны лучше видит — тот, что косит, или нормальный? Попыталась смотреть в нормальный, но он даже не мигал... И она опустила глаза.

— Я спрашиваю, Елена.

— Восемьдесят рублей.

— Вот. Сдачу оставь себе. И никогда мне ничего не покупай. Без моего ведома.

Алёна кивнула. Скомкала сотню, сунула её в карман джинсов. Присела на корточки, принялась гладить Бэллочку. Ей хотелось расплакаться. Дело было не в словах Лидии Матвеевны. А в самом воздухе вокруг неё. В нём как будто плавали колючки, и надо было ими дышать.

— Что, тимуровец, не нравится тебе старушка, которой ты вызвалась помогать? Не ожидала, что она окажется со скверным характером?

— Бэллочке я тоже не могу принести печенье?

— Нет. У неё свой, специально адаптированный корм. Елена, пойми, мы с Бэллочкой живём в своей собственной вселенной. Она управляется мною. Это только внешне мы две прекрасные бездельницы. На самом деле всё происходит в определенном порядке.

— Я не буду нарушать ваш порядок.

— Вот спасибо!

Бэллочка повалилась на спину и прикрыла глаза. Алёна почесала мопсу живот.

— Все мои студенты, чтобы произвести впечатление, гладили мою собаку, — проворчала Лидия Матвеевна.

Алёна хотела ответить что-нибудь резкое, но вдруг подумала: «А зачем? К чему приведёт спор? Да ни к чему». И тут в голове всплыла статья, которую она читала в журнале «Психология». Там было о детях, как с ними общаться. Отрывки из книги. Тогда Алёне всё это показалось довольно искусственным. Но можно и попробовать...

— Вы сердитесь, — сказала она, — наверное, вам нехорошо. Мне очень жаль.

— В моём возрасте хорошего мало. Если очень интересно, у меня давление, и голова болит с утра.

— Когда болит голова — это очень тяжело, — согласилась Алёна. Фраза опять была из журнала, но Алёна постаралась сделать её не искусственной.

— Что бы ты понимала в головных болях, — проворчала Лидия Матвеевна, — ну да ладно. Ты же развлекать меня пришла, так?

— Да! — с готовностью вскочила Алёна.

— Тогда пойдём в зимний сад, и ты расскажешь мне о себе. О своей семье. И своих друзьях.

Лидия Матвеевна направила коляску к просторной комнате, но Алёна помедлила.

— Знаете, — сказала она, — я расскажу вам о друзьях, об их приключениях, но о семье — нет. Пока не расскажу.

— Так-так, — прищурилась Лидия Матвеевна, — ты же понимаешь, что теперь для меня становится самым интересным — как раз услышать о твоей семье.

— Нет. Извините.

— Почему? Впрочем, поняла. Ты на них за что-то разозлилась. И решила отсидеться у меня.

— Нет! Я люблю маму и папу и ни за что на них не сержусь.

— Хм. — Лидия Матвеевна улыбнулась. — Ну что ж, у нас с тобой неплохое начало отношений. Интрига.

— Никакой интриги, — с досадой сказала Алёна. «Вот глупая! Зачем вообще надо было упоминать семью!»

— Ну, загадку я чувствую, поверь мне. Я же учёный. Впрочем, приключения люблю не меньше. У вас с друзьями были приключения?

— Были, конечно, — с облегчением произнесла Алёна, — мы прошлым летом воровали кукурузу на фермерском поле. А ещё без разрешения плавали по реке на резиновой лодке в дождь.

Они направились в зимний сад. Лидия Матвеевна всё поглядывала хитро на Алёну, словно самым-то интересным было не плавание по реке в дождь, не кукуруза, а рассказ о родителях. Алёну это слегка раздражало. Но потом она подумала, что зато Лидия Матвеевна отвлеклась от головной боли. И это главное.

Неплохо началась «работа над отношениями»!

Глава 7

Новый мир

Ну вот и всё, — сказала Алёна, — больше я ничего и не помню. Хотя нет, был смешной случай, как Энджи дразнила мальчишек после дискотеки в местном клубе, но там... там нецензурные слова, вам наверное, не будет очень весело это слушать?

— Нецензурные слова я не уважаю, — согласилась Лидия Матвеевна, — к тому же, тебя явно не отпустили родители на «дискотеку в местный клуб», и о том, как она дразнила мальчишек, ты знаешь только с её слов. А значит, не сможешь обеспечить этой истории достоверность.

Она медленно объезжала с лейкой в руках горшки с цветами, стоящие на низких подоконниках в зимнем саду. В каждый горшок она втыкала палец, проверяя, не сырая ли земля, а потом поливала его.

Алёна примостилась у окна, откуда открывался вид на огород, полностью засаженный газонной травой.

«Как будто для игры в футбол, — подумала Алёна, разглядывая ярко-зелёное ровно подстриженное поле, — интересно, а внук навещает Лидию Матвеевну?»

Она не решалась задавать вопросы о семье, боясь встречных вопросов о собственных родителях.

— Рассказать тебе о моих приключениях? — спросила Лидия Матвеевна небрежно.

— Давайте!

Алёна устроилась на деревянной табуретке поудобнее, облокотилась на подоконник и приготовилась скучать.

Взрослые люди часто вспоминают своё детство и молодые годы, но как часто это бывает интересным? Однако ведь Алёна пришла не для того, чтобы слушать увлекательные истории, это же не кино. Она пришла помогать одинокому человеку.

Так что, когда Лидия Матвеевна неторопливо подкатила поближе к окошку, чтобы видеть

своё поле, Алёна уже изобразила на лице заинтересованность. Слегка сощурила глаза, чуть улыбнулась, внимательно посмотрела на Лидию Матвеевну. Легче лёгкого, в школе на уроках они только так и делали. Это был единственный вид вранья, который у Алёны получался.

— Однажды, — начала Лидия Матвеевна, — казаки привязали меня за косы к дереву и подожгли.

Алёна раскрыла рот.

— Ряженые казаки были, конечно. И огонь не настоящий. Но всё равно было страшно.

— А где это было? — прошептала Алёна.

— На сцене. Мы инсценировали казачьи песни с фольклорным театром.

— А вы были актрисой?

— Я была учёным. Исследователем.

Оказалось, Лидия Матвеевна всю жизнь преподавала историю русского языка на одном из факультетов МГУ. В составе фольклорных экспедиций она объездила всю Россию.

Алёнины родители ездили только за границу, и девочка представить не могла, сколько всего в России интересного. Лидия Матвеевна рассказала и про Музей мыши в городе Мышкине, и про дамбу из валунов на Соловецких островах, и про Валаамский заповедник, и про Вавилов дол, где был подземный монастырь, и про свадебные обряды волжан, и про карельские пирожки-калитки.

На чердачных подоконниках были сложены не книги, а отчёты об экспедициях с фотографиями. Алёна приподняла стопку отчётов, а под ними обнаружила несколько кассет с записями, и они провели пару вечеров, слушая казачьи песни и саратовские сказки в исполнении местных бабушек. Была там и песня «Ой ти Галю», про девушку, которую казаки привязали к дереву. А от песни «Когда мы были на войне» у Алёны по коже бежали мурашки, такая она была завораживающая.

— Когда мы возвращались из экспедиций, — мечтательно сказала Лидия Матвеевна, — то покупали на станции пломбир и уже в поезде топили брикетки в стаканах с растворимым кофе. Какое это было чудо — отдохнуть после работы, пить кофе с мороженым, смотреть в окно, играть в слова.

Алёна слышала стук колёс и чувствовала на языке вкус сладкого кофе.

— Энджи и Вик тоже часто играют в слова, — сказала она, — в названия городов.

— Я не об этой игре, — покачала головой Лидия Матвеевна, — мы себя считали учёными, и нам нужны были бумага, карандаш и загадка. Я же говорю, люблю загадки.

— Как это? — не поняла Алёна.

— Ну вот, неси блокнот. Дай листик мне, остальное возьми себе. Загадай слово в четыре буквы. Вон карандаш на столе, возьми. Мне дай ручку. И очки. Итак... Придумала слово?

— Да. Шкаф.

— Нет, мне говорить не нужно. Загадай другое. А я загадала своё. Теперь наверху напиши алфавит. Страничку подели пополам...

Игра по-настоящему увлекла обеих. Лидия Матвеевна быстро отгадала Алёнино слово — «клоп». А вот Алёна полчаса отгадывала слово «эльф».

— Ладно, ладно, — сказала Алёна, — а я зато знаю игру с пятибуквенными словами. Рисуем прямоугольник...

Иногда время бежало быстро, иногда медленно. Но на часы не смотрел никто.

По вечерам они читали. Алёна предложила. Она прикинула, сколько лет может быть Лидии Матвеевне, и приносила из дома те книги, которые она могла читать в детстве и юности.

А вот к хозяйственным делам Лидия Матвеевна Алёну не подпускала. Когда та порывалась вытереть пыль на комод или вымыть Бэллочкину миску, Лидия Матвеевна начинала сердиться.

— Елена! Я, конечно, понимаю, что у вас в доме за такие вещи отвечают нанятые люди и тебе охота погеройствовать у меня. Не получится.

— Но почему?

— Не хочу, чтобы твои родители меня потом обвинили в эксплуатации детского труда.

— Я же сама захотела... Вам тяжело одной со всем справляться.

— Спешу тебя успокоить: ко мне из Одинцово приезжает раз в неделю женщина, Наташа.

Она моет полы, окна, покупает продукты.

— Я как раз хотела предложить...

— Не надо, — строго сказала Лидия Матвеевна, — у нас с тобой хорошие дружеские отношения. Не будем портить их бытом.

Алёна улыбнулась, но возражать не стала.

— А ещё, — сказала Лидия Матвеевна, вдруг отвернувшись в сторону, — не обижайся, Елена, ты умна, ты должна понять. Ещё я не хочу к тебе сильно привязываться.

Алёна перестала улыбаться.

— Мне очень непросто было привыкнуть к тому, чтобы справляться одной. И тут появляешься ты. Лишаешь меня одиночества. Приучаешь к своему обществу. А если завтра ты влюбишься?

Лидия Матвеевна взглянула в упор, и Алёна увидела, что глаза у неё потемнели, из голубых превратились в тёмно-синие.

— Я всё равно вернусь, — пообещала Алёна.

— Это ты думаешь. Но в жизни никогда не получается так, как хочешь. Поэтому я хочу быть готова к тому, чтобы снова остаться одной.

— Очень жаль, — тихо сказала Алёна, — потому что я к вам уже привязалась довольно сильно.

Лидия Матвеевна промолчала, но на прощание повторила:

— Ты не должна на меня обижаться.

— Обижаться — это непродуктивно, — повторила Алёна неожиданно для себя папины слова. Вообще-то ей было немного обидно. Но она постаралась стереть эту обиду. Вспомнила про ластик. Ластик ей подарил Алекс. Давно ещё, когда только стало известно, что он в неё влюблён. А Сальвадор это вычислил. И вызвал их обоих для разговора.

— Вы должны забыть о любви, — сказал он, — Картория переживает тяжёлые времена. Пока мы не освободим страну от захватчиков, мы не можем позволить себе никаких чувств.

Она плакала, а потом Алекс принёс ей этот ластик. С виду обычная белая резинка. Изобретение карторийских учёных. Не исключено, что по заказу Сальвадора. Им можно было стирать чувства. Переполняешься яростью, и р-раз! Стёр. И спокоен.

— Сотрём нашу любовь? — предложил Алекс, — иначе он нас разлучит.

Алёна стёрла. Ей полегчало. Она и потом часто стирала какие-то чувства, уже в обычной жизни, не в Картории. Она не всегда помнила только, какие...

В этот раз она стёрла обиду. А когда шла домой, слова Лидии Матвеевны снова всплыли у неё в голове.

«Я должна быть готова снова остаться одной». Почему? Почему она так думает? Кто её кидал? Зина?»

Алёна вздохнула. Странно устроен мир. У Зины наверняка есть причины, по которым она никак не может быть с Лидией Матвеевной. И у её, Алёниных родителей, найдутся причины не пускать Алёну к Кабановым. Веские причины. Что тогда делать и Лидии Матвеевне, и Алёне? Если бы дело происходило в сказке, они бы подружились и ходили бы друг к другу пить чай, как какие-нибудь ёжик с медвежонком. А в жизни... Вот пьют они вместе чай. Смеются. А Лидия

Матвеевна всё равно готовится быть одна. И как будто не доверяет Алёне. Не пускает её внутрь.
А надо ли ей, Алёне, внутрь? Вдруг там кроется такая боль, что её не перенести никому?

Глава 8

Картория

Алёна сидела на подоконнике зимнего сада у бокового окна, которое выходило на крышу сарая.

Окно было открыто, ветер доносил до Алёны слабый речной запах и слегка теребил её волосы.

Они проводили в зимнем саду большую часть времени. В кабинет и спальню Алёна никогда не заходила, а в холле было темновато.

Алёна ждала Лидию Матвеевну, та перебирала в кабинете бумаги. Наконец она выехала, неторопливо подкатила к Алёне и улыбнулась слегка насмешливо.

— А между прочим, если тебе интересно узнать, мой муж сделал мне предложение в письменном виде!

— Очень интересно! Что-то вроде заявления написал?

Лидия Матвеевна засмеялась и протянула открытку.

— Смотри, что я нашла.

На открытке были сфотографированы цветы, а на обратной стороне написано: «Лидочка! Выходи за меня замуж!».

Алёна хотела что-то спросить, но ветер неожиданно вырвал открытку из рук. Они хором ахнули вслед выпорхнувшей из окна почтовой карточке с важными словами.

Открытка кувыркнулась в воздухе и опустилась на крышу сарая — она была покатой, но не слишком, по ней вполне можно было ползать человеку с неплохой физической подготовкой.

И хотя у Алёны не было никакой физической подготовки, она мгновенно перевесила ноги «за борт» и повернулась на живот.

— Ты куда? — закричала Лидия Матвеевна, резко крутанув колёса, — ну-ка залезь обратно!

— Да нормально! — выдохнула Алёна, — тут невысоко.

— Второй этаж! Алёна, не смей!

Но девочка уже перелезла на крышу и, цепляясь руками за конёк, стала медленно двигаться

туда, где под черепицей застряла открытка.

— Вот и всё! — сказала она громко. Слишком громко. Лидия Матвеевна поняла: Алёне страшно на скользкой черепице.

— Вот и отлично! — сказала она тоже нарочито громко, — давай, двигай сюда. А то я чай заварила, остывает.

А у самой перед глазами так и прыгают страшные картинки — Алёна на земле с неестественно вывернутыми то ногами, то руками.

Но Алёна зажала в зубах открытку и поползла обратно, по-прежнему цепляясь за конёк, осторожно передвигая ноги по скользкой черепице и совсем не собираясь падать. Пару раз она поскальзывалась, но тут же возвращала ногу на место. А сердце Лидии Матвеевны возвращалось на место не так быстро, оно ещё долго ухало после противного скользкого звука, и ладони стали влажными и даже слегка болели.

Наконец Алёна достигла окна. Лидия Матвеевна не видела её, слишком высоко было тянуться. Но руки девочки на подоконнике не появились.

— Шлишком высоко, — услышала Лидия Матвеевна. Она не выдержала, схватилась за подоконник и привстала. Алёна, согнувшись, крепко держалась за конёк. Лидия Матвеевна поняла: съехать-то вниз она съехала, а вот чтобы попасть обратно, нужно было отцепить руку и вытянуться, а у Алёны гибкости не хватало.

— Подожди! Ты... Ты держись там! — выпалила Лидия Матвеевна.

— Да я дервусь! Профто тут...

— Не трать силы на разговоры! Я сейчас кого-нибудь позову на помощь!

Она быстро опустила в кресло и покатила к телефону в холле. Схватила записную книжку, позвонила Виктору, соседу, который зимой обметал снег с крыльца. Тот не подошёл. Может, уехал в Звенигород по делам?

«Почему Алёна молчит? — вдруг испугалась Лидия Матвеевна, и рванулась к окну.

— Алёна! Ты там?

— А куда ве я могу...

— Ладно... погоди, я сейчас... Я придумаю что-то.

— Вы фто-нибудь фкиньте! Профтынь!

— Да как я скину? А вдруг я тебя не удержу?

— А вы привявите конец профтыни к ватарее!

— А! Точно!

Теперь она поехала в спальню. Быстро стянула покрывало, отбросила одеяло, начала сдергивать простыню, но потом схватила покрывало, плотное и крепкое на ощупь.

— Алёна! Я иду! Ты там только...

— Да нормально фее... Вот вуки ватекли...

Лидия Матвеевна привязала один конец покрывала к трубе батареи, а другой быстренько выбросила в окно.

— Еее!

Она передвинула покрывало чуть левее. Но всё равно за него никто не хватался.

— Алёна!

— Страфно...

Вот тут у Лидии Матвеевны прямо потемнело в глазах от ужаса и беспомощности.

— Ты... ты...

— Ладно! Жулиана! Амоги мне!

Покрывало дёрнулось сначала один раз. Потом второй. Наконец, руки Алёны показались на подоконнике. Лидия Матвеевна сразу за них схватилась. Ледяные!

Алёна приподнялась, опираясь на конек, и выплюнула открытку на подоконник.

— Пустите, я залезу сама.

Она подтянулась, ввалилась в окно и сползла на пол. Подняла голову. Встретилась глазами с Лидией Матвеевной. Пару секунду они смотрели друг на друга, а потом неожиданно расхохотались во весь голос.

— Ужас какой! — сквозь смех выговорила Лидия Матвеевна, — я чуть с ума не сошла!

— Да! Думаете, не возьмут меня в цирк «Дю Солей»?

Они снова принялись хохотать. Наконец Алёна перевела дух.

— Больше на подоконники не полезу.

— Не на подоконники, а за подоконники лазать не надо!

Алёна снова всхлипнула от смеха.

— А что ты... Что ты выкрикнула напоследок? Что за Жулиана?

Алёна посерьёзнела.

— Смеяться не будете?

— Сил уже нет, а то посмеялась бы.

— Хм... Ладно, расскажу. Чтобы нам с вами поскорее забыть это происшествие... Только можно мне чаю?

— Конечно. Сейчас принесу.

— Я вам помогу.

Алёна встала, но ноги подвели её и она снова уселась на пол.

— На полу лучше не сидеть, — сказала Лидия Матвеевна, — сквозняк ведь, продуть может. Давай-ка, держись за моё кресло. За ручки. И пойдём, доползём до кабинета.

— Вот будет штука, если мы обе грохнемся, — пробормотала Алёна, приподнимаясь и цепляясь за ручки.

— Прелесть, — откликнулась Лидия Матвеевна, глянув на отражение в зеркале, которое висело на стене холла, — битый небитого везёт.

Обе фыркнули и продолжили путь. Посреди кабинета стоял рабочий стол из тёмного дерева, накрытый стеклом, весь какой-то поцарапанный.

— Это я из своего университетского кабинета забрала, — объяснила Лидия Матвеевна, — его вроде выбрасывать собрались, когда меня... выбросили. Мне жалко стало, перевезла домой.

Вдоль стены шёл книжный шкаф, забитый вперемешку книгами, тетрадями, какими-то листами. У окна — широкое кресло, рядом лампа-торшер с мягким тканевым абажуром. Лидия Матвеевна довела Алёну до кресла.

— Садись. Не подоконник, конечно, но сидеть на нем тоже удобно. Я-то знаю, я в нём жила, пока Зина мою карету не привезла.

Алёна хихикнула, и Лидия Матвеевна отправилась за подносом с чашками.

Чайник и маленькая, с одной конфоркой, электрическая плита стояли в спальне. Домработница Наташа готовила внизу на большой кухне еду на неделю, потом переставляла её в холодильник на втором этаже, а Лидия Матвеевна всю неделю разогревала себе обеды на этой плитке. На ней же варила вечером гречку.

Она налила чай, а потом, подумав, капнула валерьянку — и себе, и Алёне. Достала из шкафчика, где хранила крупы и печенье, упаковку шоколадных конфет — Зина как-то ночевала (давно это было) и оставила.

Алёна взяла чашку в руки, а от шоколада отказалась наотрез.

— Ну съешь хоть маленький кусочек. Как лекарство!

— А вы завидовать будете?

— Зачем мне завидовать?! Я привыкла! Я себя контролирую.

— Нет. Настоящие друзья так не поступают.

— О, Боже. Ну что ты за идеалистка! Хорошо. Рассказывай про Жулиану.

Лидия Матвеевна положила коробку с конфетами на письменный стол, объехала его и уселась за ним поудобнее.

— Джулиану, — поправила Алёна, — когда я была маленькая, — ну, было мне лет девять или десять... Я выдумала себе страну. В ней я была... ну... как бы это...

— По меньшей мере — королевой, — серьёзно сказала Лидия Матвеевна.

Алёна слегка покраснела. Чтобы не смущать девочку, Лидия Матвеевна взяла листок бумаги и принялась что-то чертить.

— Не совсем королевой, — наконец продолжила Алёна, — нашим правителем был Сальвадор. А мы с Алексом просто выполняли его задания. Нашу страну захватили завоеватели. Такие... большие лягушки. Которые ходят на задних лапах и умеют разговаривать. Серые. Не зелёные. Они захватили власть и обижали мирных жителей. А мы...

— Так вы были повстанцами, — сказала Лидия Матвеевна.

Алёна пару секунд изучала её лицо — не смеётся ли? Ведь Алёна никогда и никому не рассказывала про свою страну. Она часто играла в неё, не только когда ей было девять, но и сейчас. Хотя, если честно, игрой Алёна свою страну не считала. Просто перевоплощалась в Элен, отважную и сильную, которая вместе с другом помогает жителям скинуть с себя власть злых лягушек. Обычно Алёна играла в ванной, представляя, что шампунь и паста — это переговорные устройства, по которым они получают приказы от Сальве, как они называли его, а зубные щётки — это на самом деле лазерные мечи.

— Да, мы были повстанцами. Поэтому нам всё время нужно было прятаться и шифроваться. Мы отслеживали отряды лягушек и придумывали, как с ними справиться. В нашей Картории была лаборатория, где мы разрабатывали разные виды тайного оружия. Я руководила лабораторией, а Алекс был партизаном и... иногда его брали в плен.

— У тебя в классе есть Алексей, в которого ты влюблена? — вдруг спросила Лидия Матвеевна.

— Нет, — покачала головой Алёна, — Лёша есть, даже двое, но это... не то. Понимаете... У нас в Картории очень жёсткие правила на этот счёт. Мы с Алексом не должны были влюбляться друг в друга ни в коем случае. Иначе нас разлучат. Сальвадор считал, что чувства мешают делу. И он рассылал парочки по разным планетам.

— Но ты-то в Алекса всё равно была влюблена.

— Мы оба были. Но потом по приказу Сальвадора стёрли в себе любовь волшебным ластиком. То есть я-то стёрла, а он... Я не знаю.

Алёну вдруг словно обдало горячим паром. Как же так? Что на неё нашло? Зачем она стала рассказывать Лидии Матвеевне про Карторию? Она ведь никогда и никому... Это звучит как бред, детские выдумки! Во всём виновато путешествие по крыше. И что теперь? Лидия Матвеевна не хочет ей даже доверять, а она, как дурочка, растрепала о самом дорогом, что у неё было, о самой важной в жизни тайне. Она ведь видела Алекса своими собственными глазами. И разговаривала с ним. И... вдруг он теперь не вернётся к ней?

— А Джулиана... Это твоя соперница? — спросила вдруг Лидия Матвеевна.

Алёна повеселела. Надо же! Назвать Джулиану соперницей!

— Что вы! Это королева Мудрых Птиц. Понимаете, нам помогают не только ребята из лаборатории, которые соображают, как с научной точки зрения всё разработать против этих лягушек. Но и Птицы. Они огромные тоже, в человеческий рост. Похожие на сов. Мудрые птицы отвечают каждая за своё. Кто-то может подсказать, как обхитрить противника. Кто-то помогает догадаться, каков будет следующий шаг. А Джулиана, она вообще моя подруга. И я с ней

советовалась, если у меня трудности. К Птицам любой может прилететь и посоветоваться. Для этого они укладывают человека в такой гигантский гамак, раскачивают его и разговаривают тихонько. Обычно мы прилетали к Джулиане по ночам. Я легла в свою кровать и представляла, что это...

Алёна осеклась. Она поняла, что Лидия Матвеевна давно уже не слушает её. Она всё чертит и чертит что-то. Или пишет. Хотя нет, скорее чертит.

— Ну ладно, — с усилием сказала Алёна, — давайте про что-нибудь другое поговорим.

— Встать сможешь? Посмотри сюда!

Алёна встала, обогнула стол и... обомлела.

На листке выстроились все-все. И Мудрые Птицы во главе с Джулианой. И огромные мерзкие лягушки на задних лапах. И гамак. И Алекс. И даже она сама, Элен, в белом, каком-то космическом костюме. Похожая на неё, Алёну, но в тысячу раз прекраснее.

— Кто вас научил так рисовать?!

— Это не умение. Это скорее рефлекс. Видишь ли, мой отец был известным иллюстратором. Рисовал для «Крокодила» в советское время. И для газет. А мне досталось по наследству... ну, хорошо, умение, но оно явно непрофессиональное. Просто если меня что-то поразит до глубины души или восхитит, я могу это зарисовать. А что, похоже?

Алёна молчала. Она была потрясена. То, о чём она мечтала, было здесь, на бумаге. И можно было не бояться, что оно исчезнет.

— А вы... дадите мне этот рисунок?

— Конечно. Если тебе понравилось, то можем продолжить. Хочешь, Расскажи мне о том, что у вас там в Картории происходило, и я это зарисую.

Алёна перевела дух.

— Просто чудо какое-то, — пробормотала она и в рассеянности отправила в рот шоколадную конфету.

— Ой! — тут же воскликнула она, — я же не хотела...

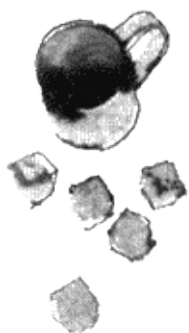
Тут Лидия Матвеевна рассмеялась и вдруг обхватила Алёну рукой за талию и прижала к себе.

— И кто тебя ко мне прислал? — прошептала она еле слышно.

Глава 9

Тайна

Ангелина была неприятно удивлена, обнаружив, что влюбить в себя Вика не так-то просто. Ей повезло — Алёнка где-то пропадала уже пару недель, наверное, гостила у своих крутейших одноклассниц на Николиной горе. Надо бы зайти к ней или позвонить, но она может помешать ей действовать. Хотя мешать пока было нечему. Вик оказался настоящим тюфяком! С таким же успехом она могла заставить влюбиться в себя бочку с огурцами.

Ангелина и загорать его вместе приглашала. И шашки из дома вытаскивала, чтобы дать ему возможность коснуться её рук в игре. И (ладно, чего не сделаешь ради победы!) стала поддаваться ему в играх. Бесполезно. Никаких намёков, что она ему нравится.

«Ну вот что он сейчас сидит как истукан и пялится на воду, а?» — раздражённо подумала она.

Вик и в самом деле сидел на корточках и перебирал речные камни. Станные чувства они у него вызывали. Какую-то зависть, что ли... Потому что камни были живыми, настоящими, а все поделки — нет. Копии замков, дворцов, монастырей — они были игрушками. Как их сделать настоящими? Может, больше добавлять природных материалов, тех же камней... Вот сожмёшь камень в руке и ощущаешь какую-то силу, которая несла этот камень через века.

Ангелина присела рядом и положила руку ему на плечо.

— Я замёрзла... Обними меня, чтобы согреть!

— С ума сошла? — спросил Вик, с сожалением выбрасывая камень, — тридцать шесть градусов жары. Я уже сварился.

— Тьфу! — разозлилась Ангелина, толкнула Вика в бок и забралась на пригорок.

— Ты чего? — спросил Вик, — обиделась? Нет, ну, Энджи, как можно в такую жарень обниматься? Хуже, чем в бане.

Ангелина хмуро глядела на дорогу. Вдруг она заметила Алёнку с рюкзаком за плечами.

Вот странная, папаша на «Порше», а она одевается, как в поход. Жилетка допотопная,

треники, кроссы стоптанные. Бабка Ангелины на огород и то лучше прикинется. Куда это она собралась? В Звенигород, что ли? Или опять на Николину к своим одноклассникам?

Но Алёна, к изумлению Ангелины, остановилась у дома старой Кабанихи. Пошарила под цветком. Достала ключ. Открыла калитку и зашла внутрь!

— Вот те на! — пробормотала Ангелина. — Что за тайны?! Вик! Собирай манатки!

— Куда?

— К старой Кабанихе.

— О, давай. Возле её дома классная ирга растёт, я ещё в тот раз заметил, но она незрелая была.

— Там Алёнка.

— Где?

— У Кабанихи.

— Что она там делает?

— Вот это и надо выяснить.

Алёнка тем временем поднялась по широкой лестнице и остановилась. Бэллочка не бросилась ей навстречу, как всегда. И Лидии Матвеевны не было видно. И ещё... запах. Мочи. Очень сильный. И...

У Алёны по коже побежали мурашки. Она отбросила крючок с загородки.

— Лидия Матвеевна! Лидия Матвеевна!

Бэллочка поскуливала где-то рядом.

— Бэлла! Фьюить!

Поскуливание усилилось. В ванной. Она в ванной! Алёна бросилась через холл.

Ой! Наступила ногой в лужу. Бэллочкина работа. Странно, ведь её обычно выпускают! Неужели... Алёна нажала на ручку ванной комнаты.

— Лидия Матвеевна!!

Она лежала на полу, ногами, то есть ногой к двери, скрючившись, без сознания.

Бэллочка кинулась к ней, но Алёна схватила её и заперла в спальне, чтобы не путалась под ногами.

— Лидия Матвеевна... Лидия Матвеевна...

Алёна села на корточки. Пощупала пульс, как это делают в кино. Есть. Поднесла ко рту тыльную сторону руки. Дышит. Но бледная... Надо вытащить её из ванной комнаты. Алёна взялась за ногу, но тут же отпустила. Было что-то странное в том, чтобы тащить человека за одну ногу. Может, её вообще нельзя никуда тащить?

Алёна вскочила и подбежала к столу, на котором были разложены лекарства. Там же была и записная книжка. Так... Зина... мобильный, домашний, рабочий... Позвонить? Алёна продолжала листать и вдруг увидела: «Тамара Алексеевна, зав. отд. эндокринологии». И тоже все телефоны: домашний, мобильный, рабочий.

Гудок, ещё гудок. Алёнин взгляд наткнулся на портрет Джулианы. Лидия Матвеевна изобразила её как сову с огромными добрыми человеческими глазами. Портрет она прикрепила к стене прямо напротив стола, возле входа в кабинет. Алёна ущипнула себя, чтобы проверить — не спит ли она. Ведь с добрыми птицами-советчиками она раньше встречалась только во сне.

— Я вас слушаю! — повторили в трубке.

— Тамара Алексеевна? Меня зовут Алёна. Я сейчас нахожусь рядом с Лидией Матвеевной Кабановой. Ей плохо, но она дышит. Она л-лежит. На полу.

— Алёна? Я думала, её дочь Зина!

— Я домработница!

— Ладно, Алёна, успокойся. Вызови скорую. Не волнуйся, похоже, это гипогликемический

обморок. Такое бывает при диабете. Пока ждёшь скорую, надо вколоть глюкозу.

— Куда? В вену?!

— Можно и под кожу. Справишься?

— Нет, — растерялась Алёна, — я не умею делать уколы.

— Это плохо. Тогда попробуй её накормить. Надо дать ей какую-нибудь булочку.

— Но она же без сознания.

— Алёна, она без сознания, потому что ей не хватает сахара. Инсулин у неё есть, а сахара внутри нет. Надо дать ей сахар.

— Напоить! Я могу её напоить.

— Конечно, молодец. Вызывай скорую.

В шкафчике у плитки сахара не было. Пришлось спуститься вниз, на большую кухню. Там оказалась коробка рафинада, рядом с баночкой растворимого кофе, наверное, Наташа пила после того, как всё закончила.

Алёна растолкла пять кубиков в стакане с водой (греть нет времени!), размешала, вернулась в ванну. Положила голову Лидии Матвеевны к себе на колени и стала поить её, как маленькую. Та сначала давилась. Потом начала глотать. А через некоторое время открыла глаза. А ещё через некоторое время подъехала машина.

При виде машины Вик отскочил от ирги, ветку которой придерживал правой рукой. Лево́й рукой он обрывал и кидал в рот синие ягодки, ожидая, что Ангелина придумает, как им попасть внутрь.

— Скорая! — удивилась Ангелина.

Врачи, выскочив из машины, открыли калитку, подпёрли её камнем и побежали в дом. Тогда Ангелина и Вик тоже зашли во двор и спрятались за деревьями.

Мимо них на носилках пронесли Кабаниху. Засунули в машину и уехали.

— Пойдём внутрь, раз Алёнка ещё там? — предложил Вик.

— Нет уж. Сначала я выясню, что она там делает, — сказала Ангелина.

Она подошла к сосне, взялась за нижнюю ветку. Вик со вздохом подошёл к соседнему дереву. Отец прав, надо больше заниматься физкультурой. С таким весом не то что охранником стать, на дерево забраться не можешь. Но тут же в голову пришла другая, гораздо более интересная мысль. Дерево — тоже живой материал. Как камень. Может, выпиливать некоторые модели замков из дерева? Чтобы они выглядели более живыми?

— Ты скоро? — спросила Ангелина.

Она залезла на толстую ветку на уровне второго этажа, уселась на неё, спустила длинные худые ноги с расчёсанными комариными укусами. Ветка под кроссовкой Вика хрустнула, но он успел перелезть на другую. Садиться не стал — побоялся. Вдруг ветка надломится, и он грохнется и сломает себе позвоночник.

— Вон она, — показала Ангелина, — а теперь куда делась?

Она сощурила глаза и походила на какого-то злобного галчонка или воронёнка.

— Ты её видишь?

— В соседней, — сообщил Вик, вытянув голову, — там ванная у них. Окно матовое.

— Тебе видно, что она там делает?

Вик залез чуть повыше. Где-то вдалеке лаяла, как сумасшедшая, собака.

— Ой!

— Да тише ты.

— Она пол моет около ванны.

— Ух ты. Прикол. Наша Алёна моет полы старой Кабанихе. Ничего себе.

— А теперь вытащила из ванной кулёк с чем-то. Слушай, это памперсы те самые, что ли?

— И выносит памперсы?! Вау.

— Может, войдём внутрь и спросим, что она там делает? — предложил Вик, с опаской глянув вниз.

— Нет.

— Почему?

— Потом объясню.

Алёна вымыла за Бэллочкой пол. Собрала мусор. Лидии Матвеевне не понравилось бы это. Но никто не знает, сколько её продержат. А когда приезжает из Звенигорода Наташа, Алёна не помнила.

Её слегка бил озноб. Руки дрожали. Внутри тоже всё дрожало. А вдруг она ошиблась бы, и Тамара эта оказалась бы не тем врачом? И вообще — она что, уверена, что это тот самый обморок? Гипо... гликемический. Надо вернуться домой и погуглить этот обморок.

Какое счастье, что Лидия Матвеевна развесила по стенам портреты всех — Алекса, Сальвадора, птиц. Как только уехала скорая, Алёна принялась мысленно с ними разговаривать.

«Бэллочка!» — вдруг вспомнила она.

Алёна открыла притихшей, словно отчаявшейся собаке дверь, и та буквально прыгнула к ней на руки.

— Прости, — пробормотала Алёна, глядя её.

А Бэллочка завывала, глядя на загородку, которую Алёна забыла закрыть после ухода врачей.

— Она вернётся, — сказала Алёна, — всё будет хорошо, она обязательно вернётся.

Она прижала к себе плюшевую собаку и посмотрела на друзей из Картории. И все они словно кивали, да-да, всё будет хорошо!

— Хочешь на улицу, Бэлла? Сейчас я тебя выведу. Пойдём.

Она надела собаке поводок, вышла на улицу, по-прежнему не замечая слезки. Дрожь в руках немного унялась. Но внутри так всё и ходило ходуном.

«А непростая штука — ответственность за другого, — вдруг подумала Алёна, — и выбор — тоже непростая».

Она-то думала, что дело ограничится книжками и пирожными. А тут такие серьёзные вещи. Колоть глюкозу... Звонить врачам... Видеть, как беспомощная одноногая женщина лежит в ванной без сознания... Это были всё какие-то серьёзные, взрослые вещи.

«Готова ли я к этому? Справлюсь ли? Потяну ли?» — мучительно размышляла Алёна, придерживая поводок Бэлочки, которая с изумлением обнюхивала каждый кустик. Ведь мопсика так давно не гуляла на улице.

Ангелина легко слезла с сосны. А вот Вик снова наступил на слишком тонкую ветку и упал на землю, неловко подвернув ногу.

— Блин... — Он чуть не заплакал. Но Ангелина посмотрела так насмешливо, что он сдержался.

— Зачем мы караулили Алёнку? — сердито спросил он, стискивая зубы от боли, — почему не пойти и не спросить? Что она, врать нам станет? Мы её всю жизнь знаем!

— А потому, — усмехнулась Ангелина, — что она молчит. Ходит сюда тайком от нас. Значит, тут какой-то секрет. Значит, не зря она выгуливает Кабанихиных болонок и выносит за ней памперсы. С этого дня установим слежку и выясним.

Вик покачал головой и поморщился от боли. Ангелина видела: он так расстроен и взволнован, что сейчас она может сделать всё, что угодно. Он в её власти. Может подойти, поцеловать, а потом объявить себя на весь белый свет его девушкой. И потребовать с него деньги.

Но губы у Вика были чёрно-синие от ирги, и сам он был толстой рыжей потной бочкой с

огурцами. Нет желания такого целовать. Тем более, что тут, у старой Кабанихи, происходит что-то подозрительное. А у старой Кабанихи денежки-то водятся. Это Ангелине доподлинно известно. Так что посмотрим, что тут можно выжать.

Глава 10

Нет!

Зина глянула на себя в зеркало и укрепилась в мысли: цвет кофты — отвратительный. И купила-то почему? Никогда ведь ничего в переходах не покупала, только в магазинах. А тут возле Белорусского вокзала окликнули: «Девушка!» Она и купилась. То есть купила. Вот эту ужасную чёрно-белую кофту, которая к тому же обтягивала совершенно ненужные места.

Она съехала с Николиной горы. И справа и слева раскинулись широкие жёлто-зелёные поля, словно родное село раскрывало свои тёплые родительские объятия навстречу Зине, но она заметила только стадо чёрно-белых коров, пасшихся возле фермы, и снова с досадой посмотрела на кофточку в зеркале.

Через некоторое время Зина ощутила под колёсами мягкий переход с гладкого асфальта Рублёво-Успенского шоссе на шуршание сельской дороги. Она проехала мимо церкви, где в ряд стояли джипы и крошечные спортивные машинки. Церковь была из красного кирпича, а купола — матово-черными. Местные утверждали, что купола когда-то были покрыты неокрашенной медью и она со временем окислилась.

Зина вспомнила, как была с матерью пару раз на службе, и к концу одной из них появился весь из себя «товарищ из джипа», обошёл очередь на исповедь и встал в начале. Возразить ему никто не посмел.

Ой! Зина вдруг сообразила, что совершенно забыла о матери, которую везла домой из больницы, — она была тут же, рядом, на переднем сидении. Зинина совесть словно нахмурилась и скрестила руки на груди.

«Я думала о дороге! — возразила совести Зина, — я должна была сосредоточиться на дороге! Я же человека из больницы домой везу. К тому же... Разговаривать с ней бесполезно».

Она глянула на мать. Бледная и вредная. Вреднее, чем обычно. Зина вздохнула. Надо, надо поговорить. Иначе совесть не ограничится хмурой гримасой, а будет приходить по ночам и мучить, мучить, мучить...

— Мама, ты подумала?

— О чём?

— Ты издеваешься? О сиделке!

— А. Найдёшь того, кто будет любить меня за деньги?

— Того, кто будет помогать тебе за деньги! Следить, чтобы ты вовремя ела. Потому что в следующий раз будет не гипогликемический обморок, а гипогликемическая кома.

— Я не хочу сиделку.

— Да! — разозлилась Зина, — ты хочешь, чтобы я переехала в деревню и сидела тут с тобой? А как я буду ездить на работу?! А Кольку мне куда, в сельскую школу пристроить? На Рублёвскую гимназию у нас, извини, денег нет! А Саша? Как он будет добираться до офиса?! Или мне бросить сына и мужа только потому, что у мамы какие-то принципы?! Чтобы потом, вернувшись, не найти ни мужа, ни сына, потому что их пригреет другая молодая женщина!

Лидия Матвеевна смотрела в окно. Вот маленький покосившийся домик, кусты смородины и стол во дворе, покрытый клеёнкой. А вот — особняк, похожий на Казанский вокзал.

Рублёвка не так давно стала популярной. Раньше домишко на домишке сидел. Их кирпичный кубик был когда-то одним дворцом на всей сельской улице. Солиднее была только дача Фурцевой. А сейчас построили столько особняков...

— Мама! — крикнула Зина, пытаясь достучаться до Лидии Матвеевны, — ты меня слышишь?

— Слышу, Зина. Но ничего не могу ответить. У меня в голове только одно слово: «Нет». Я не знаю, чего я хочу. Я знаю, чего я НЕ хочу. Сиделку не хочу.

Зина выключила радио и всю оставшуюся дорогу молча кусала губы. А когда выгрузила вещи и помогла матери перебраться наверх, сказала:

— Ты добилась своего. Я уеду. Но спать не буду всю ночь. Из-за тебя.

Лидия Матвеевна хотела сказать, что она вовсе этого не добивалась, но... Слово «нет» застряло в голове, как заноза. Нет. Она ничего не будет говорить. Ей теперь всё равно. После того, что сказали врачи.

Как только Зина уехала, Лидия Матвеевна слышала лай и скрип шагов по лестнице.

Появились Алёна с Бэллочкой. Собака, взвизгнула от радости, а Алёна, наоборот, строго посмотрела на Лидию Матвеевну.

— Я больше вас не буду слушать, — сказала она, — что мне делать, а что нет. Я буду учиться делать уколы. Чтобы в нужный момент не растеряться, а вколоть вам глюкозу.

— Алёна... Мне нужно с тобой поговорить.

— Конечно. Мы будем разговаривать. И читать. И ещё перед уходом я каждый раз буду проверять, есть ли у вас еда. Чтобы вы не падали в ваши обмороки. И ещё я буду гулять с Бэллочкой. Я не изо льда. От работы не растаю. Я хочу нести за вас ответственность.

«НЕТ!», — закричал кто-то внутри Лидии Матвеевны. Но она не посмела сказать ничего этой решительной девочке, которая говорит сквозь сжатые зубы. Неожиданно для самой себя Лидия Матвеевна принялась мысленно рисовать Элен, только теперь — прямо с неё, с Алёны. Уж очень она была похожа на выдуманную королеву страны Картории.

— Вы мне нужны, — сказала Алёна, — когда я с вами... то от меня... есть польза какая-то миру.

— Тогда полей цветы в зимнем саду, — тихо сказала Лидия Матвеевна, — пожалуйста.

Алёна улыбнулась. Сняла с Бэлочки ошейник. И пошла в ванную — набирать в лейку воду. Она была уверена, что её приняли. Она даже не подозревала, что Лидия Матвеевна твёрдо решила найти способ прогнать её.

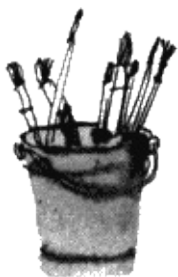
Ради Алёниного же блага.

Глава 11

Мечта Вика

— Итак, — сказала Ангелина, закинув ноги на стол посреди комнаты Вика, — по результатам слежки установлено: Алёныч помогает Кабанихе. Делает это тайно. Не только от нас, но и от родилок. Потому что домой приходит ровно в то время, когда на «Поршике» приезжает её папаша-таракаша.

Вик отодвинул макет Саввино-Сторожевского монастыря подальше от Ангелининых ног, чтобы она нечаянно не скинула его на пол.

— Вопрос! — сообщила Ангелина, — зачем?

— Хочет и помогает, — пожал плечами Вик.

— Ёлки! Вик! Ну пошевели мозгой хоть раз в жизни! Ты станешь хоть кому-нибудь помогать просто так? А? Чтобы тебе не платили. И чтобы ты сам этого хотел?

Вик бы стал. Маме. Без вопросов. Но признаваться в этом перед Энджи? У неё, бедолаги, вообще мамы нет...

Он уткнулся носом в макет. Вчера сделал несколько фотографий в Звенигороде. Ближко-близко снял стену монастыря. Чтобы добиться максимального сходства. Утром перепробовал все оттенки цвета, мешая белый с серым, с жёлтым, с голубым. Не то.

— Я вот помогаю бабке на огороде, — продолжала разглагольствовать Ангелина, — но я ненавижу это делать!

— Как твоя бабушка себя чувствует? — спросил Вик, разглаживая складку на стене. Папье-маше в одном месте слегка скособочилось.

Ангелина посмотрела на него, как на идиота.

— Знаешь, Вик, — начала она, — ты раньше вроде нормальным был. Пока не увлёкся этими своими замками. Тебе что, правда интересна моя бабендра?

— Ты тоже нормальная была. Пока не выдумала себе эту идею. В гимназию устроиться.

— Вик, я хочу пробиться к нормальной жизни. У тебя папа. У Алёны — таракаша на

«Порше». За мной никого нет, пойми! Мне надо с чего-то начать.

— Пойдёшь работать, как твоя сестра.

— Самый умный, да?! — закричала вдруг Ангелина, — ты сам собираешься работать, а? Сам-то вон замки клеит. А другим советует пойти поработать.

— Это хобби, — ответил Вик, помрачнев, — мне, Энджи, тоже будет непросто. Я люблю вот это, — указал он на макет. — А надо будет вот это! — кивнул Вик на натянутую посреди бытовки верёвку. На ней сушилась форма дяди Саши, тельняшка и штаны защитного цвета.

— Нормальная работа для мужика.

— Но я-то её не люблю.

— Никто не любит свою работу. Это тоже нормально, — уверенно сказала Ангелина, — это же как учёба. Нормальный человек разве любит учиться? Ну вот по-честному если...

По-честному Вик снова постеснялся ответить. Он любил историю. Каждый урок был в кайф. А уж если мамка бралась что-то рассказывать историческое...

— Молчание — знак согласия, — заключила Ангелина, — короче, вот мой план. Надо у Алёнки допытаться, чего она к Кабанихе зачастила. Там наверняка нормальная причина есть. Да оставь ты в покое свои краски, а? Всё равно так, как в жизни, не получится никогда!

Вик вздрогнул. Ангелина умела попасть в больное место. А он и правда после того похода на реку, когда он ощутил природную силу камней, стал мучаться тем, что его макеты здорово отличаются от настоящих крепостей.

Он накрыл макет газетой, отнёс на шкаф.

— Вот и молодец! — похвалила Ангелина, — я буду крутым юристом или директором банка и найму ребят из твоего агентства, чтобы они меня охраняли. Ничего, Вик, прорвёмся, тут не останемся. Главное, на чушь не отвлекайся и меня слушайся.

Вик обычно так и делал с самого детства. Слушался Ангелину. Она всегда легко доказывала, что она умнее и сообразительнее его.

Но сегодня Энджи вторглась в самое дорогое, что у него было. В мечту построить такой макет, чтобы в нем зазвучала история подлинника. Найти такой материал, который передаст эту историю.

Мечта зашаталась после Ангелининых слов. Младшие сёстры верили в гороскопы и как-то сказали Вику, что его знак — «рыбы» и поэтому ему легко что-то внушить. Вот и сейчас он задумался: может, Энджи права? И его мечты — это чушь?

С другой стороны, тяжело, наверное, жить, когда в твоей жизни нет мечты, а есть только

работа, которую не любишь?

Глава 12

Ссора

Случай избавиться от Алёны скоро представился. Алёна принесла книгу «Таинственный сад». Читала вслух с вдохновением. А на Лидию Матвеевну книга особого впечатления не произвела. Ну, есть, безусловно, и замысел, и мораль, и метафоры, но как-то... нежизненно. Было бы в жизни так всё легко. Сажай и будь счастлив. Впрочем, подросткам такое нужно. Надо вселять в них веру в светлое будущее. То, что его нет, им знать не обязательно.

Лидия Матвеевна взяла «Таинственный сад» в постель. Решила перечитать те места, которые особенно громко и чётко сегодня читала Алёна. Чтобы представить перед собой её лицо. Полное света, силы. Лицо Элен из Картории.

Лидия Матвеевна открыла книгу и обнаружила на первой странице: «Алёне Сотниковой от Нади Быстровой».

Утром позвонила на почту:

— Оленька? Это Лидия Матвеевна Кабанова из сорок пятого дома. Не подскажешь, Сотниковы по какому адресу живут? Они вроде бы из «Боярских палат». Ага, в первом. Нет, не знаю. О, председатель правления... Поняла. А телефон его имеется? Нет, Оленька, ничего не случилось.

Алёна поднялась в тот день по лестнице, что-то насвистывая.

— Букет из полевых цветов, — объявила она из-за загородки.

— Спасибо за прощальный букет, Алёна Сотникова, — стараясь говорить спокойно, произнесла Лидия Матвеевна.

Алёна замерла в дверях, опустив букет.

— Как вы узнали мою фамилию?

— Из книги.

— Какой?!

— Неважно. Важно, что я тебе очень благодарна за помощь. И за то, что ты взяла Бэллочку, пока меня не было. И за то, что ты приходила ко мне и... была со мной. Спасибо за Карторию.

Лидия Матвеевна не удержалась, глянула на стену, где висели портреты, потом продолжила:
— Теперь нам пора прощаться.

— Что-о?

— Дочь предложила взять мне профессиональную сиделку. Я согласилась.

— Но я научилась делать уколы!

— Профессиональные сиделки — это целый спектр навыков, которыми ты пока не обладаешь, потому что ты — ещё ребёнок.

— Ну хорошо, пусть будет сиделка, но можно я буду читать вам вечерами? Пожалуйста!

— Нет! Уходи! Иначе я звоню твоим родителям! Вот телефон Игоря Сотникова, председателя вашего элитного посёлка. Я попрошу его забрать тебя.

— Не надо.

Лидия Матвеевна взяла трубку телефона. Алёна покачала головой и начала спускаться с лестницы.

— Вот и хорошо, — прошептала Лидия Матвеевна.

Бэллочка с сожалением тявкнула и покрутила головой.

— Ничего, — приободрила её хозяйка, — справимся. Мы с тобой одни столько лет прожили. Займёмся делом. Польём цветы.

Прошло десять минут.

— Посмотрим телевизор.

Прошло пять минут. Есть не хотелось. Спать тоже. Одиночество вдруг так сдавило горло Лидии Матвеевны, что хотелось закричать. Она и закричала:

— Алёна! Вернись!

Никто ей не ответил. Надо, чтобы девочка вернулась. Во-первых, она заберёт книги. Во-вторых, надо извиниться. Надо всё объяснить. Она же такая хорошая. Добрая. Надо объяснить, что это ради её же блага. Ей не нужны эти страдания в таком нежном возрасте. Нельзя калечить психику.

— Алёна!

Лидия Матвеевна подкатила к столу. Позвонила Игорю Сотникову. Узнала, что «Алёна играет в теннис с одноклассниками на Николиной Горе. И обязательно перезвонит преподавателю русского языка Лидии Матвеевне по указанному номеру».

Где же она, эта чудная девочка, которая терпит капризы, сносит истерики, протыкает иголкой подушки, тренируясь делать уколы, подтирает лужи за чужими собаками, наполовину живёт в волшебной стране Картории, освобождает её от лягушек-захватчиков? Где этот ангел Алёна? Плачет?

Лидия Матвеевна решительно подъехала к лестнице. Там стояли костыли. Что ж, Зина не зря потратилась. Три раза произнесла вслух цену костылей. Проверим их в действии.

Она встала с коляски, опираясь на стену. Без посторонней помощи оказалось непросто. Осторожно принялась спускаться с лестницы с помощью костылей. Ощущение — будто едешь на горных лыжах по чёрной трассе с завязанными глазами. Страшно, очень страшно.

— Ничего, Лид, — подбадривала она себя, — вперёд... Представим, что это бег в мешках. Весело и быстро. Раз-два.

Она бросила взгляд на стену, где висел портрет Сальвадора. Черноволосый дядька смотрел на неё строго, испытующе.

— Что, возьмёте в свою команду, повстанцы? — пробормотала Лидия Матвеевна, хватаясь еще и за перила, — торжественно обещаю ни в кого не влюбляться.

С огромным трудом она добралась до крыльца и села, уронив костыли. Бэллочка испуганно тявкнула сверху.

— Всё в порядке! — крикнула ей Лидия Матвеевна и тут увидела Алёну.

Та сидела на бордюре у калитки, но услышав голос Лидии Матвеевны, вскочила.

— Зачем вы спустились? Я бы поднялась!

— За книгами?

— Нет! Я поняла!

— Алёночка, прости меня. Ладно?

— Я поняла, почему вы меня прогнали, — сказала Алёна и села на корточки. Её огромные серые глаза изучали лицо Лидии Матвеевны.

— Что вам сказали врачи в больнице? — спросила Алёна.

Лидия Матвеевна помолчала.

— В любой момент, — сказала она, — сосуды могут в любой момент...

— Понятно.

— Что тебе понятно? — рассердилась Лидия Матвеевна, — что ты всё равно будешь ко мне ходить? Нет! Слышишь? Не будешь! Я тебе не бабушка, не тётя, не дочь! Ты не обязана нести этот груз.

— Это не груз.

— Ты не понимаешь меня! Это не игра в выдуманную страну! Один раз ты придёшь со своими книжками и пирожными и обнаружишь меня мёртвой! Понимаешь ты это? Зачем тебе это? Ты выдержишь?!

Алёна задумалась.

— Да.

— А я думаю, нет. Я взрослый человек и несу за тебя ответственность перед твоими родителями, хотя они ничего про меня не знают. И перед миром в целом! Я не хочу выпускать в мир девочку, которой я покалечу психику своей смертью.

— Я не боюсь чужой смерти.

— Что-о?

— У меня есть одноклассница. У неё восточная семья. Соблюдают все традиции. Рожают дома. Умирают. Так вот она сказала, что смерть очень похожа на роды. Это происходит толчками. Как биение сердца. И потом все умирают. Абсолютно. Значит, это не так уж страшно.

— Господи! — всплеснула руками Лидия Матвеевна, — откуда берутся эти дети, которые не боятся смерти! Которые всё про неё знают. Нет, мне определённо необходима профессиональная сиделка. Она не станет меня пугать рассказами о смерти. Она будет сидеть рядом с моей кроватью, вязать что-то длинное и жёлтенькое, заваривать мне ромашковый чай... Успокаивать.

— И в самом деле, — тряхнула головой Алёна, — чего это мы с вами о смерти разговариваем? Вы в ближайшую минуту случайно не собираетесь умирать?

— Нет, — опешила Лидия Матвеевна.

— А в следующие пять минут?

— Да нет же!

— Думаю, и полчаса у нас есть. И даже час. А потому сейчас я схожу за коляской и за Бэллочкой и мы отправимся с вами на прогулку по посёлку.

— Ни за что!

— Я же говорила, что больше вас не слушаю, забыли? Всё! Едем гулять!

— Но Зина говорила, коляска не проходит в калитку.

— Странно, что она не открыла ворота. О чём она думала, ваша Зина?

— О бумагах, наверное, — проворчала Лидия Матвеевна, — вдруг я откажусь записывать на неё дом?

— Вы, наверное, здорово на неё злитесь?

— Злилась. Но это было давно. До знакомства с тобой. Ну ладно-ладно, я согласна. Без тебя мне тяжело. Всё, добилась? Вон как главами сверкнула... Можешь пойти, влюбляться, бросить старуху. Ты её покорила.

— А я знаете, что решила? Не обращать внимание на ваше ворчание, вот что. Я же знаю, какая вы изнутри.

— Ты прямо всё на свете знаешь. А про платок знаешь?

— Прихватить из дома платок, чтобы бросить вам на колени и чтобы вы не замерзли?

— Прихватить из дома платок, чтобы бросить мне на колени и не стыдиться перед каким-нибудь знакомым.

— Вот видите, я не всё ещё знаю. А знакомого мы обязательно встретим.

Глава 13

Девочка в синей юбке

Видишь, вон там дом с зелёной крышей? — торопливо говорила Лидия Матвеевна, — там не видно такого лысого загорелого товарища? Знаешь, я долгое время была уверена, что это детский писатель Григорий Остер. Ну, помнишь, «Вредные советы»? Когда я видела, что он своими руками делает крышу, я прямо удивлялась, думала, надо же, такой известный писатель, а сам умеет строить дома. А потом оказалось, что это совсем не он. Другой. Прости, это всё неинтересно совершенно.

«Волнуется», — сообразила Алёна. Сама она ощущала спокойствие, глубокое, как море или как сон. Исполнилась её, Алёнина мечта. Она была на своём месте. Она делала то, что нравится. Она помогала миру. Добавляла гирьки в чашу Добра. Приносила пользу живому конкретному человеку, который ещё и старше её. И который понимает её, как никто.

Лидия Матвеевна замолчала.

Мимо участка, посреди которого высилась печка, уцелевшая от пожара, Алёна постаралась везти Лидию Матвеевну как можно скорее. Она боялась, что та скоро утомится.

Но тут в зарослях у сетчатого забора, окружавшего участок с печкой, мелькнуло что-то красное.

— Малина! — обрадовалась Алёна, — подождите!

Она поставила коляску на тормоз и подошла к забору. Куст был прямо усыпан крошечными плотными красными ягодами. Некоторые веточки высывались через дырки в сетке, словно предлагая: «Сорви с меня ягоды, сорви!»

Не собирает никто, что ли? Мимо же ходят. За кустами малины виднелись фруктовые деревья. Алёна бросила взгляд на сливы и вдруг почувствовала, что очень соскучилась по своим друзьям, Энджи и Вику, который так любит рвать и сливы, и ягоды. Может, познакомить их с Лидией Матвеевной?

— Держите! — Алёна протянула малину Лидии Матвеевне. Но та смотрела вовсе не на красные ягоды. А на печку.

— Забавно, — медленно сказала Лидия Матвеевна, — что ты остановилась именно у этого участка.

— Сейчас отправимся дальше. Просто там прямо у забора столько малины! А в глубине ещё сливы! Зелёные, конечно, но через месяц вполне созреют.

— И яблони, — добавила Лидия Матвеевна, — там дальше, в глубине участка, полно яблонь.

— Откуда вы знаете? Вам что, видно?

— Нет, к сожалению. Это участок моих родителей. У них тут стоял большой бревенчатый дом. После пожара мы забрали маму и папу к себе.

— Так это дом вашего детства?

— Сад моего детства. От дома-то, как видишь, осталась только печка. И забор. Мы перед пожаром успели его сменить. Забор выжил, а дом — нет.

Алёна сняла коляску с тормоза и подкатила поближе.

— А вот малины такой в моём детстве не было, — сказала Лидия Матвеевна, — она уже после пожара появилась. У нас были только яблоки. Но какие яблоки, Елена! Я таскала их в школу в мешке для сменной обуви. И все знали, что у Лидки из седьмого «А» самые вкусные яблоки в посёлке. Сочные, красные, кисло-сладкие. Раньше всех появлялись уэлси. У них была такая прозрачная кожица, что казалось, внутри яблока плещется сок. А ещё я любила коричные. Они невероятно сладкие. Но их почему-то всё время было мало. И те мы оставляли на варенье, потому что они не развариваются в кашу.

— Там в сетке дырка, — разглядела Алёна, — хотите, залезу, посмотрю, есть там яблоки на яблонях или нет?

Вик и Энджи научили Алёну пролезать даже в самые узкие дырки в сетчатых заборах.

— Не надо. Давай просто постоим. Подышим воздухом моего детства.

— А вон там, — прервала через некоторое время молчание Лидия Матвеевна, — на другом конце участка, растёт облепиха. Из неё мы делали сок. Я ненавидела её собирать. Ветки колючие. Ягоды легко давятся в руке. Я всё время ругалась с мамой. Не хотела собирать. И сок этот мерзкий пить потом не хотела. Густой, жёлтый.

Алёна не донесла до рта ягодку малины. Перед глазами у неё возникла девочка. Лидия Матвеевна в детстве. Маленькая, светловолосая. В короткой, а не длинной юбке. С двумя ногами. И без седины и морщин.

«Она тоже была девочкой», — подумала Алёна. Мысль была очень простая, но в то же время — такая странная... Сейчас старая женщина. А была — девочкой.

А Лидия Матвеевна думала о чём-то своём. О соке? Или о маме?

— А знаешь, почему я так злюсь на Зину? — вдруг спросила она.

— Потому что редко приезжает?

— Нет. Потому что она выросла не такой. Не такой, как я её воспитывала. Понимаешь?

Лидия Матвеевна взяла у Алёны ягоду и внимательно на неё посмотрела.

— Моя мама, Зинина бабушка, тоже болела. Та же болезнь, в том же возрасте. И диабет тоже лишил её ноги. Мама сидела в комнате на кровати. Знаешь, такие были железные кровати с круглыми набалдашниками на спинках? За мамой всегда громоздилась куча подушек. Она собирала их в пирамидки. Рядом с кроватью — трельяж. Когда я была маленькая, то любила играть с отражениями. Наклонишь немного боковинки — и вот уже вместо тебя — трое, наклонишь ещё немного — шестеро. На трельяже лежала белая вязаная салфетка, на ней рядами стояли кремы. В её комнате всегда пахло лекарствами. В моей ведь тоже пахнет лекарствами, да?

— Немного...

— Врушка. Много. В маминной комнате играл приёмник. Радио «Маяк».

Она помолчала, а потом быстро заговорила:

— Мама загибалась от тоски и одиночества. Я не могла с ней сидеть. Сначала кандидатская, потом докторская, студенты, аспиранты, лекции, разработка методических пособий... А любое чувство стыда я глушила одним: мама же сама хотела, чтобы я работала в университете! И она тоже меня поддерживала, работай, Лидочка, работай. Но при этом — очень мучилась одиночеством. Отсутствием живого общения. Только эта «говорилка» — «Маяк». И я загоняла к ней Зину. Насильно. Сиди, бабушку развлекай! Будь милосердной! Тебе за это воздастся! Трудись душой! А сама уезжала в экспедиции с ребятами-студентами. Фольклорные песни и кофе с мороженым.

— Зине не нравилось там?

— Она ненавидела эти часы. Ей казалось, что каждая минута дорога. И надо бежать, наряжаться, очаровывать, влюблять в себя! Но она боялась мне перечить: кто ещё ей выдаст деньги на платья, в которых она будет очаровывать? Мне казалось, я приучаю её к душевному труду. А что сопротивляется — пусть. Делать добро тяжело. А между тем я ей привила отвращение к больным людям. Я вижу сейчас её отвращение и ко мне. Поначалу меня это очень ранило. Я же воспитывала её другой! Учила быть доброй! А она меня терпеть не может!

— Вы её мама, — твёрдо сказала Алёна, — она не может перестать вас терпеть. — Ну хорошо, она меня терпит. Но не любит. Не получает радости от общения со мной. И я поняла, выход только один. Убедить себя, что одиночество мне по вкусу. Что быть одной лучше. Помнишь, как в фильме «Девчата»? Хотя откуда тебе помнить, это старый советский фильм... Там Тося, повариха, говорит: «Одной лучше! Хочу халву ем, хочу — пряники!» Вот я себя и приучила. Жить по распорядку. И не мучаться отсутствием общения. И тут — здравствуйте! Появился на моей дороге главарь повстанцев из волшебной страны и заявил, что я не так живу. Нечего краснеть, это же правда!

— Это от малины.

— Тогда, главарь повстанцев, ответь мне на вопрос всей моей жизни. Почему Зина выросла не такая, какой мне хотелось?

— Мне надо подумать. Вы же знаете, я не умею сразу отвечать.

— Да, и мне это в тебе очень нравится. Разверни меня, пожалуйста. Мы ведь сможем проехать к реке вон там?

Лидия Матвеевна бросила взгляд на заброшенный участок, словно прощаясь с ним, и они покатали дальше.

Алёна размышляла над вопросом, но ответа не находила. Перед глазами всё стояла маленькая девочка в короткой синей юбке. У Алёны холодело внутри, когда она думала, что однажды она заведёт семью, а дети вырастут не такими, какими хочешь, и даже могут тебя презирать, а ей придётся терпеть, потому что выхода другого нет.

А вдруг она сама выросла не такой, какой хотели бы родители? Ведь не зря же папа предложил отправить её в Англию? Подальше от дома, потому что она им надоела.

«Ну и пусть, — обиженно подумала Алёна, — они и сами-то... Не родители моей мечты».

И вот тут-то ей стало по-настоящему жутко. Как будто кто-то холодными и липкими пальцами забрался вглубь её души и раскопал тайну, которую она давно похоронила внутри себя. Она обижена на родителей.

Получается, она пришла к Лидии Матвеевне не для того, чтобы помогать. По ногам пробежал холодок. Руки задрожали, и она покрепче схватилась за ручки коляски.

Да она, Алёна, просто самозванка. Она никакой не помощник ангела, которым себя возомнила, а колобок. «Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл...»

«Надо стереть страх», — решила она. Она представила себе ластик Алекса. Мысленно взяла его и принялась стирать страх. Ей удалось. Но лёгкий страх всё-таки спрятался где-то под лопатками. Наверное, волшебный ластик терял свою силу.

Наконец по узкой дорожке между высокими заборами, заросшей по краям крапивой и лопухами, они дошли до реки. Алёна прикатила коляску на берег, с которого река просматривалась почти до самого Звенигорода.

На берегу была детская площадка: качели, лесенка, деревянная горка. Всё это стояло ещё во времена Алёниного детства, они приходили сюда с Виком и Энджи.

Алёна мельком глянула на старых знакомых, заметила, что качели и лесенку перекрасили в ярко-зелёный и лимонно-жёлтый цвета. А горку не тронули, чудачки. Её же первую надо было перекрасить — краска давно слезала с неё сухими лепестками, а неошкурена поверхность доставляла много неудобств ребятишкам. Алёна провела рукой по бёдрам, словно она, как бывало в детстве, только что с воплем соскочила с горки, поймав очередную занозу.

Она поспешила за Лидией Матвеевной, самостоятельно покотившей к краю берега. Под ногами подзынькивали крышки пивных бутылок. В некоторых, перевёрнутых, белела резиновая вкладка. Эта вкладка тоже была чем-то таким знакомым из Алёниного детства. Только вот что они делали с этими вкладками — Алёна никак не могла припомнить.

— Осторожно! — крикнула она вслед Лидии Матвеевне.

Та подъехала к самому краешку, за которым берег обрывался и уходил вниз почти вертикальной стеной, почерневшей от выжженной травы.

Солнце стояло высоко. Река сверху напоминала спину сказочного дракона, отливающую серебром. Снизу слышался детский смех, лаяла маленькая чёрная собака.

— Загоняй! — крикнул кто-то, — загоняй её в воду, она так никогда не научится плавать!

Собачка залаяла ещё громче, это вызвало новый взрыв хохота.

— Ишь, не хочет, морда!

Лидия Матвеевна прикрыла глаза.

— Спасибо, Алёнушка.

— Вы меня обычно Еленой называете...

— А тут свои ассоциации... Вода... Сестрица Алёнушка, сама доброта. Нет, правда... Ты даже не представляешь, сколько ты для меня сделала.

Скажи она эти важные слова вчера, Алёна растаяла бы, как мороженое на солнце. Но сейчас затаившийся между лопаток страх поднялся, и она горько подумала, что на самом деле она шла не помогать, а бежала от родителей, на которых, оказывается, злится. И это Лидия Матвеевна помогла ей, приютила её, развлекала рассказами, делала вид, что слушалась Алёну, рисовала её Карторию.

Злость забурлила у Алёны внутри, словно в душе отвернули кран с водой и эта вода хлынула потоков, смывая всё, что Алёна напридумывала, лишь бы не думать о том, что злится.

Но злость оказалась правдой, которую надо принять. Она злится на родителей. Злится за то, что им нет до неё никакого дела. И что теперь делать, когда она это поняла?! Вернуться к родителям как ни в чём не бывало? Или признаться, что она сердится на них? Но что это изменит? Разве папа перестанет улетать на свою планету? Разве мама оставит свою роль Идеальной Жены и Матери? Разве смогут они оба по-настоящему поверить в то, что делает Алёна, а самое главное, разговаривать друг с другом, как нормальные люди? Вряд ли...

Бесперспективняк. Так бы сказала Энджи.

— Загони её!

— Сам загони! А лучше зайди в воду и покажи, как плавать надо!

— Вот, — сказала Алёна, очнувшись от тяжёлых мыслей, — вот в чём дело. Если бы вы

сами сидели хоть иногда со своей мамой, она, может быть, и выросла такой, какой вы хотели бы. Ещё я читала в журнале «Психология», что воспитывать нужно своим примером.

— А кто бы ей тогда зарабатывал на наряды? И вкусную еду? И образование? Тогда бы она злилась на то, что мы нищие. Дети всегда найдут, за что злиться на родителей.

Алёна исподлобья посмотрела на Лидию Матвеевну.

— А что, многие дети злятся на родителей?

— Почти все. Ты вот только не злишься. Но ты-то у нас ангел.

Алёна села на корточки и только собралась признаться, что не такой уж она и ангел, как Лидия Матвеевна произнесла:

— Я бы сейчас с удовольствием съела яблочко.

— Говорила я вам, давайте попробуем и посмотрю, есть ли там! Там же дырка в заборе.

— Я не к тому. А ведь здорово было бы пересадить сюда несколько яблонь из маминого сада.

— Сюда? — удивилась Алёна, ткнув носком кроссовки в землю.

Земля была сухая, крепкая, густо оплетённая паутиной суховатой травы.

— Ну, может, чуть правее. Подальше от ёлок. В целом, да. Сюда, на берег.

Алёна посмотрела на ёлочки-крошки, о которых сказала Лидия Матвеевна. Они росли всего в метре от обрыва. Были они Алёне по бедро ростом, а раз так — их посадили совсем недавно. И непонятно — что с ними будет дальше? Потому что у самой высокой из них, которая была Алёне по грудь, верхушка уже пожелтела и засохла...

— Представляешь? Меня уже не будет на свете, а люди будут приходить, любоваться рекой, грызть те яблоки, которые я ела в детстве. Это и правда были вкусные яблоки.

Алёна вспомнила, как раньше завидовала садовнику. Как выскакивала из дома, когда для неё находилась работа. До маминых затей с фэн-шуйем.

Но одно дело обрывать сухие листья. Или поливать розы. Или мазать варом стволы тех же яблонь... Но сажать... целые деревья?!

— Их ведь не сложно посадить, — продолжала Лидия Матвеевна с воодушевлением, — на старом участке мы сажали их с мамой. Выкопали ямы. Неглубокие, меньше метра. За недельку за посадки. Верхний слой земли с перегноем смешали. Яблоньку поставили, присыпали. Там, на участке, наверняка должны быть молодые деревья.

Алёна в это время пыталась представить, как она сначала вынесет из их сарая, а потом потащит по деревне, под пристальными взглядами местных жителей, лопаты... Тяпки. Лейки. Что там ещё нужно?

— Земля, конечно, засохла. Но можно подождать дождя. Подождать дождя... Правда, красиво звучит?

«Алёна, — скажет Мила, выйдя на крыльцо, — зачем тебе лопата?». Что она ей ответит? Накопать червей? Вечером Мила скажет родителям, что их дочь увлеклась рыбалкой. Придётся разговаривать с ними. Но они даже друг с другом не могут нормально побеседовать! Что уж говорить о дочери, которая выросла не такой, какой они хотели, и которую приходится терпеть?

— Ты меня слышишь? — повысила голос Лидия Матвеевна, — только не подумай, что я хочу заставить тебя лично пересаживать деревья. Я не хочу, чтобы Игорь Сотников потом обвинил меня в том, что у его дочери на руках мозоли.

— От нескольких деревьев не появятся мозоли, — пробормотала Алёна, думая о том, что если и удастся взять инструменты тайком, её могут засечь местные жители, рассказать обо всём Миле.

— От деревьев — нет. От копания ям — появятся. Елена, ни в коем случае. Найдём с тобой какого-нибудь умельца по этой части, — и она показала на землю.

— Нет, — сказала Алёна, — я хочу пересадить деревья сама.

— Злишься?

— С чего вы взяли?

— Показалось. Ну, если ты хочешь попробовать...

Алёнина злость снова забурлила внутри, но сейчас она была направлена на Лидию Матвеевну.

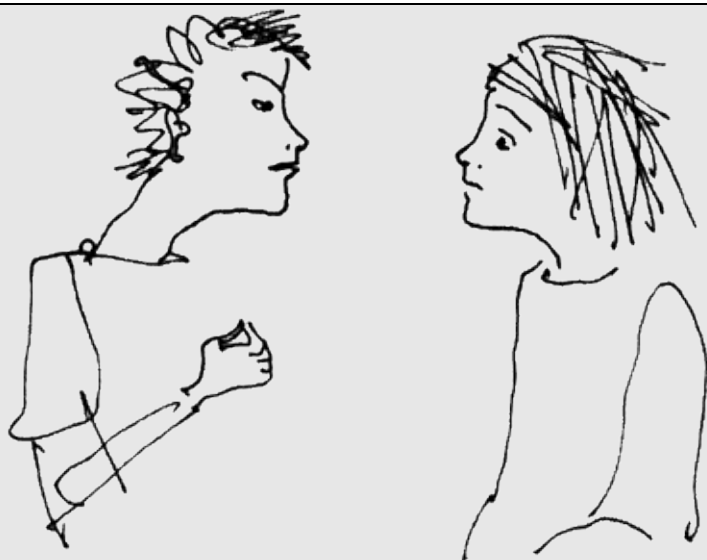
Зачем она упомянула Алёниного отца? Это же провокация! И зачем придумала пересаживать деревья? Одно дело, что Алёна сама придумала ее навещать, читать, делать уколы. А другое дело — заставлять её что-то делать.

«Может, я не такая и добрая, — вдруг подумала Алёна, — но и она не такая уж независимая. Сначала-то всё «сама, сама»... Или с домработницей. А тут — если хочешь попробовать, так вперёд, сажай деревья!».

— Замечательно будет, если они появятся на берегу, — вздохнула Лидия Матвеевна.

Алёнина злость испарилась, как капельки дождя на раскалённом асфальте. Без всякого внутреннего ластика. Она посмотрела на Лидию Матвеевну и увидела девочку в синей юбке внутри пожилой седой женщины. Как в той вьетнамской сказке, в книжке, которую читала ей Мила в детстве, жил-был юноша толстый-претолстый, а внутри него сидел другой, худой и прекрасный. Алёна поняла, что ей даже хочется вот сейчас же пойти, найти лопату и пересадить яблони.

Это даже хорошо, что появилось дело. Можно отложить размышления о родителях. Сейчас главное — выполнить просьбу Лидии Матвеевны. Не ради девочки в синей юбке. Ради себя самой. Потому что по большому счёту, это случайность, что Лидия Матвеевна сидит на инвалидном кресле с юной девочкой внутри, а она, Алёна, стоит на берегу и у неё вся жизнь впереди. Могло ведь и быть наоборот.

Глава 14

Ангелина и Алёна

Вышло ещё хуже, чем ожидала Алёна. Когда она торопливо шла по посёлку с лопатой на плече, её засёк не просто местный житель, а сама Ангелина. Она сидела на бревне возле охранничких бытовок, грызла семечки и плевала шелуху. Не в кулак, а так — по сторонам. Всем своим видом показывала, что ей на всё наплевать. Вика с ней не было. Алёна вцепилась в черенок лопаты и медленно подошла к Ангелине.

— Вау! — издевательски сказала Энджи, — давно мы огородничаем?

— Привет. Да нет... Я помогаю одной женщине... Давно хотела рассказать.

— Ну, мы знаем, про женщину-то. Памперсы — ладно. Лужи подтирать — тоже. Но копать! Мать, ты сдурела?

У Алёны по спине побежали противные мурашки.

— Да, я всё знаю, — кивнула Энджи, — ты из дома? Надо же, какое совпадение. А я как раз к тебе домой. Поговорить с твоими родителями.

— Они уехали.

— Ничего, я подожду. Или зайду завтра. Или в субботу. Я за тебя волнуюсь, детка. Знаешь, как у нас в школе называют таких, как ты? Геронтофилы. Старичков любят. Это извращение, чтоб ты знала. Хотя откуда тебе знать такие слова... У вас же приличная школа.

В слове «приличная» было столько ненависти, что Алёне захотелось закрыть глаза и бежать.

— Что с тобой? — прошептала она, — мы же друзья.

— Были друзьями. Но теперь... Считаю тебя предателем.

— Почему?!

— А почему ты не сказала нам, что ходишь к этой бабке?

Алёна замолчала. Она, как обычно, должна была подумать, прежде чем ответить. Ведь это совсем не просто теперь — определить, зачем она приходит к Лидии Матвеевне. Потому что ей приснилась кирпичная стена, увитая плющом? Или чтобы здороваться с Сальвадором, Алексом и другими друзьями из выдуманной ею страны, чьи портреты по-прежнему висят в холле? Или потому что она хочет спрятаться от родителей?

— А мне, кстати, плевать, зачем ты туда ходишь, — сказала Энджи, сощутив глаза, — просто, если тебе хочется продолжать туда ходить, плати.

— Что платить? — опешила Алёна.

— Деньги! — засмеялась Ангелина, — знаешь, зелёненькие такие? Доллары зовутся. Да не бойсь! Мне нужна всего штука.

— Тысяча долларов?!

— Вообще лучше в рублях. Тридцатник. Слышь, ну не вытаращивайся. Не такие уж для вас и большие деньги. Вы ж столько в месяц за школу забашляете.

— Откуда ты знаешь?

— А что, нельзя? Я, может, тоже в вашу школу хочу ходить! Мне тоже знаний задорого охота! Короче, найдёшь — тогда окей. Твои родилки не узнают, куда ты шастаешь.

— Ты хочешь в мою школу ходить? — потрясенно переспросила Алёна, — но если я... то есть мы найдём деньги на первый месяц, то... как же дальше? Кто будет платить?

— Я сама, — гордо сказала Ангелина, — меня Жанка на работу к себе берёт.

Это была ложь. На самом деле Ангелина просто собиралась шантажировать Алёну каждый месяц. Но она была не дура — не скажешь же ей: «Гони триста тысяч рублей!». Ничего, потихоньку, полегоньку, с миру по нитке и будет ей, нищей Ангелинке, не только рубаха, но и платице от «Дольче энд Габбана», белое, с вышивкой, она видела такое у Алёнки в шкафу.

Алёна опустила лопату. Из бытовки вышел Вик. Кинул Бинге кость, приблизился к девчонкам, вглядываясь в лицо Ангелины, чтобы понять, спросила та у Алёны или нет.

— У меня нет тысячи долларов, — тихо сказала Алёна.

— А ты у бабки своей попроси, — так же тихо ответила Ангелина, — или она не очень-то ценит твою дружбу, геронтофилка?

— Как дела? — спросил Вик.

— Отлично! — ответила Энджи так звонко, словно ударила наотмашь.

Алёна сгорбилась, развернулась и потащила лопату домой.

— Ты спросила? — глядя ей вслед, сказал Вик.

И тут Ангелина совершила большую ошибку. Её так распирало от радости (шикарно сыграла свою роль, и Алёна сегодня-завтра принесёт денежки) что она сразу всё выложила Вику. И не обратила внимания, что у Вика было очень странное выражение лица, пока он её слушал.

Вечером Алёна пересчитала свои сбережения. Три тысячи. Рублей. А нужно тридцать.

Вообще-то Алёна могла бы скопить такую сумму. У неё было полно родственников, которые на все праздники дарили ей деньги, считая, что она избалованный ребёнок, которому невозможно угодить подарком.

Отчасти это было правдой, Алёна действительно равнодушно принимала всех дорогих кукол и щенков, но не потому что была избалована — просто её никогда по-настоящему не волновали игрушки.

А деньгам она радовалась, их можно было перечислить в Международный фонд защиты животных или в помощь пострадавшим от какого-нибудь наводнения или пожара. Перечисляла она, конечно, не сама, просила Милочку.

Сейчас она себя корила за то, что не скопила ни копейки. Ведь тогда она бы расплатилась с Ангелиной, и та оставила бы её в покое.

А теперь? Просить у Лидии Матвеевны? Как?!.. А вдруг Лидия Матвеевна подумает, что это и была главная цель Алёны — получить деньги?!

В общем, куда ни кинь, всюду клин, как говорит Мила.

После обеда Алёна отправилась к Лидии Матвеевне. Та сидела за столом в холле, раскладывала пасьянс. Бэллочка дремала на подстилке, повизгивая во сне. Слова застряли у Алёны в горле, как в тот день, когда она пришла в первый раз.

— Можешь не закрывать, Бэлка спит.

Но Алёна аккуратно закрыла дверцу на крючок, медленно развернулась, подошла к столу. Сальвадор смотрел с портрета осуждающе.

«А что мне ещё делать?» — огрызнулась мысленно Алёна и вытолкнула наружу трудные слова:

— Я... Пришла... Вы меня простите...

Лидия Матвеевна оторвалась от карт. Сняла очки, сложила их. Приподняла брови и слегка улыбнулась.

— погоди, — сказала она, — попробую угадать. Ты влюбилась. И больше не придёшь.

Но Алёна продолжала напряжённо смотреть на Лидию Матвеевну.

— Что-то случилось? — спросила та уже без улыбки.

— Нет... Лидия Матвеевна, вы мне верите?

Та взялась за колёса и подъехала поближе.

— Конечно, верю, Еленушка.

— У вас есть тысяча долларов?

...

— Вы понимаете... Я должна заплатить за то, чтобы ходить к вам.

— Кому?

— Неважно. Если у вас есть деньги... Вы не могли бы дать мне их в долг? Я начну копить и верну. Мне дарят на день рождения столько денег!

— Нет, Алёна, — сказала Лидия Матвеевна, — деньги у меня есть. Но поощрять шантажистов... Они имеют отвратительную привычку возвращаться за деньгами. Как можно тебе запретить сюда ходить? Это что, что-то противозаконное?

— Я не хочу говорить родителям, — прошептала Алёна, — а этот человек... Он скажет.

— Ты думаешь, родители запретят тебе приходить? Тем более, Алёна. Твои родители должны знать, где ты. И ты в курсе моего мнения на этот счёт.

— Понятно, — сказала Алёна.

Она знала, что Лидия Матвеевна так ответит. И что, наверное, правильнее рассказать обо всём родителям... Но вдруг они тоже найдут в её поступке что-то... извращённое. И запретят ей ходить к Лидии Матвеевне. А рисковать и проверять она не могла. И потом, она по-прежнему на них злилась. И пока слабо представляла, как первая подойдёт к ним с откровенным разговором.

— Кстати, деньги, ну, на всякий случай, чтобы ты знала, — вдруг сказала Лидия Матвеевна, — там, в тумбочке письменного стола. Под моей докторской. Смешно, конечно, но я всё время думаю, что если кто-то будет красть и увидит мою докторскую...

— Зачем вы мне это сказали? — спросила Алёна, — зачем мне знать? Вы меня, как это... искушаете?! Возьму я их или нет, проверяете?! Лидия Матвеевна! Как Вам не стыдно!

— Ну что ты говоришь...

— Я говорю правду! Вы надо мной эксперименты ставите! Смогу ли я ради вас украсть?!

— Перестань, — попросила Лидия Матвеевна, но видно было, что она смущена.

Кончики её ушей порозовели.

— Я смогу ради вас украсть, — ровным голосом сказала Алёна, — если вам будет плохо, а

украсть нужно будет этот ваш инсулин. Но деньги ради встреч с вами... Я думала, мы друзья. А вы себя считаете обычной хозяйкой подопытного кролика.

Она повернулась и ушла. Вслед ей несло только мерное попискивание Бэлочки.

Вечером Ангелина прислала эсэмэску: «Приходи к восьми с деньгами к бытовке».

Алёна ответила: «У неё нет денег».

Ангелина не поверила. И сама отправилась к Кабанихе. Объяснить ей, так сказать, опасность происходящего. Она не боялась совершенно: Кабаниха не станет вызывать милицию, иначе обо всём узнают родители Алёны. Она знала, куда Алёна прячет ключ, и поэтому без труда проникла в дом. Наверху твякнула собака.

— Тише, Бэлка, — услышала Ангелина голос Лидии Матвеевны, — что говоришь, Алёнушка? Да нет, совсем нет. Прости меня, пожалуйста. Сама не знаю, что на меня нашло. То есть да, знаю. Я не могла разрешить тебе платить шантажисту. Это было бы неправильно. Но мне так страшно потерять тебя, что я хотела, чтобы ты взяла деньги тайком. Господи, мне так стыдно... Такое малодушие... Послушай, я приготовила деньги.

Ангелина замерла на лестнице.

— В правильном направлении мыслишь, товарищ, — прошептала она.

Собака снова залаяла.

— Что? Бэлла, я не слышу, тише! Почему я была права? Почему ты не будешь их брать?!

Ангелина насторожилась.

— Почему — неправильно? Господи, да мне эти деньги не нужны! Мне их не на что тратить. Ну, хорошо, хорошо... Не кипятись. Решила, так решила. Ты сильная. Я слабая. Как ты решила, так и будет. Просто... я представила, что однажды ты не придёшь и... Спасибо. Я тебе верю. Прости ещё раз...

— Вот дура! — разозлилась Ангелина, — дурила! Дурища! Дурка!

Она вылетела из дома. На дороге её ждал Вик. Он сидел на обочине, разглядывая машины, припаркованные возле шикарного белоснежного «замка» напротив дома Кабанихи. На балконах «замка» гордо высились статуи — женщины в старинной одежде. В огромных окнах виднелся зеркальный потолок, в котором отражались сетки. То есть там, внутри шикарного «замка» со статуями, был теннисный корт.

— Прикинь, если у них такой корт, что у них в доме, где живут? — каждый раз говорила Энджи, проходя мимо. Сейчас она даже не посмотрела на все «БМВ» и «Ауди» последней модели, стоявшие у белоснежных ворот.

— Ну что? — спросил Вик.

— Наша кляча не хочет брать деньги! — скривила губы Ангелина, — ишь, какая... Неправильно. Тьфу!

— Алёна сказала: «Неправильно»? — уточнил Вик.

— Да. Морализаторша наша. Легко такое говорить с папашей на «Поршике». А мне что делать? Хотя... Погоди-ка.

Ангелина снова направилась к дому Кабанихи. Но Вик схватил её за рукав.

— Нет! — сказал он, — я тебя не пущу.

— Сдурел?!

— Не пущу. Не надо так делать, Энджи. Это неправильно. Ты сама потом пожалеешь.

— Да какое тебе дело до того, о чём я пожалею! Ты бы лучше подумал о том, как я мучаюсь! С бабкой двинутой жить, грядки полоть, грязь под ногтями, дом под ногами разваливается, на обед — суп из ботвы! Мне надо устроить свою жизнь.

— Но не через...

Вик помолчал, подбирая слово.

— Подлость, — наконец нашёл он.

— Ага! — закричала Ангелина, и её руки сжались в кулаки, — ты тоже чистенький! Папочка денежки отложил, и ты на них поучишься! У вас у всех папочка-мамочка есть! И вы все сытенькие! И такие сладенькие! Фу-фу, грязь, запачкаемся! И даже других поучить можете! Что им, другим, подло делать, а что нет! А тебе в голову не приходило, что жизнь вообще несправедлива?! Кому-то даётся вот это!

Она указала на белый «замок».

— А кому-то — гнилая хата! Кто-то может себе позволить жить правильно... Без подлостей. А кому-то приходится их совершать, потому что выбора-то нет?

Вик молчал, опустив голову.

— Ладно! — сказала Энджи, — достали вы меня. Подавитесь вы своим баблом! У меня выход-то найдётся! Только знай, он ещё более подлый, чем у старой Кабанихи ненужные ей бабосы забрать! Придётся у того забрать, кому нужно! И запомни, вы меня сами на это толкаете!

У Ангелины брызнули слёзы, злые, колючие, и она умчалась.

А в это время Алёна положила трубку после разговора с Лидией Матвеевной. Как же легко у неё стало на душе, после того, как она отказалась брать деньги. Мила часто говорит: «Жизнь покажет». То есть ей, Алёне жизнь ещё может показать, что она была неправа. Надо было взять деньги и отдать Энджи. Но Алёна оказалась неспособна на это. Что ж, будет знать...

Алёна с изумлением вдруг поняла, что с тех пор, как она начала ходить к Лидии Матвеевне, она столько в себе открыла! Выяснила про себя кучу вещей! Главное — что она сердится на родителей.

А теперь ещё — то, что она способна сказать «нет» тому, что ей не нравится.

А ещё — что способна поделиться с другом самым сокровенным — про Карторию.

И умеет лазать по крышам. И умеет спасать людей от гликемической комы!

А может быть... ей самой поговорить с родителями?! Рассказать, что сердится. Что нашла нового друга. Что открыла в себе кучу способностей.

Алёна спустилась вниз, но родителей не было.

— Отец на работе задержался, — объяснила Мила, щёлкая пультом, — мама скоро будет.

— А где она? — спросила Алёна.

Мила поглядела на неё испытующе, словно размышляла, рассказать, где мама или нет, но потом покачала головой:

— Не знаю. По делам поехала.

«Может, это и к лучшему, — подумала Алёна, чувствуя, как утихает в ней порыв, — попробую-ка я пока яблони пересадить. Это же ещё одно умение. А потом... можно будет папе с мамой показать, что у меня вышло».

Алёна так размечталась, что родители выскочили у неё из головы, а представились ей такие идеальные папа и мама, которые слушают свою дочку, радуются её успехам, а главное — любят друг друга.

Она успокоилась и отправилась спать. Ей надо было набраться сил перед завтрашней посадкой.

Глава 15

Спасение Алёны

А утром было вот что. Ангелина доехала на автобусе до Рублёвской гимназии.

Путешествие далось ей нелегко, она ведь знала, что не выглядит, как человек с бабками. Хотя и постаралась надеть самую лучшую одежду, какая у неё была. И пиджак чёрный, и мокасины, которые ей Жанка оставила. И деньги в рюкзаке были. Ровно тысяча долларов. В рублях, но это неважно.

Охранник подсказал ей, как найти кабинет администрации (она гордо заявила, что приехала поступать). Энджи долго блуждала по пустынным коридорам, испытывая и зависть (у них тут было идеально чистенькое кафе, а не столовая, а ещё какой-то «Молодёжный клуб», три кабинета психолога, диваны, обитые светлой кожей, бутылки с водой бесплатные, с пластиковыми стаканчиками, и прочие прибамбасы крутой школы), и радость предвкушения (скоро-скоро и она сможет тут везде ходить и пользоваться, а главное — знакомиться с нужными людьми).

Администратором оказалась невзрачная тётка в кофте мерзкого цвета, который бабка называет фисташковым. У тётки были толстые пальцы, с которых она постоянно сгрызала заусенцы, а под столом виднелись туфли — старые, разношенные. Неясно, как такая Жужелица может работать в такой крутой школе, наверное, замещает кого-то более солидного.

— А документы привезли? спросила Жужелица.

— Ой, — вздрогнула Ангелина. Она совсем забыла про документы! Надо было их забрать из старой школы! Вот балда! Перепсиховала из-за бабок.

— А нельзя сначала оплатить? — спросила Ангелина.

— А у тебя с собой шестьдесят тысяч рублей? — удивилась Жужелица.

— Почему шестьдесят? Тридцать. За первый месяц. Может... может, мне у вас не понравится ещё, — на всякий случай добавила Ангелина.

— А вступительный взнос?

— Но я... Я же не в первый класс поступаю!

— Это неважно. По правилам все, кто переходит к нам в гимназию, платят вступительный взнос. Или оплату можно отложить. При поручительстве.

— А от кого оно должно быть?

— От родителя ученика нашей школы. У тебя есть знакомые в нашей школе?

«Алёнка, — сообщила Ангелина, — надо её мамашу на поручительство раскрутить!»

— И вообще, — продолжила Жужелица, — почему ты без родителей?

— Потому что у меня их нет, — мстительно сказала Энджи, — погибли.

Жужелица опустила взгляд, скрестила руки на груди, обтянутой фисташковой кофтой, но всё-таки сказала:

— Понимаю. Но правила есть правила. По правилам, кстати, надо не первый месяц оплатить, а первый год, но тут возможны варианты. Однако вступительный взнос обязателен.

— Ладно, — пробормотала Энджи, — ясно всё..

На пути к выходу она заглянула в зал для дискотек. Там было наикрутейшее оборудование. Она представила, как будет танцевать тут, с Алёниными одноклассниками, которых, она не сомневалась, ей удастся взять в оборот, и решение пришло к ней незамедлительно.

Вообще-то она не собиралась так поступать. Но они сами её на это толкнули. У неё просто нет выбора.

Алёнки ведь сейчас нет дома... Коротает время с Кабанихой...

...Наталья, мама Алёны, утром встала с мыслью: пора. Пора рассказать обо всём Игорю.

Уже три месяца каждый день она ходила на курсы дизайна. Ландшафтного, хотя слово это ей не нравилось, было каким-то заезженным, как из глянцевого женского журнала.

Идея родилась у Милы. Когда у них ничего не получилось с садом «фэн-шуй», ну, то есть несмотря на то, что они выстроили все дорожки так, чтобы по ним свободно текла энергия, и всё такое прочее, Игорь не стал чаще появляться дома, Мила сказала:

— А если дело в тебе, Наташка?

Без Игоря они общались на «ты».

— В каком смысле? — испугалась она.

— Ну, ты как личность его не интересуешь. У тебя даже никакого занятия нет. Всё только провожаешь на работу, ждёшь с работы.

— Так мужчине это и нужно...

— Ничего подобного. Им интересны личности. У которых есть дело. Которые чем-то увлечены. Вчера как раз в ток-шоу Малахова это обсуждали.

— Чем же мне заняться?

Милочка оглядела дорожки.

— А вот этим! Дизайном сада. Иди на курсы какие-нибудь. А если бросит он тебя, зарабатывать сможешь.

— Тьфу-тьфу, Мила! — рассердилась Наталья.

Но на курсы пошла. Игорю не говорила — решила сделать сюрприз. За Алёной, которая как раз вышла на каникулы, приглядывала Мила.

— Гуляет много, молодец, — вечером докладывала Мила, — воздухом дышит.

А Наталья училась. С непривычки ей было тяжело, но каждый раз она представляла себе удивлённое лицо Игоря. Она ведь никогда не видела его удивлённым. Он ничему давно не

изумлялся. А тут ему придётся удивиться! А от удивления и до радости недалеко.

Но сегодня утром Наталья поняла, что ей уже не терпится рассказать. Игорь как раз собирался заехать домой, переодеться перед командировкой.

Наталья надела новую рубашку в крупную клетку, джинсовую юбку, коричневые туфли на низком ходу. Повязала зелёный платок. Настоящий дизайнер на своём загородном участке. Потом, подумав, всё-таки сняла платок. Он может вызвать у Игоря насмешку. Скажет, тоже мне, невеста ковбоя.

Зашуршали колёса машины. Она вздрогнула: не успела подогреть суп. Хотя он всё равно сначала переоденется. Ещё есть несколько минут. Наталья заспешила вниз.

— Ну заходи, заходи, — кому-то сказал Игорь.

Наталья замерла. Он не один? С коллегой? Тогда есть возможность произвести впечатление на обоих!

Она спустилась с лестницы и столкнулась с какой-то девочкой. Худая, тоже в джинсовой юбке, только мини и дешёвой. С короткой стрижкой. Глаза сощуренные, злые, но улыбается. Как-то ехидно.

— Добрый день, — растерянно сказала Наталья.

А вдруг это Марина, предыдущая жена Игоря?

— Это Алёнина подруга, — сказал Игорь, равнодушно скользнув по жене взглядом, — разберётесь без меня?

— Д-да...

— Нет, не разберёмся, — перебила Ангелина, — если вам на дочь не плевать, конечно...

В общем-то, Игорь был не нужен Ангелине, но она вдруг ощутила власть — власть того, кто владеет информацией, перед теми, кто ещё не знает. И ей было очень приятно заставить этого мужчину в синем костюме, в блестящих ботинках, только что вылезшего из сверкающего «Портика», слушать её, голодранку, которая только что бросила тяпку и, не вычистив грязь из-под ногтей, пришла им раскрыть глаза.

Глаза и правда у них обоих увеличились.

— Где Алёна? — спросил Игорь у Натальи.

— Н-наверху, ой, нет, она гуляет.

— Где гуляет?

— Я не знаю точно, но Мила говорит...

— Я знаю, где она гуляет, — вмешалась Ангелина, — и пришла вам обоим рассказать. Чтобы вы спасли вашу Алёну. Пока у неё окончательно крышу не снесло.

— И где она гуляет? — спросил Игорь.

— А нигде. Она сидит у Кабанихи. У Лидии Матвеевны Кабановой. Целыми днями.

— И что они там, телевизор смотрят? — спросила Наталья. Просто чтобы что-то спросить. Чтобы соответствовать моменту. Чтобы Игорь не подумал...

— Кто такая Кабанова? — перебил её Игорь.

— Бабка одна. Живёт в старой части посёлка. Больная.

— Чем она больна? — испугалась Наталья.

Ангелина не знала наверняка, но подумала, что для дела надо сгустить краски.

— До туалета дойти сама не может. Дела свои в памперсы делает. А Алёна их выносит.

Игорь посмотрел на Наталью. Очень зло.

— А ты не в курсе? — спросил он.

— Я... Я думала, она гуляет на улице. Дышит воздухом.

— Послушай, а в чём вообще смысл твоего существования? Ты не можешь уследить за дочерью, с которой вместе сидишь дома?

Он говорил, не повышая голоса, слегка улыбаясь, но мороз по коже пробежал даже у Ангелины. Беседа вдруг пошла не в том направлении.

— Она просто классно шифруется, — вступилась за Наталью Энджи, — кстати, она и сейчас там.

Игорь молча посмотрел на неё и пошел к двери. У порога он обернулся и бросил:

— Тебе собаку доверить нельзя, не то что дочь!

И вышел. А Наталья уселась на стул около лестницы. И принялась разглаживать на коленях юбку. Взгляд её устремился куда-то в окно, за которым виднелась высокая берёза.

Ангелине на секунду стало жалко её, но потом она подумала: «Ха! Кого ты жалеешь?! Богатую тётку, у которой бриллиантов полны закрома! А тебя кто пожалеет!?!»

— Ну, я пойду, — сказала Энджи громко.

Наталья кивнула.

— Пожалуйста, — со значением произнесла Энджи.

— Ой, да... Спасибо... А вот...

Наталья сунула руку в карман джинсовой юбки, но та была новая, и карманы оказались пустыми.

— Мне ничего не нужно, — с удовольствием бросила в лицо богатой тётке Энджи, — но если вы хотите оказать мне любезность... Мне нужно поручительство в вашу гимназию.

Ей пришлось минут пять объяснять Наталье, что от неё требуется. Энджи торопилась, не хотелось сталкиваться лицом к лицу с Алёной, за которой поехал Игорь.

— Только не подумайте, что я это из-за поручительства сделала, — сказала Энджи, — я беспокоюсь за Алёну.

Наталья ни о чём не думала. Хотя нет, думала. О том, что теперь всё насмарку, все три месяца учёбы ландшафтному дизайну. А главное — теперь у неё никогда не будет возможности завоевать одобрение и доверие Игоря.

— А как Кабанова убедила Алёну сидеть с ней целыми сутками? — спросила она у Ангелины.

— Эта Кабанова отвратительный человек. Поверьте мне. Она нам семью сломала. Она просто умеет так действовать, чтобы заставить человека плясать под свою дудку. Вот и Алёнку в рабство загребла. Наверняка это она ей про спасение мира что-то наболтала. А Алёнка слишком доверчивая. Слишком добрая. Я ей всегда это говорила.

«Доброта — это у нас семейное, — вдруг подумала Наталья, — какое-то семейное проклятие».

Ангелина была очень довольна собой. Во-первых, она и сама уже поверила, что своими действиями спасает Алёну от рабства злой Кабанихи. Во-вторых, теперь счастье было у неё в кармане! И поручительство в школу, и денежки!

Деньги, правда, она пока вернула на место. В шкаф. В бабкино погребальное.

Бабка любит открыть пакет со своими похоронными одежками, показать. Типа, в этом положите, этим накроете. Проживёт же ещё на Жанкиных лекарствах триста лет, зараза! А всё ноет: «Помру, помру!».

Всё показывала, а туфли белые — нет. Ангелина и заглянула в них. А там — бабки. Бабло, в смысле. Немалое. Ангелина и стащила.

Бабка молодец, столько себе на похороны скопила! И повод будет их свистнуть. Очень кстати начались грабежи в соседней Ивановке. Уже два дома обчистили. Один — дом председателя правления. Так что денежки, бабка, тю-тю! Тебе они всё равно не нужны. Пора освобождать дорогу молодым и оказывать им содействие.

Так что Ангелина, выходя из Алёниного дома, чувствовала, что просто лопается от счастья,

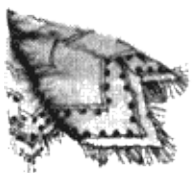
как перезревший огурец от семян.

Глава 19

Алёнины мучения

Полдень.

Алёна сидит возле дома Лидии Матвеевны. Руки дрожат. Голова кружится: Алёна два часа пробыла под палящим солнцем. Лидия Матвеевна дала ей свой платок, но тот не спас от жары. Тёмный, он, казалось, ещё больше притягивал солнце. Алёна в конце концов сняла его и повесила на шею.

Одежда вся в песке и волосы разлохматились больше обычного. Лопата валяется перед ней. Алёна смотрит на неё с ненавистью.

Стоит на секунду прикрыть глаза и снова перед нею — берег, накрепко, просто насмерть заросший травой. Она беспомощно истыкала лопатой то место, где они хотели посадить яблони. Бесполезно. Земля не хочет её впускать.

«Слабачка», — подумала Алёна.

Но самый ужас был впереди. Надо было подняться к Лидии Матвеевне и как-то признаться, что ничего не получилось.

«Я тебе верю», — сказала ей Лидия Матвеевна. Это значит, она верит, что Алёна выполнит её просьбу. Посадит яблони. Всего-то дел...

А у Алёны оказались настолько слабые руки... Она думала, что они сильные, а выяснилось...

Алёна не могла заставить себя подняться по ступенькам. Ну никак. Ей верила и Лидия Матвеевна, и маленькая девочка в короткой синей юбке, которая сидит у нее внутри. А Алёна оказалась предательницей. В голове у нее завертелись другие предательские мысли. Бежать. Как можно дальше отсюда.

И тут вдруг, как фея в карете, как джинн на ковре-самолёте, появилась папина машина, и остановилась у дома Лидии Матвеевны.

Алёна вскочила.

Папа опустил стекло. Во рту у него была жвачка. Он смотрел на Алёну и мерно жевал.

Алёна давно заметила — если человек в хорошем настроении, он открывает рот, когда жуёт жвачку.

А если в плохом или сосредоточен на чём-то, например, решает сложную задачу, то рот держит закрытым.

Папа рта не открывал. Впрочем, как всегда. Но кое-что было не как всегда. А именно: Алёна была рада видеть папу.

— Садись, — сказал он.

Она вскочила и направилась к машине. И села бы, не задумываясь. Если бы папа не спросил, ткнув пальцем в лопату:

— Твоё?

Алёна вернулась за лопатой. Подняла её. И подумала: «Это же подло. Надо подняться к Лидии Матвеевне. Чтобы она не ждала меня. И вернуть платок».

Но тут же Алёна сообразила, что придётся признаться в проколе с яблонями. И передумала. Нет, она поедет с папой. Домой. Где можно пересидеть. Переждать. Потом прийти к Лидии Матвеевне. Впрочем, нет, пока это сложно представить...

Подумать.

Алёна ухватила за эту мысль. Точно! Ей же всегда нужно подумать, прежде чем сказать. И Лидии Матвеевне всегда нравилось в Алёне, что она сначала думает, а потом отвечает. Значит, она одобрила бы отъезд Алёны. Или нет?

— Садись! — повторил папа.

Она послушалась.

Игорь поморщился — в машине запахло старушечьими духами.

Он глянул мельком на дочь. На шее у неё был какой-то жуткий тёмный платок.

«От него пахнет», — сообразил он, — бабкина фитюлька. Хорошо, ехать недалеко, потом эта «Красная Москва» быстро выветрится».

— Знаешь, — начал Игорь, трогая машину с места, — у тебя в шесть месяцев прорезался первый зуб. А пошла ты в одиннадцать. В год ты говорила «мама», «папа», «дай» и «мяу».

Алёна слабо улыбнулась, но отец посмотрел так, словно ей стоило заплакать.

— Все прививки тебе сделаны по общему графику, — повысил голос Игорь, — и ты ничем не отличалась от своих сверстников. До сегодняшнего дня ты была обычным ребёнком. И меня это радовало. Меня это успокаивало. Ты понятия не имеешь, что значит быть родителем необычного ребёнка.

— Ты так говоришь, как будто ты — имеешь, — тихо сказала Алёна.

Игорь стиснул зубы. Да. Он имел это понятие. Высасывающее душу понятие. Но рассказать об этом Алёне он не может. Об этом ей нельзя рассказывать.

— Что ты там делала? — спросил он.

— Ничего. Была с Лидией Матвеевной рядом.

— На это есть обученные люди, — сказал Игорь.

— Да, — кивнула Алёна, — сиделки. Я хочу стать сиделкой.

«Сиделкой», — мысленно повторил Игорь. Точно. Вот оно.

Игорь Сотников ненавидел сиделок.

Глава 17

Обрыв, который не перепрыгнуть

Как обычно, он ощутил этот гадкий холодок, который начинал змеиться где-то в позвоночнике, а потом постепенно сковывал шею, руки, всё туловище, добирался до сердца и всё... Трудно дышать.

Первый раз ему стало трудно дышать, когда Марина, первая жена, вынесла ему голубой кулёк. Но радости на её лице не было. Ужаса тоже. Скорее, вопрос.

— Они, — она указала подбородком на больницу, куда их с малышом перевели из роддома, — говорят, что у него голова не растёт.

— Так мало времени прошло, — пробормотал Игорь, пытаясь заглянуть в кулёк.

— Месяц? Посидел бы там с моё.

Она открыла дверцу машины и сунула кулёк в автокресло.

— А что значит — не растёт? — растерялся Игорь, одновременно пытаясь прикинуть, как можно пристегнуть кулёк, не распелёнывая.

— Мозг не развивается, — ответила Марина.

«Кулёк» заплакал, но она даже не протянула к нему рук. Игорь сразу это отметил. Как дурное качество, которое отмечаешь при знакомстве с человеком. Особых выводов не делаешь, но — отмечаешь.

Он не знал, что Марина ещё как протягивает руки к «кульку», которого назвали Максимом (правда, мальчику до сих пор всё равно, как его называют: хоть Максимом, хоть Геннадием), что и пеленает, и баюкает, и вглядывается в сморщенное личико, когда его, Игоря, нет дома. Словно пытается понять — можно любить Максима или нет?

И ей очень-очень нужно было, чтобы Игорь сказал: можно! Нужно! Будем!

Но Игорь не говорил. Он не знал, как вести себя в такой ситуации. Он не знал ни одного знакомого, у кого был бы ребенок с мозгом, который не растёт. Он поискал в интернете и начитался ужасных рассказов. После них было совершенно непонятно, как относиться к странному младенцу. Он предпочёл никак не относиться.

Марина же посчитала, что получила ответ на вопрос, мучивший её ещё в больнице. И бросила их. Просто уехала из города. Позвонила из поезда, крикнула, что больше так не может и швырнула трубку.

«Это даже к лучшему», — сказал себе Игорь, пытаясь улыбнуться собственному отражению в зеркале. Улыбка выходила какая-то болезненная. Одними губами — без глаз. С тех пор он так и улыбался.

К лучшему — потому что раньше не было плохих-хороших. А теперь — всё понятно. Она, Марина, плохая. Он, Игорь, хороший. Он не бросит малыша. Просто отдаст его родителям. Своим. Ведь малышу нужна ежедневная забота, супчики там протёртые, чистые штанишки. А он, Игорь, должен зарабатывать на супчики и штанишки. Вот так. Малыша будет навещать. По выходным. Если командировок не будет.

Он отдал родителям сына с облегчением и тайной надеждой. Так сдают в ремонт поломанный компьютер. Сложная машина, много работы, но вдруг всё-таки удастся восстановить всё-всё, что было до поломки?

Родители полюбили Максима. Голова у него всё-таки росла. Но медленно. Игорь как-то решил купить ему шапку в магазинчике при аэропорте. Надо было убить полчаса.

Выбрал синюю, с самолётиком.

— Размер? — спросила продавщица.

— Сорок шестой..

— На полгода?

— На два, — выдавил Игорь, и по спине снова зазмеился ненавистный холодок.

Дальше был новый начальник. Его дочь увлекалась иностранными языками, средний сын любил футбол, младший проводил время у телевизора.

— Вашему пять, Игорь? Что он любит?

— Ничего.

— Так не бывает. Наверное, тоже фанат мультиков?

— Конечно, — соврал Игорь.

На самом деле, Максим не замечал мультиков. Он замечал только свой палец, размазывающий слюни по журнальному столику.

Игорь не выдержал, когда Максиму стукнуло десять. И отправил их в Англию. Родителей и Максима. Отец тогда уже мучился болями внизу живота, и Максиму наняли сиделку.

Мэри... Игорь её возненавидел. Потому что никто, ни родители, ни пара друзей, которые были в курсе, не посмели ему намекнуть, что он не прав, удаляя от себя сына. А в её голубых прозрачных глазах сверкало такое презрение, она так уничижающе улыбалась, обнажая крепкие белые зубы... Почему он не уволил её сразу? Максиму же было всё равно!

А Мэри понимала прекрасно, что Игорь и его родители от неё зависят, и всячески пользовалась своей властью, то требуя, чтобы им оставляли деньги на развлечения (Максиму было плевать на колесо обозрения и карусели), то покупая дорогие развивающие книжки и игрушки, которые пищали, свистели и пели песенки (Игорь подозревал, что в его отсутствие игрушки переходят к трёхлетней дочери Мэри). Но он был согласен на всё, даже на эти унижения.

— Вы уже уходите, мистер Сотникофф? Неужели так мало внимания единственному сыну?

Всё, что угодно, лишь бы отпустили, дали возможность вызвать такси и умчаться, улететь из этого проклятого пригорода Лондона.

Что было потом? Потом заболел отец. А за ним — мать.

А потом была материнская сиделка.

И вот тут Игорь возненавидел сиделок по-настоящему.

Мать оперировали в Германии. Клару порекомендовал хирург, под чьим наблюдением мать проходила лечение. Немка, в случае чего, с врачами объяснится, но и по-русски понимает, с матерью сможет общаться. Даже какое-то медицинское образование имеется.

Крепкая как платан тётка с короткой стрижкой, мощной шеей и широкими ладонями вызывала у него раздражение. Она никогда не уходила, когда он навещал маму. Он и так приходил ненадолго. А тут ещё эта баба, пахнущая чем-то медицинским, потом и вот этим отвратительным запахом старушечьих духов (не «Красная Москва», конечно, но все старческие духи пахнут одинаково гадко). Найти другую у него не было времени. Приходилось терпеть и злиться. Если бы не она, последние дни с мамой прошли бы совершенно по-другому. Он столько всего хотел маме сказать! Но не при Кларе же!

— Сиделкой? — повторил Игорь.

Выражение его лица Алёне что-то напоминало... Ах, да! Ей было лет семь. Они гуляли с Милой по саду и нашли мёртвого мышонка. Точнее, то, что от него осталось. Соседская кошка отгрызла ему голову, а оставшуюся часть с болтающимся хвостиком бросила около их дома. Садовника не было. Вскрикивая от отвращения, Мила завернула мышонка в лист лопуха и перекинула через забор, к хозяевам кошки. «Не смотри, Алёна! Не смотри!»

Сейчас Игорь с тем же отвращением спросил: «Сиделкой?»

— И что такое быть сиделкой, Алёна?

— Находиться рядом с человеком. Поддерживать его.

— А обтирать его тряпкой, чтобы пролежней не было? — поинтересовался Игорь, — «Не смотри, Алёна!», снова прозвучало в голове, — если он, прости, при тебе обделается, твой человек?

Алёна промолчала. Она вдруг явственно увидела, что сидят они с папой совсем рядышком, но между ними — обрыв. И его не перепрыгнуть. Папа всегда будет на своей стороне обрыва, а она, Алёна, — на своей.

— В общем, вот что я думаю, — нарушил тишину Игорь, — тебе это ни к чему. Это тянет назад. Тормозит развитие. Я слишком много в тебя вложил. Ты позвонишь этой женщине по телефону, извинишься. И скажешь, что родители решили отправить тебя в Англию пораньше. Чтобы ты там привыкла. Это, кстати, правда.

Алёна ничего не могла ответить. Ей казалось, скажи она хоть слово — и разрыдается.

У дома она вылезла из машины и пошла в гостиную. На диване, неестественно выпрямив спину, сидела мама. Её глаза ясно говорили: она не здесь. А где? На другом конце обрыва, вместе с папой?

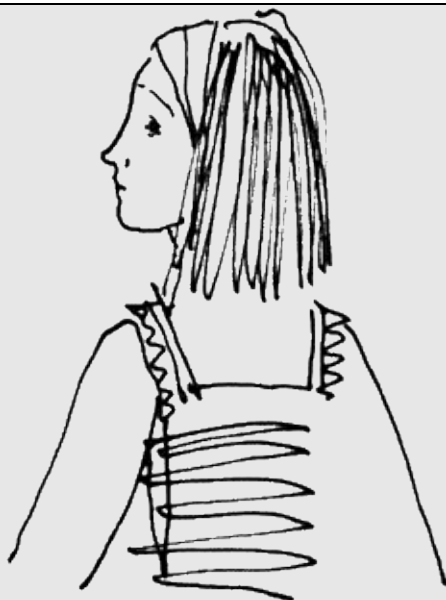
— Мы всё решили, — объявил Игорь, входя в дом вслед за Алёной.

Наталья равнодушно кивнула.

«Да, — поняла Алёна, — мама где-то совсем далеко... Или ещё дальше... Или высоко, в облаках, витает над обрывом».

Она поднялась в свою комнату. Но позвонить Лидии Матвеевне так и не смогла.

А ещё Алёне очень хотелось, чтобы она снова, как в детстве, превратилась в храбрую Элен, и к ней прилетела Джулиана, и посоветовала, как быть... и что делать.

Глава 18

Телефон и кусочек сахара

Во сне Джулиана так и не пришла. Сон был гладкий, чистый, как кафельная стенка ванной, без тревожащих сновидений и печальных мыслей. Пустота. Вот что ощущала Алёна на следующее утро. Она спустилась по лестнице, но остановилась на нижней ступеньке. Родители сидели в гостиной, к ней спиной. Они сидели за столом, но не как обычно — друг против друга, а рядом. Оба напряжённо смотрели в окно, словно там показывали какой-то фильм.

— Я не понимаю, — сказал папа, — но тебе какая разница?

— Есть вещи, — произнесла, слегка задыхаясь, мама, — которые делать нельзя.

— Это в книжках по фэн-шую написано?

Мама выпрямилась и опустила глаза. Папа, наоборот, откинулся на спинку стула и сцепил руки на затылке.

— Не надо смеяться, Игорь, — отчеканила она, — есть вещи... Я не знаю, как тебе объяснить.

— Ну, конечно. Куда уж нам. Университетов не кончали.

— Игорь, — всхлипнула мама, — ну зачем ты так...

Алёну словно проггло изнутри. Зачем и правда он так её унижает? Он как раз закончил университет, а она — даже не закончила что-то в своём Орле, а приехала в Москву.

О чём они спорят, о ней? О том, как побыстрее отправить её в Англию?

— Тогда объясни, зачем тебе нужна эта дурацкая берёза? — сказал Игорь.

Алёна посмотрела в окно. Вот оно что. У калитки росла высоченная берёза. Папа не раз жаловался, что она мешает ему, когда он на машине. Не то чтобы он не мог проехать... Но ему приходится напрягаться, когда он едет мимо березы. Он может поцарапать машину.

Значит, теперь он решил её спилить...

Алёна попробовала посмотреть на это с папиной, как это говорят, колокольни. Машина

дорого стоит. И царапать её каждый раз о берёзу — значит трепать себе нервы. Они тоже дорого стоят. В смысле — лечить их потом дорого. Не в смысле денег, а в смысле папиного времени. Папа ведь когда-то ходил к психологу, Алёна знает это по обрывкам разговоров.

Но как-то не получалось до конца поверить, что дорогая железяка важнее живой берёзы. Что удивительно, маме берёза тоже была чем-то дорога.

В детстве берёза была для Алёны целым миром. У неё был довольно толстый ствол, весь изрытый на уровне Алёниного роста какими-то тёмными дорожками. Алёна приезжала из школы, выскакивала из машины и бежала смотреть на жучков и муравьёв, путешествующих по этим дорожкам, перелезающих через бугорки (а для них это целые горы!) и следящих друг за другом в тёмных извилистых трещинах.

Потом Алёна подросла и поняла, что берёза толстая только внизу, а наверху она изящная, белокожая, с кудряшками листьев, и Алёна сначала всегда мысленно здоровалась с ней, когда возвращалась домой. Даже придумала ей имя — Настя.

И вот Настю собираются убраться... Из-за того, что папе неудобно вылетать из дома на свою другую планету.

— Если ты её спилишь, — вдруг сказала мама чисто и строго, как учительница начальных классов на родительском собрании, — то я скажу Алёне про Максима.

Папа не пошевелился, но его пальцы... Они схватили пучок волос на затылке и сжали его изо всех сил.

— Это, конечно, особенно актуально сейчас, — усмехнулся он, — когда теплятся следы истории со старухой.

«Теплятся следы? — опешила Алёна, — почему он так решил?! В конце концов я придумаю, как пересадить яблони, и если меня не пустят, то просто напишу об этом Лидии Матвеевне! А она напишет мне. Что, в Англии, почты нет?!»

— Я скажу ей, — повторила мама.

— Угрожаешь? — сказал папа медленно и всё равно насмешливо, — шантажируешь... Ты ведь только навредишь Алёне. Это окончательно снесёт ей крышу. С таким трудом поставленную на место. Мало того, что ты проворонила, когда её крыша стала уезжать. Так ещё и хочешь завалить мне проект с Англией?

Последние слова папа отчеканил. Громко.

У Алёны загорелись ладони. И щёки. И заломило где-то в шее.

Папа говорил ей про то, как он радовался тому, что она нормальная. Прививки в срок, ещё что-то. Тогда она даже улыбнулась. Решила, что папа радуется ЕЙ.

А она просто его проект. Который удачно продвигается. А не родное, живое, тёплое существо, которое хочется прижать к сердцу.

Алёна вспомнила, ощутила объятия Лидии Матвеевны. И неожиданно спустилась и бросилась к двери. Неважно, что она ей скажет, только...

С крыльца она увидела Вика. Он стоял за забором и делал ей знаки.

— Что? — проговорила она, стараясь набрать в грудь побольше воздуха. Почему-то его не хватало даже на улице, даже возле Насти, той самой, которую сегодня собираются убить.

— Подойди поближе, — сказал негромко Вик, прижимая к сетке пухлую физиономию.

«Родители увидят нас в окно, — подумала Алёна, — ну и пусть!».

— Алён, — торопливо сказал Вик, слегка глотая звуки, — ты не думай, а? Мы, конечно, за тобой следили... Но я против был, чтобы родилкам клепать. Честно. Я её отговаривал, но она... Ты знаешь же, умеет.

— Она умеет, — согласилась Алёна, вдыхая воздух маленькими глотками и надеясь приноровиться к тому, что его стало так мало.

— А я, короче... Скоро уезжаю я, вот.

Вик потёр щёку, смущённо улыбнулся.

— Мы сейчас домой едем. А потом, короче, меня папка брату отдаёт на весь сентябрь. Дядька в армии служит. А в сентябре в отпуске. Хочет из меня мужика сделать. Настоящего, боевого.

Алёна смотрела на толстую физиономию Вика, со стеснительной улыбкой, мгновенно краснеющими щеками, на его белые пухлые руки и думала: «Какой из него боевой мужик?!»

— Но я это... Не за этим. Я спросить пришёл. Ты тогда с лопатой шла? Тебе что-то посадить надо было?

Алёна кивнула.

— Кабанова попросила? У тебя получилось? Нет? Хочешь, я помогу? Я могу. Я умею. У нас же дома огород. Мамка у меня любит это дело. Ну и я... так. Умею немножко.

Воздух хлынул в лёгкие, словно Алёна долго плыла под водой и вдруг вынырнула.

— Чего ты? — испугался Вик, — чего задыхаешься?

Алёна покачала головой.

— Нет. Нет, наоборот. Вик! Если бы ты знал... Хотя погоди. Зачем тебе это, а? Я не сержусь на Энджи... И на тебя, конечно, ты вообще не виноват. Я на себя злюсь. Мне надо было сказать Лидии Матвеевне, что у меня не вышло ничего. А я, понимаешь... По крыше лазать не побоялась. Уколы делала. А тут... Струсил, понимаешь.

— Брось, бывает, — сказал Вик, — я вот отцу тоже стараюсь сказать, что не хочу я в охранники. Что мне больше всего на свете хочется замки делать. И на настоящие замки посмотреть охота. Но нет такой работы — на настоящие замки смотреть... Что копать надо?

— Ох, Вик, не знаю. Я дала себе зарок, что сама это сделаю. Что никого не попрошу.

— А я сам пришёл. Если друг пришёл и помощь предлагает, чего плохого-то, не пойму! — рассердился наконец Вик, и стал похож на добрый, но сердитый паровоз.

Алёна улыбнулась.

— Ладно, не пыхти. Спасибо тебе вообще.

— Закончим, скажешь спасибо, — проворчал Вик.

Узнав о яблонях, он сказал:

— Значит, так, я за лопатой. А ты пока иди в интернете глянь, чем там эти ямы удобрять надо. Я не помню. А вечером я в Звенигород съезжу, куплю удобрения.

— Вик, — выдохнула Алёна, и протянула руку, чтобы погладить его пухлые пальцы, и повторила, — спасибо!

За спиной послышались шаги. С крыльца спустился папа. Хмуро глянул на них.

— 3-здравствуйте, — проямлил Вик.

— Алёна, ты куда? — спросил Игорь.

— Никуда...

— Вот и славно. Иди домой.

Игорь направился к машине, ещё внимательнее, чем обычно, глядя себе под ноги. Алёна вдруг заметила, что он перешагивает через трещинки на асфальте.

Она повернулась к Виду, но его у забора уже не было.

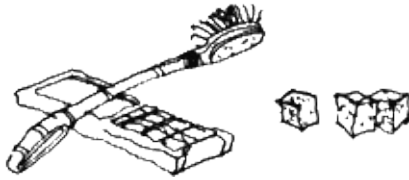
У себя в комнате она плюхнулась в кресло и схватила трубку телефона. Но, подумав, не стала набирать номер. Вдруг у Вика тоже не получится проковырять эту дурацкую твёрдую землю? Позвонит вечером.

Она поглядела на трубку и кое-что вспомнила. Про телефон и кусок сахара. У них в школе были уроки верховой езды. Перед занятиями Алёна брала в буфете белые кубики сахара и прятала в кармане — для лошадей. Как-то раз она забыла, что в кармане телефон. Сунула сахар

туда. А потом принялась проталкиваться через толпу голодных школьников, осадивших буфет. Её сдавливали со всех сторон, и перед занятием Алёна обнаружила, что сахар раскрошился. Но и у телефона бок оказался поцарапанным.

Телефон и кусок сахара. Вот на что похожи её родители. Папа — телефон. Мама — кусок сахара. А раз она крошится, значит, и у него царапины? Такие невидимые царапины, которые заставляют перешагивать через трещинки на асфальте и улыбаться одним ртом.

Однако... Алёна вспомнила, что ещё недавно ей казалось, что их семья похожа на зубные щётки в стакане. А теперь — на сахар и телефон. Раньше они не смотрели друг другу в глаза и не повышали голоса, а теперь... Может быть, что-то изменилось?

Глава 19

Успение

Бывает так странно — вроде ты спишь, но слышишь голоса тех, кто в соседней комнате. Слышишь очень отчётливо. Понимаешь каждую фразу. А потом — просыпаешься.

Алёна слышала голос, но не снаружи, а изнутри. В голове кто-то говорил: «Надо сказать Лидии Матвеевне, что с яблонями всё устроилось».

Вик позвонил вчера поздно вечером и сообщил, что ямы он выкопал. И завтра едет в Звенигород за удобрениями.

«Надо сказать», — повторил голос.

Алёна открыла глаза и поняла, чей это был голос. Джулианы!

— Ты права, — сказала Алёна и протянула руку к телефону.

Но взгляд её уловил какое-то движение у окна. Она подняла голову и увидела под потолком на карнизе белого голубя! Алёна глянула на окно. Закрыто. Как он тут оказался?! Голубь смотрел очень внимательно, склонив голову набок. Белоснежный, без единого темного перышка.

Алёна поморгала — не мерещится ли? Потом слезла с кровати, подошла к окну.

— Привет, — пробормотала она и открыла форточку.

Но голубь не улетал. Он смотрел на неё. И вдруг она поняла. Даже не поняла, а... почувствовала. Как будто голубь передал мысль. Они с Алексом часто общались в Картории мысленно, но ведь голубь, он же из обычной жизни, не из выдуманной!

Впрочем, это уже было неважно... Она обхватила себя руками. Голубь сорвался с места и вылетел в форточку.

Зазвонил телефон.

Алёна не стала подходить. Вместо этого она вышла в коридор и прислушалась. Трубку взяла мама.

— Алло? Что? Да. Да, мы в курсе, я как раз хотела... О... Мне очень жаль. Сочувствую. Что? В какой день? Ну... Вы знаете, я не уверена, что это хорошо для детской психики...

Да-да, я поговорю с ней. Я понимаю, Зинаида, понимаю. Я перезвоню вам... Хорошо, не буду. А во сколько нам прийти? Да, разумеется, мы не можем отпустить её одну. Для нас и так было загадкой... Я понимаю-понимаю. Держитесь. Мне очень жаль...

Алёна опустила на ковёр, по-прежнему обнимая себя.

— Лидия Матвеевна, — пробормотала она, — ох... Лидия Матвеевна... Я ведь так и не успела вам сказать...

Два дня подряд она ходила как во сне. То есть совершала обычные действия. Разговаривала с родителями. Кажется, что-то искала в интернете. Но чувствовала себя при этом очень странно. Как будто её переселили в другой мир. Мир, в котором не было Лидии Матвеевны. И нужно было постоянно себе об этом напоминать. Потому что она вдруг поняла, что после неудачи с деревьями и побега она не раз мысленно разговаривала с Лидией Матвеевной. Задавала вопросы. Ждала ответов... А сейчас — всё! Ей никогда.... Никогда не удастся больше поговорить... Порисовать... почитать...

В такие минуты Алёна начинала задыхаться, комок подступал к горлу. Самое ужасное, что ей не с кем было поговорить... Родители переводили разговор на другие темы. Почему? Им было стыдно, что они забрали её тогда? Или они боятся смерти? Зачем они тогда пошли с ней в церковь, куда Зина её позвала на отпевание? Да ещё и оба.

В церкви оказались люди, которые хотели поговорить о Лидии Матвеевне. Это были и её бывшие коллеги, и соседи по деревне, и, конечно, Зина со своей семьёй. Алёна с родителями остановились у порога. Наталья неловко перекрестилась. Пел хор, священник читал молитвы, и Алёна направилась к гробу, который стоял перед алтарём. Наталья шагнула следом.

— Не ходи, — прошептала она, хватая Алёну за рукав.

— Не могу, — произнесла Алёна тихо и ласково, словно успокаивая капризного ребёнка, и осторожно сняла Натальину руку.

И двинулась дальше, жадно ловя обрывки фраз, которыми шёпотом обменивались люди. «Такой сильный был педагог»... «А какая отзывчивая...», «Помнишь, как мы с Лидой тогда — смеялись...»

Вот и алтарь. Несколько женщин стояли со свечками в руках вокруг изголовья Лидии Матвеевны. «Как будто корона, — подумала Алёна, глядя на хоровод огоньков, — или венок». Кто-то дал ей свечку, и она встала рядом.

Вот и Лидия Матвеевна. Она была совсем не страшная, мёртвая. Такая спокойная, с закрытыми глазами, с руками, скрещенными на груди. В белой кофточке и синей юбке.

— На той неделе Успение, — услышала Алёна шёпот за спиной.

— Да, успела Лидочка, успела, — ответил кто-то тоже шёпотом.

Алёна посмотрела на женщин со свечками, на Лидию Матвеевну, лежащую ногами к алтарю, словно готовясь шагнуть куда-то, и вдруг поняла: они же её провожают. И рады, что она успела что-то сделать.

Может быть, уже знают, что они решили посадить деревья?

Тогда Алёна напрягла всю силу мысли.

«Лидия Матвеевна! — сказала она про себя, — не волнуйтесь! Мне помогает Вик. Мы справимся с вашим заданием». Ей очень хотелось, чтобы Лидия Матвеевна поймала эту мысль перед самым уходом. Ведь у голубя получилось что-то сказать Алёне. Может, и у неё получится?

Как бы то ни было, рядом с провожающими было очень спокойно, и Алёна ощущала, как уходит из груди страдание и печаль становится светлой.

А Игорь с Натальей стояли у прилавка с церковными книгами и смотрели не на Алёну, а в разные стороны. Оба злились.

Игорь злился, что несмотря на все усилия, второй его ребёнок снова получился странным.

Не таким как все. Не так как первый, но... Нормальному ребёнку будет в церкви неловко, страшно, ну, хотя бы не по себе! А уж идти, смотреть на умершего... Что это?! Зачем?

Игорь посмотрел на потолок, прямо в тёмные глаза Иисуса Христа и мысленно спросил: «Вы мне там нарочно таких детей посылаете, чтобы на меня люди пальцем показывали? Неужели я не заслуживаю ОБЫЧНОГО ребёнка?» Но лицо Христа осталось непроницаемым, и мысли Игоря вошли в привычную колею: во всём виновата Наталья. Она упустила Алену, когда у нее поехала крыша.

Наталья же стеснялась испытывать злость в церкви (не положено ведь!) Но и радости она не чувствовала оттого, что Алёна отправилась ТУДА, да ещё так спокойно, словно они ей и вовсе не родители. Почему она такая независимая? В Игоря, что ли? Или она что-то доказывает им? Почему она ведёт себя, как хочет, и они ей не указ?

Наталье и в голову не пришло, что Алёна учится решать свои проблемы сама, и что делать это она умеет уже давно. А если бы и пришло, то наверняка не вызвало бы у Натальи радости... Какая же радость в том, что ты совершенно не нужна своему ребёнку?

Глава 20

Море чувств

Прошло две недели. Пользуясь отъездом родителей, Алёна сбегала на берег реки. Вик потихоньку начал пересадку деревьев. Две маленькие яблони протягивали ветки к реке, словно с восторгом глядели на её блестящую на солнце выгнутую спину.

— Не вздумайте засохнуть и не прижиться, — строго сказала им Алёна.

«Как можно засохнуть в таком красивом месте?» — прошелестели яблони еле слышно.

По дороге домой Алёна осматривала заборы и нижние ветки деревьев. Не мелькнёт ли где-нибудь белоснежное перо?

Белый голубь не выходил у Алёны из головы. Она его и правда видела? Или ей показалось? А если он был, то что это значит? Вдруг он и есть — помощник ангела? Значит, он прилетел ей помочь?

Внутри у Алёны... нет, не бушевал океан. Так бывает, когдаходишь в море и не можешь понять — какая вода, холодная или тёплая? Вроде шагнул — у берега вода почти прозрачная и чуть ли не горячая. Чуть дальше — ощутил под ногами поток холода. Оттолкнулся, поплыл — снова тепло. А доплыл до буйков — так хо-о-о-лодно.

Вот и Алёна никак не могла понять, что она чувствует. С одной стороны, из церкви она вернулась с радостью. Радостью за Лидию Матвеевну. Что она «успела».

Другое — угрызения совести. Ведь она совсем забыла попросить тогда в церкви у Лидии Матвеевны прощения за то, что сбежала с папой, не звонила, оставила её одну.

Она всё боялась испортить их идеальную дружбу.

Алёна вдруг подумала, что на самом деле она здорово похожа на свою маму. Та тоже никогда в жизни не признается папе, что сделала что-то не так. Раньше Алёна мысленно посмеивалась над тем, как мама корчит (да! именно корчит!) из себя Идеальную Жену. А теперь, оказывается, Алёна и сама корчила из себя кого-то идеального.

Надо же, она похожа на маму... Никогда раньше ей не приходило это в голову. О-очень странное ощущение.

Вот это многочувствие очень мучило Алёну. Ей казалось, что взрослые так не мучаются. Они как-то определяют, что им надо чувствовать, и с этим живут. А лишнее отсекают.

Алёне, с одной стороны, очень хотелось определиться. Остановиться на чём-то одном. Пусть на радости. Но никак не получалось отсечь угрызения и стыд. К тому же она не была уверена, что сможет правильно выбрать, на чём ей остановиться.

Вот так, погрузившись в море чувств, Алёна и дошла до дома Лидии Матвеевны. Вчера звонила Зина, сказала, чтобы Алёна что-то забрала. Наверное, она забыла там свои вещи.

А ещё очень хотелось хотя бы поздороваться с Бэллочкой. Шепнуть ей, что Лидия Матвеевна «успела». Ведь наверняка она горюет без хозяйки.

Алёна взялась за ручку. Оказалось заперто. Алёна протянула руку к звонку. Белая кнопка, вся в грязных потёках. Нажала и услышала странный, неприятный скрипучий звук. Неудивительно, что у Лидии Матвеевны никогда не запиралась дверь.

Зина открыла резко, словно хотела крикнуть:

— Чего вам?

Но передумала, выдавила улыбку и сказала:

— А! Привет.

Зинин нос-картошка распух до каких-то невероятных размеров. Кончик его был пунцовым, словно Зина расковыряла там прыщик. Но по мешкам под глазами, по бледности кожи, Алёна поняла: не спала, плакала всю ночь.

Они молча поднялись наверх. Спальня была заперта. На столе не было лекарств, хотя запах в комнате стоял.

— А где Бэллочка? — спросила Алёна.

— Отправила в Москву, сын пока присмотрит. Мне тут убраться нужно, она бы под ногами путалась.

Зина говорила странно, как будто сквозь сжатые зубы.

Алёна промолчала. Жалко, что не удалось попрощаться.

«Надо попросить фотографию, — подумала вдруг Алёна, — наверняка ведь есть одна ненужная фотография, которую я могу взять на память».

— Садись! — сказала Зина, кивая на стул у пустого стола.

— Давайте я просто заберу вещи. Меня дома ждут.

Зина кивнула, пошла в кабинет и принесла оттуда Алёнину старую знакомую. Огромную тетрадь в коричневой клеёнчатой обложке. Алёна всё-таки села. И прижала тетрадь к губам.

Холодная. Пахнет кремом для рук. Её кремом для рук. Как будто её руки только что закрыли тетрадь. Алёна распахнула окно в Карторию. И сразу нахлынуло. Накрыло с головой. Слёзы побежали так быстро, что Алёна даже не успела понять, что плачет. Только отодвинула тетрадь, чтобы не закапать Джулиану, колыбели Больших Птиц и корабль Алекса.

Подняла глаза на Зину, а та... Та совершенно неожиданно скривилась от злости.

— Да?! — закричала она, — да? Конечно! Меня легко ненавидеть! Бросила, мол, мать! И у неё вон крыша съехала! Рисуночки ненормальные! Подписи! Чтобы ты знала! Чтобы ты знала, мы купили квартиру полгода назад! Сейчас там ремонт, но там четыре комнаты, и в одну я собиралась поселить маму! Понимаешь? Я правда собиралась это сделать! Я же не виновата, что она не...

Зина перевела дух.

— Между прочим, я ей предлагала переехать к нам уже сейчас. Мы живём в трёх комнатах, но ничего, потеснились бы. Она отказывалась. Говорила, что не хочет нам мешать. А сегодня я

посмотрела ваши рисуночки... Вы ведь с ней вместе их рисовали, да? Она говорила мне, что стала рисовать. А дело-то в том, что ей на меня всю жизнь было наплевать! Она меня никогда не любила, понимаешь? Она всегда меня бросала! Всю жизнь! То командировка, то защита докторской, то студенты! И вот теперь — ты. Ты вместо меня. Тебя она полюбила за секунду. А меня — за всю жизнь не смогла!

— Вы не правы, вы не правы, — бормотала Алёна, — что вы говорите...

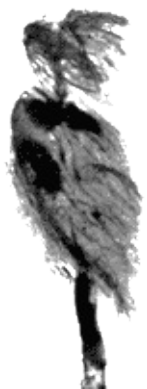
Но Зина уже не говорила, она закрыла лицо руками и убежала в кабинет. Алёна встала и, прижав к груди тетрадь, рванулась к лестнице. По дороге она подвернула ногу, чуть не упала. Схватила за перила и, хромая, двинулась дальше. Когда она уже ковыляла по дороге, вспомнила, что хотела попросить фотографию. Но возвращаться не стала. Слишком болела нога. И ещё — гудело внутри. Очень больно гудело.

Глава 21

Папина тайна

Потянулись странные дни. Когда приходил Вик, рассказывал о яблонях, становилось легче. Когда она оставалась одна, с платком Лидии Матвеевны в руках, то хотелось плакать.

Милочка, несмотря на жару, ездила на рынок в Звенигород и привозила виноград и упругие синие сливы, но Алёна не могла ничего есть. Она смотрела на фрукты и думала, что слива — это она, Алёна, а Лидия Матвеевна была косточкой. И теперь, когда косточку вынули, сочная мякоть съёжится и засохнет.

В Алёне что-то лопнуло, оборвалась какая-то ниточка. А ещё внутри неё больше не было Картории. То есть была — на рисунках, которые, как старые фотографии, показывали то, что уже прошло. Сейчас в голове у Алёны не звучали ни строгий голос Сальвадора, ни нежный — Джулианы, она не ощущала на себе внимательного взгляда Алекса, не чувствовала угрозы врагов, захвативших лес.

Она осталась совсем одна.

Как-то, прячась от жары в саду под жасминовым кустом, она услышала тихое воркование. Подняла голову и увидела его. Белого голубя, что прилетал к ней в то утро. Голубь смотрел на неё, не отрываясь, вполоборота. Потом провёл клювом по крылу, и Алёна заметила на его лапке красную нитку. Белый голубь и красная нитка что-то напомнили ей. Но она не могла сообразить — что.

Голубь кивнул, взмахнул крыльями и улетел.

«Может, меня мучают, чтобы я что-то поняла? — подумала Алёна, — но что?»

И опять не было рядом человека, который сказал бы, что страдать по ушедшим — это

нормально. Чувствовать боль — это правильно. Некому было просто прижать к груди Алёнину голову и погрузить вместе с ней. Потому что родители поглядывали на неё странно. Будто она была редким зверьком, который неожиданно забрёл к ним в дом. Так Милочка смотрела на ласку, которая как-то забралась к ним в огород.

«Это несправедливо, — вдруг подумала Алёна, — они просто не имеют права себя так вести! Между прочим, если бы они меня тогда не забрали, я, может быть, и поднялась бы к Лидии Матвеевне!»

Словно опять окунувшись в море чувств, Алёна бросилась домой, чтобы найти маму и высказать ей всё, что наболело внутри.

Мама сидела на кухне у окна и смотрела на берёзу.

— А ты не думаешь, что это вы ведёте себя неправильно? — крикнула с порога Алёна.

Мама вздрогнула.

— Конечно, — кивнула она, — спилить её совершенно неправильно. Посмотри, она раздваивается наверху..

Алёна подошла к окну и подняла голову. Действительно, верхушка дерева раздваивалась.

— И что?

— Понимаешь, когда папа привёз меня сюда... я первым делом увидела эту берёзу. С двумя верхушками. И загадала, что две верхушки — это мы с ним. И пока они тут, мы будем вместе.

Говоря это, мама слегка повернула к Алёне голову, но глаза опустила и губы поджала.

«Обиженный ребёнок, — подумала Алёна, — которого несправедливо наказали». Неожиданно гнев её испарился. Как тогда, на берегу, с Лидией Матвеевной. Она подошла к маме, опустилась на корточки, взяла мамины руки и прижала к щекам.

— Он над тобой всё время издевается, — выговорила она, — подшучивает... Почему?

У мамы по щекам потекли слёзы, и она высвободила руку, чтобы вытереть их.

— Он не по своей воле, как ты говоришь, издевается... Однажды ему сделали очень больно. И он с тех пор мучается сам и мучает других. Не может простить. Понимаешь, я это сразу поняла, как только с ним познакомилась. Но мне казалось, если я буду заботиться о нём, любить его, то со временем боль пройдёт. Но я ошиблась...

Мама закрыла лицо руками и перешла на шёпот.

— Я ошиблась, Алёна... Со временем он только озлобился. И у меня нет больше сил. Я очень устала.

Алёна смотрела на маму во все глаза. Эта была тёплая, живая мама, и она была красивая, и говорила по-настоящему, по-человечески...

— А что за боль ему причинили? — осторожно спросила Алёна.

— Он когда-то уже был женат. И в том браке родился ребёнок, — мама старалась говорить спокойно, — он сильно отставал в развитии. И жена бросила его. С ребёнком на руках. Он сначала пробовал жить с ним. Но не выдержал. Отдал родителям. Те увезли его за границу. Когда дедушка и бабушка умерли, они оставили Максима там. За ним смотрит сиделка.

Алёна вспомнила, как искривилось лицо папы при слове «сиделка». И ещё: что он перешагивает через трещинки на асфальте. Боится, что одна из них разверзнется и он снова упадёт, и никто ему не поможет... У Алёны вдруг что-то шевельнулось внутри. Как будто котёнок царапнул изнутри лапкой.

Мама достала из кармана платок и высморкалась.

— Знаешь, мама... Однажды... Лидия Матвеевна сказала мне... В общем, неважно, она меня провоцировала. Но я на провокацию не поддалась. И вела себя так, чтобы мне потом не было стыдно самой. Может быть, папа своими насмешками тебя тоже провоцирует? Хочет, чтобы ты вела себя не так, как можно ему угодить, а как хочешь сама?

Мама посмотрела прямо в глаза Алёне. Словно наконец-то увидела её.

— А я ведь думала об этом, — сказала она, — когда Игорь отказывался ехать к Максимке, я не настаивала. Не хочет — не надо. Там справятся без него. А вот теперь я понимаю, что наверняка на самом деле он хотел, чтобы кто-то надавил на него. Заставлял видиться с сыном. Или мне самой надо было туда ездить. Но поздно. Поезд ушёл.

По её голосу было слышно, что она борется со слезами.

— Ещё не ушёл, — неожиданно для себя сказала Алёна, — где этот мальчик?

— В Англии. Рядом с Лондоном.

— Хорошо. Мама, не плачь. Я найду выход. И ещё... Пожалуйста, будь такой всегда. Ты такая у меня...

«Хорошая», — хотела договорить Алёна, но мама протянула руки и прижала к себе её

голову. Алёна почувствовала, как мама дрожит. Что с ней?

А внутри Натальи распускался букет новых ощущений. Удивление, потрясение, стыд! Она вдруг посмотрела на себя со стороны. Алёниными глазами. И поняла, что всю жизнь, каждую секунду, она проводит в напряженном ожидании какого-то тайного знака от Игоря, намёка, что он ценит её заботу и она нужна ему. А тем временем рядышком вырос человек, который всё понимает и даже предлагает свою помощь! А ведь сама переживает горе! Потерю близкого друга.

До Натальи потихоньку стало доходить, что они оставили Алёну один на один с её страданиями, ни разу не предложили поговорить о том, что она чувствует! А ведь она ещё совсем девочка, их Алёна!

— Прости нас! Солнышко, прости! Я... Думаю только о себе... Тебе ведь так тяжело сейчас.

— Иногда уже не тяжело, — задумчиво сказала Алёна.

В этих словах было что-то переработанное глубоко внутри без её, Натальи, участия.

— Алёна! — Наталья сжала ладонями лицо Алёны и внимательно посмотрела в глаза, — я... я ведь не опоздала?

Алёна сразу поняла, о чём речь. Но молчала. Думала. Она всегда думала над своими ответами. Это нравилось Лидии Матвеевне...

Наталья истолковала её молчание превратно.

— О Господи! — вырвалось у неё, — я тебе что, уже не нужна?

— Ну что ты, — улыбнулась Алёна, — просто, в общем-то, я привыкла без тебя обходиться...

Наталья ощутила болезненный укол совести.

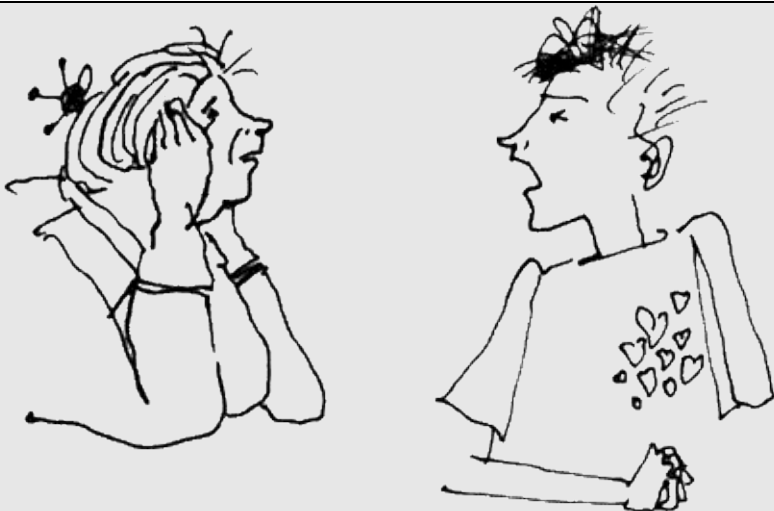
— Но если ты хочешь, мы можем попробовать подружиться...

— Солнышко ты моё...

И мама обняла Алёну так крепко, словно она стала сокровищем, которое надо схватить, прижать к себе и никогда не отпускать.

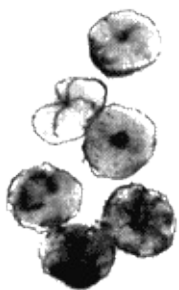
Они поделили на двоих своё одиночество, и оно сплавило их, оставив весь мир далеко-далеко. Они не знали, что с улицы за ними следит Ангелина, всхлипывая от зависти и злости.

Глава 22

Персики

Наталиного поручительства оказалось недостаточно. Точнее, закон о поручительствах в этом году отменили. Жужелица в фисташковом об этом не знала. Она действительно кого-то замещала. Нужно платить вступительный взнос. Так и сказала директриса Рублёвской гимназии. Она была длинноногая, в фиолетовом костюме, а на шее у неё блестело золотое кольцо, похожее на ошейник.

Когда директриса турнула Ангелину, та, в общем-то, не обиделась. Во-первых, директриса обращалась к ней на «вы», это было по-взрослому и с уважением, а Энджи нравилось, когда ей выказывают уважение. А во-вторых, она надела эту тётку в золотом ошейнике такой силой и властью, что оскорбляться и в голову не пришло. Как можно обижаться на солнце, например?

Поэтому, пока она возвращалась домой, внутри только зудела мысль о школе, в которую придётся возвращаться. Зудела несильно, как муравьиный укус.

Неприятности начались дома. Пока она отсутствовала, бабка успела вызвать милицию. Вовремя спохватилась, нечего сказать! Ангелина стянула деньги ещё три дня назад! Временно. Если бы директриса взяла её, то она бы вечером бабке всё выложила. И та бы не пожалела денег. А заранее Ангелина говорить не хотела — сглазила бы ещё. Хотя и так её кто-то сглазил.

В общем, хотела Ангелина деньги (почти все) на место вернуть, а тут — здравствуйте — милиционер с дурацкой фамилией Топориков собственной персоной на крылечке с бабкой толкует и всё хватает себя за кончик длинного носа.

Ангелина сначала хотела отпереться. Но потом испугалась — вдруг обыщут? И сказала громко прямо у калитки:

— Баб, я деньги привезла!

Бабка ахнула, за сердце схватилась. А Топориков как начал докапываться! Короче, увез её в отделение. Ангелину там, в пыльной комнате сдохлыми мухами и засохшим кактусом на подоконнике, такая злость на бабку взяла! А та ещё и звонить каждые пять минут вздумала.

— Гелюшка! К тебе не пристают там?

— Баб, кончай!

— Голодная небось?

— Баб, хватит!

— Гелюшка, я тебя вызволю, девочка моя, я тебя сейчас... через свата тёти Надиного. Он в Одинцовской милиции. Не пойму, что им от тебя надо, я и заявление забрала...

У Ангелины возникли подозрения, что длинноносого Топорикова интересовала не столько кража, сколько Ангелинины ноги в джинсовых шортиках. И Ангелина была бы и не против слегка погреться под его пристальным взглядом и хоть как-то «повысить самооценку», как говорит классная, но тут приехал на «Уазике» сват тёти Нади, усатый и сердитый, распаренный от жары, и увез её обратно в тупую деревню.

Короче, даже тут облом по бабкиной вине!

Вечером приехала Жанка. Бабка ей ничего не сказала. Жанка привезла бабке очередные дорожные коробочки с лекарствами, а Ангелине (конечно, на ней можно и сэкономить!) — кило плоских, как шайба, персиков.

— Они, между прочим, дороже обычных, — сказала Жанна.

Ангелина из принципа не стала их есть. Положила на окошко, да там и забыла.

После выходных Жанка умотала к себе на заправку, а Ангелина легла на свою кровать лицом к стене и стала думать, какая же она несчастная.

Повезло Алёне — за её обучение готовы тучу бабок отвалить. Повезло даже Вику, его папа что-то там тоже под матрасом прячет. А она? Кто о ней позаботится?!

Бабка заглянула в комнату.

— Гелюнь! Поешь со мной? Одной-то тоскливо...

Ангелина представила, как бабка за едой потягивает носом, а потом сглатывает. И как обсасывает каждую кость и причмокивает: «Хороша рыбёшка!» И как вытирает рот скомканной мокрой тряпкой, которой моет посуду. И как копошится в тарелке своими морщинистыми руками в коричневых пятнах.

— Не хочу.

— Фруктиков наелась?

Бабка шагнула к окну и открыла пакет с нетронутыми персиками.

— Гелечка! — воскликнула она, — ты что? Зачем же такой дорогой фрукт в компост превратила?

— Ну всё! — заорала Ангелина.

Она подскочила на кровати и ударилась темечком об угол раскрытой форточки.

В глазах потемнело, брызнули слёзы, от боли зазвенело в ушах.

— Достала ты меня! — закричала Ангелина, — из-за тебя всё! Из-за тебя! Ты лезешь ко мне, достаёшь, денег не даёшь! Чего тебе надо от меня?!

— Ну так... Мы ж... родные люди.

— Родные всё друг другу отдать готовы! А ты?

— Да и я готова...

— Да... Ты чуть что — в милицию. Тьфу! Всю жизнь мне поломала!

Ангелина выскочила из дома. Боль в темечке утихала, а злость в груди — нет. Вик. Ей надо пожаловаться Вику. Но в бытовке она обнаружила только дядю Сашу, развалившегося в кресле перед телевизором.

— Деревья сажает, — сказал дядя Саша, сплюнув косточку от черешни в кулак, — я ему, дурику, объяснял, что в такую жару не приживутся яблони. Надо сентября ждать. А он говорит, сотниковской дочке пообещал. Она тоже там кому-то клятву дала.

Ангелина вышла из бытовки, чуть не споткнувшись о разомлевшую на солнце Бингу. Внутри

у неё перекачивалось что-то круглое и тяжёлое, как барабан в стиральной машине. Она поняла: Вик её предал. Выполняет Алёнкины приказы. Алёнки, которая имеет право учиться в ТОЙ школе.

Он сажает по её указке деревья вместо того, чтобы утешать её, Ангелину, после такого удара, как отказ в учёбе и увоз в милицию. Втюхался, может? Ты смотри... Как Ангелина за ним бегала, так он не понимал. А тут, фу-ты, ну-ты, деревьица посажу.

Ангелина подавила в себе желание пнуть Бингу по сваявшемуся боку. Нет, она им покажет! Сажают деревья, да? Правильно дядя Саша сказал: не приживутся они.

Ангелинины глаза продолжали сверкать от ярости, но губы уже скривились в ухмылке, предвкушая месть.

Глава 23

Рина

Вик бежал, как сумасшедший.

Наступил вечер, небо хмурилось. Что-то наседало, сдавливало виски. Поднялся ветер, истошно чирикали птицы. Вик глянул на небо и помчался дальше.

Надо успеть. Надо рассказать ей! Хоть бы её родителей не было дома! Надо что-то придумать.

Главное: где взять новые саженцы?

На участке Кабанихи не получится: там всё перекопал бульдозер. Купить? У него нет денег. А вдруг Алёнка заподозрит, что он просто вымогает у неё деньги? После того, что с ней сотворила Ангелина, можно и никому не верить.

Хотя нет, Алёнка добрая, очень добрая. Только вот яблони-то должны были быть именно её яблонями, Кабанихиными. А иначе смысл в чём?

Короче, случилось несчастье. И как выпутаться — непонятно. Может, Алёнка знает?

На крылечке горел свет. Рина залаяла.

— Алёнка! — закричал Вик.

Рина захлебнулась лаем.

У Вика мелькнула мысль, что надо бы пойти домой и позвонить Алёнке, но как же ему было худо от одного воспоминания о том, что он увидел на берегу... Саженцы там валялись... Засохшие, с мертвыми корнями! Кто их выдернул?

— Алёнка!

Дверь дома распахнулась, на крыльцо выскочила Алёна. Она сбежала со ступенек, открыла калитку.

— Что случилось?

— Там! На берегу несчастье! — заторопился он, перекрикивая Ринин лай.

— Какое? — испугалась она.

— Алёна!

В дверях появился её отец. Вроде невзрачный чувак. Но взгляд у него... Издалека буравит.

— Куда ты?

— Я на секунду!

Он спустился за ней, прикрикнул на собаку. Та порычала, но притихла.

— Зачем ты пришёл?

— Я... мне надо поговорить с Алёной... Один на один.

— Ого! — сказал Игорь, будто Вик сообщил, что собирается сегодня ночевать в Алёниной комнате.

— Вик, давай поговорим потом, — попросила Алёна, — сейчас не очень...

Но Вик вкладывал душу в эти посадки. Ему хотелось помочь Алёне. А теперь что? Он зря потратил время? И что теперь будет с садом? У него было ощущение, что кто-то разрушил его, Вика, лучшую поделку. Ведь замки он строил для себя. Ну, для мамы и сестёр. А тут должны были ВСЕ люди, которые приходят на берег реки полюбоваться красивым видом, посмотреть и на сад. И вспомнить о его хозяйке, Кабанихе. Так объяснила задачу Алёна. А он не справился и подвёл её!

— Нам! — вдруг крикнул Вик отцу Алёны, — нужно! Срочно! Поговорить! Необходимо! Просто поговорить!

— Ты будешь со мной спорить? — усмехнулся Игорь.

Голос у него был неприятный, сдавленный, и сам он, с замершей презрительной улыбкой, был похож на куклу чревоушателя, по телику такую показывали.

— Нет. Мне надо с ней поговорить!

— Командовать будешь своими детьми. И учить их уму-разуму. Хотя, конечно, с этим у вас, ребята, сложности. Вам голова нужна, чтобы есть!

Игорь глянул на дочь. Ему было плевать на Вика, на его чувства, ему просто хотелось показать дочери: не получишь образования, не поднимешься над людьми — и вот так, каждый сможет издеваться над тобой, а ты будешь стоять открыв рот, как глупая рыба, и хлопать глазами.

У Вика же в голове что-то зазвенело. Тоненько, как гитарная струна. Ещё слово — и лопнет. И Вик взорвётся.

— Вы, — наступал он, — вы не понимаете... вы ей ломаете... Вы поймите!

Он сам не заметил, как вошёл в калитку. Его кулаки сжимались и разжимались.

— Хочешь меня ударить? — с той же странной неприятной улыбкой на растянутых губах сказал Игорь, — укусить руку, которая всю вашу семейку кормит? Ну, ударь, ударь!

Вик шёл на Игоря. Алёна бросилась к ним, но Игорь оттолкнул её и скрестил руки на груди. Вик замахнулся и...

... замер. Прямо так, с рукой в воздухе, как дурак. Как будто про него, Вика, показывали кино, и кто-то нажал на паузу. А Вик понял, что если он ударит этого гадко улыбающегося человека, то кино кончится. Всё будет по-настоящему. И удар, и боль, и кровь с синяками.

— Нет! — крикнул Вик, — нет!

Игорь насмешливо приподнял брови. Вдруг все трое услышали треск. Сетка Рининой клетки не выдержала наконец давления сильных лап и порвалась. Со страшным лаем Рина бросилась к Вика, замахнувшись на её хозяина.

— Рина! Назад! — закричала Алёна.

— Фу! — крикнул Игорь, но озверевшая овчарка злобно кинулась на мальчика.

Она вцепилась ему в ногу, и Вик закричал, ощутив невыносимую боль во всём теле, от

макушки и до кончиков пальцев.

— Помогите! Помогите!

Игорь попытался оттащить Рину, но она укусила его за руку и снова вцепилась Вику в штанину. Тот упал на землю, схватился за ногу, закричал:

— Ай!

— Вик!!

Алёна кинулась к мальчику, но кто-то схватил её за плечо и отшвырнул в сторону.

— Ах ты, дрянь!

Дядя Саша, охранник, отец Вика, патрулировавший посёлок, прибежал на крики, схватил Рину за задние лапы и отдёргнул назад. Но собака не расцепила зубы.

— Помогите! Папа! Пожалуйста! Мне больно!

Алёна вскочила и снова бросилась к Рине.

Овчарка глянула на неё недобрыми зелёными глазами.

— Джулиана, — прошептала Алёна.

— Алёна, назад! — заорал Игорь.

Но та вцепилась в собачью пасть и попыталась её раскрыть. Собака разжала зубы, чтобы схватить Алёну за руку, но дядя Саша снова дёрнул и отволол её в сторону.

— Не в клетку! Не в клетку! — закричал Игорь, придерживая руку, — она порвана!

— А куда?!

— В подвал!

Дядя Саша подтащил собаку к дому, Игорь открыл дверь подвала.

Алёна упала на землю рядом с Виком.

— Сейчас-сейчас! Держись!

Его рана вызвала в ней сильный трепет. Если бы умела... Если бы она знала, что делать с такими ранами. Отчего-то вспомнился белый голубь с красной ленточкой на лапке.

Игорь подобрал с земли выпавший мобильник и вызвал скорую.

И вот когда Вика уже клали на носилки, белая машина с красным крестом, белый голубь с красной ниткой, рана Вика, его залитое слезами лицо и опухшие губы смешались в Алёниной голове и ударили очень простой мыслью. Мыслью-решением. Она вскинула глаза и поймала взгляд Натальи, выбежавшей из дома. Надо сказать ей, но... Нет, потом, потом... Сейчас главное — помочь Вику.

— Я тоже поеду, — сказала она отцу.

— Нет, — ответил он, — тебе нечего там делать.

— Езжай! — вдруг сказала Наталья.

— Не поедет она! — крикнул Игорь, хватая дочь за руку, — что ей там делать?

— Игорь, очнись! — гневно сверкая глазами, крикнула Наталья, — мы виноваты!

— Пошлём Милку! Где она?!

— Игорь, МЫ! — закричала Наталья изо всех сил, — МЫ, понимаешь?! Ты и я! И она! Алена! Мы виноваты! Мы поедём! Алена! В машину!

— Дура! — крикнул Игорь, но Наталья выдернула Алёну из его рук и затолкала в свою машину.

Они уехали. Игорь стал запира́ть ворота. Долго запира́л, словно хотел отгородиться от всего мира. Внутри всё кипело. Это было непривычно.

«Дура! — кричало что-то внутри, — её ж, балду, поймать сейчас могут, под Звенигородом. Заставят подписать что-нибудь. Да просто миллион долларов компенсации потребуют. И идиотка Наталья подпишет из жалости! А платить ему, Игорю!».

Он ударил кулаком по воротам. Надо было ехать самому! И почему он не поехал? Потому

что не хотел потакать им, и Наташке, и Алёне!

И вдруг он вспомнил взгляд Алёны, перед тем, как мама затолкала её в машину, когда назвал Наталью дурой. Что в нём было, отвращение? К нему, к собственному отцу? Чем заслужил-то?

Вспыхнула жалость к себе, а вместе с ней — ещё одно воспоминание: как он ходил к психологу, когда сбежала Марина.

Психолог со странным именем Руслана и дурацкой причёской (иссиня-черные волосы с крашеной малиновой прядью посередине) долго билась с ним, а потом сказала: «Вы не гнётесь. Вы ломаетесь».

Тогда Игорь воспринял это как комплимент. И всегда гордился, что легко может принять волевое решение.

Сейчас, первый раз в жизни, он неожиданно пожалел, что не умеет гнуться. Не столько из-за денег, которые Наташа выложит отцу Вика, сколько из-за взгляда Алёны.

Глава 24

Жанка

Ангелина была довольна. Хотя, нет, довольна — не то слово. Она была удовлетворена.

Это было приятно — выдергивать из земли саженцы и бросать их тут же, возле ямки.

Раз! Раз! Один она швырнула с обрыва в реку. Это был кайф. Остальные раскидала по берегу и для верности потоптала ногами, приговаривая: «Вот тебе, Вик, получай! И тебе, Алёнка — на орехи! Где же ваши папочки и мамочки, айболитики, всегда готовые прийти на помощь? Бегите к вашим папочкам и мамочкам, жалуйтесь на плохую Энджи! Да только не поможет вам никто, придурки, ваша дрянь зеленая уже через час засохнет насмерть!».

Ангелина направилась домой. По дороге зашла в магазин, купила бутылку пепси, а на выходе столкнулась с Жанкой.

— О, здорово, — с облегчением сказала сестра, — а то я рыбы набрала столько... Замороженная, конечно. Но всё равно — для сердца полезно.

«Бабке», — поняла Ангелина, и её охватила привычная злость.

«А мне?» — подумала она, принимая от Жанки тяжёлые белые пакеты с холодными боками и тонкими, режущими ладони, ручками.

Жанна убрала в карман кошелёк и достала из сумки, коробочку.

— Вот, — сказала она, — привезла тебе свой старый мобильник. А то небось твои однокласски все с телефонами первого сентября придут.

— А себе? — неожиданно тонким голосом сказала Ангелина, спускаясь по ступенькам.

Она откашлялась и продолжила:

— Себе ты купила новый?

— Ага, — кивнула Жанна, — а тебе взяла в том же магазинчике чехол. И шнурок. Носи его всегда с собой, ладно? Хочу, чтобы ты была на связи. Мало ли что с бабулей.

«Да что с ней будет, с твоей бабулей?» — чуть не заорала Ангелина.

Вот теперь она поняла: её предали все. Даже Жанка. Не то чтобы предали, но если раньше все делали вид, что она им нужна, и Вик с Алёной, и сестра, то теперь понятно, что они её просто используют в своих целях. Какое гадство!

— Ты не думай, — встрепелась Жанна, — он у меня в хорошем состоянии. Смотри, всё на месте, и инструкция, и коробочка. Чехол вообще новый. Или думаешь, девчонки твои смеяться будут, что мобильник бэушный?

— Не будут, — процедила сквозь зубы Ангелина.

Какое ей дело до девчонок из класса?! Она их больше никогда не увидит. И Жанну с бабкой тоже. Раз она никому не нужна, то она уйдёт из дома. Прямо вот сейчас грохнет зайца с монетками, возьмёт всё, что накопила, и свалит. Выйдет на шоссе, поднимет, руку и сядет в первую остановившуюся машину. Не только же бабе Паше должно повезти на шоссе.

— Ты не замечала, бабушка сама с собой не разговаривает? — спросила Жанна с тревогой.

— Она с едой разговаривает, — зло сказала Ангелина, — здравствуй, картошечка, давай, в супик прыг-прыг!

— Это от возраста... и одиночества, — добавила Жанна.

Они свернули на свою улицу и... замерли. Взглянули друг на друга и бросились к дому. Пакет с замороженной рыбой нелепо телепался между ними, мешая бежать. В конце концов они кинули его в траву у дороги.

У ворот стояла машина скорой помощи. Бабушку Татьяну Никитичну выносили, укрыв белой простынёй.

— Сердечный приступ, девоньки, — сказала фельдшерица в косынке, забралась в машину вслед за носилками и добавила на прощание, высунувшись в окно, — телефончик оставьте, мы позвоним.

Глава 25

Прощание

Алёна приехала навестить Вика на следующий день. Привезла полевых цветов. Попросила у медсестры банку, наполнила водой. Поставила на тумбочку грязно-коричневого цвета.

Вик попытался спрятать ногу, но как её спрячешь — в гипсе-то?

— Бедолага, — вздохнула Алёна, присев на кровать и рассматривая его укутанную в гипс ногу, — когда ты её вывихнул-то?

— Когда на землю упал.

— Больно было вправлять?

Вик пожал плечами. Вчера ему всё было больно. Да и сегодня — немного.

— Мама сказала, она оплатит лечение, — поспешила сказать Алёнка, — и еще компенсацию.

— Нам не нужна компенсация, — возразил Вик, — и за лечение не надо! Мне гипс бесплатно поставили. А на лекарства у нас деньги есть.

— Ладно, пусть родители сами решают, — миролюбиво согласилась Алёна.

— Я папке сказал, пусть не берет с вас денег. Я ему все отдам. Когда зарабатывать буду...

Вик помрачнел.

— Правда, охранником стать не смогу.

— Из-за ноги? — спросила Алёна, чувствуя, как побежали по спине противные мурашки, — врач сказал?

— Нет.

Вик потербил краешек одеяла. Потёр щёку.

— Я когда на твоего папу замахнулся... то понял, что ударить не смогу. Хотя и злился тогда ужасно. Я не хочу бить людей, Алён. Пусть даже плохих. Ну то есть, которые себя плохо ведут.

Вид у него был просительный. Алёна вздохнула. В душе она была рада. Но оба понимали: дядю Сашу не переспорить никому. Или переспорить?

— Знаешь, Вик, — нерешительно сказала Алёна, — я просматривала тут сайты об учебе в Англии. И наткнулась на один. И сразу подумала о тебе. Есть у них там фонд «Наследие». Они

занимаются сохранением своего исторического богатства. Реставрацией замков.

Вик поднял голову.

— Они приглашают к себе волонтеров. Добровольцев.

— Это платно?

— Нет. Они даже сами немного платят. Но нужно быть совершеннолетним.

Вик вздохнул. Как, ну как переубедить отца?

— А ты попробуй, — сказала Алёна словно в ответ на его мысли, — ты знаешь, я заметила, что родители часто принимают за нас решение, если видят, что у нас самих нет решения насчёт нашего будущего. А если ты уверен в чём-то... То это может изменить дело. Я вот...

Алёна умолкла. Потом продолжила.

— Я еду в Англию. Учиться.

— Твой отец и так собирался туда тебя отправить, — сказал Вик.

— Да... Но я выбрала другую школу. В которой упор на химию и биологию.

— Врачом хочешь стать?

Алёна кивнула. Вик расстроено покачал головой.

— Ну вот, — сказал он, — оставляешь меня одного.

Алёна придвинулась ближе. И положила руку Вику на грудь. У него яростно заколотилось сердце. Но её горячая сухая ладонь успокоила бешеный стук.

— Я вернусь, — тихо сказала Алёна.

Вик нахмурился. Что бы такого придумать, чтобы она не уезжала? Чтобы они снова ездили на великах на колхозное поле воровать кукурузу, а вечером смотрели в её комнате кино? И чтобы её ладонь всегда была рядом, чтобы можно было схватить и ощутить это горячее спокойствие?

— А разве это не гордость? — спросил Вик, — ты же сама говорила — боишься, что начинаешь гордиться собою. Вот и сейчас смотри, раньше ты хотела стать сиделкой. А теперь — врачом. Врач же выше сиделки. Конечно, твой отец будет доволен...

Вик не договорил, вспомнив, как насмехался Игорь над ним и его отцом-охранником.

— Вик, я ошиблась, — сказала тихо Алёна, — все могут ошибаться.

— Но тебе нравилось быть сиделкой!

— Нет, Вик... Это было другое. Дружба... Понимаешь? А ещё... Мама мне рассказала... У папы есть сын от первого брака. Он мне как старший брат, родной наполовину. Он слегка... У него головой не всё в порядке. Он живёт рядом с Лондоном. В частном доме, но за ним присматривают. И я сказала папе, что буду навещать его.

— Всё-таки будешь сиделкой, да? Не тут, так там...

— Нет, Вик. Я буду это делать из-за папы. Мне кажется, он бы и сам съездил к нему. Но не может.

— Конечно, — съязвил Вик, — он слишком занят!

— Ему слишком больно. Так сказала мама. Но мне кажется, он будет рад, если я туда поеду.

Алёна подумала и добавила непонятное:

— У берёзы ведь две верхушки...

— С чего ты взяла, что он будет рад? — ворчливо спросил Вик.

Ему так и хотелось сказать об Игоре какую-нибудь гадость.

— Не похоже, что ему вообще до кого-нибудь есть дело.

Алёна, как всегда, задумалась перед ответом. А потом сказала:

— Лидия Матвеевна рассказывала, что её мама любила огромные пухлые подушки. От них здорово ломило шею. А она, маленькая, не могла понять, почему у неё по утрам шея болит, и почему она долго заснуть не может. Понимаешь, в детстве не всегда одно с другим увязываешь. И вот она как-то ворочалась перед сном. А потом убрала руку. Из-под подушки. И сразу

почувствовала, что шею меньше ломит. Подушка-то пониже стала. Тогда она взяла и скинула подушку. И стала нормально спать. Вот и папа, понимаешь, живёт, как будто спит в неудобной позе. Жвачку постоянно жуёт, через трещинки перешагивает. Глазами смеяться не умеет. А если ему показать, что руку из-под подушки можно убрать, то ему полегче станет. Он, может, потом и всю подушку уберёт.

— Не боишься ехать? — спросил Вик, не очень поняв рассказ про подушки.

— Боюсь, — призналась Алёна, — и ещё к этому мальчику идти боюсь.

— Почему? Ты же уже ходила к Лидии Матвеевне.

— Именно потому и боюсь, Вик. Мне страшно, а вдруг я ему буду не нужна? Или... вдруг...

я не найду с ним общего языка.

— Ты же сама сказала, что у вас с Лидией Матвеевной была дружба. Может быть...

— Может быть, — согласилась Алёна, — тогда мне будет страшно потерять его...

— Мне тоже страшно тебя потерять, — вдруг признался Вик.

— Я буду писать, — твёрдо пообещала Алёна, — и ты пиши. Давай я напишу свой электронный адрес прямо на гипсе?

— Значит, — сказал Вик, пока она выводила буквы маркером, взятым у медсестры, — значит, сама ты стараешься папе угодить, думаешь о нём, а мне предлагаешь с моим, спорить и доказывать, что он не прав?

— Я не стараюсь угодить своему. Я просто нашла компромисс. Может, ты тоже найдёшь?

Вик не ответил. Он подумал, что реставрация замков — то самое, настоящее, что он так долго искал. Он будет гладить живой, дышащий воспоминаниями камень, а не бестолковый пластилин. Надо поговорить с папой. Он должен понять.

— Должен! — вырвалось у Вика.

— Слушай! — оживилась Алёна, — а насчёт сада ты ошибся! Я там только что была. Стоят наши яблони. Пять штук, да? Позади ёлочек? Тряпочками подвязанные?

— Я же сам видел, как их выдернули!

— Ну, не знаю. Может, их обратно посадили?

Вик хотел сказать, что корни там были мертвые, некоторые — растоптанные, но тут раздался стук и вошел дядя Саша. Он смотрел на них молча и чесал небритую щёку. В свободной руке он держал пакетик с маковым рулетом, под мышкой зажал книгу. Алёна узнала свои «Замки Шотландии». Вик тоже узнал книгу и в это мгновение твёрдо решил убедить отца, что знает, точно знает, чем станет заниматься в жизни.

— Я тебе напишу, — сказала Алёна и снова пожала ему руку, подарив Вика на прощание теплоту и уверенность.

Глава 26

Ба

Ангелина с тоской посмотрела на гору посуды в раковине. Жанка все оставила и убежала. Ангелина взяла двумя пальцами губку — та совсем прогнила. Воняет тухлятиной. Ангелина швырнула её обратно, села за стол, подперла руками голову.

Бабка в больнице... Это надо же! Сколько раз она об этом мечтала? Пожить одной. Поесть одной. Чтобы никто над ухом не зудел.

«Ты постирала носки?» — «Ты выпила киселик?» — «Не смотри так долго телевизор, глаза заболят», — «Заправь постель, вдруг кто зайдёт».

И вот, пожалуйста. Живи.

Но почему, кто-нибудь может, ей, Энджи, объяснить, вся еда, которую она ест в одиночестве, стала горькой? Честное слово! Что в рот не возьмёшь, всё горчит.

Она даже на почту сходила, в интернете глянула. Говорят, проблемы с желчным пузырём или печенью... Но у неё нет проблем с печенью! Это у бабки проблемы с сердцем! Тогда почему вся еда горькая у неё?

И дом этот. Как будто сдавливает стены, каждый раз, когда она ложится спать. Щёлкает у неё над головой, стонет, поскрипывает недовольно, будто сердится. Будто хочет прогнать.

Вот и сейчас что-то щёлкает в стенах, гудит. Она снова встала, включила воду, и вдруг из крана неожиданно шарахнуло по пальцам кипятком. Больно!

— Отвали! — крикнула она, отступая и оглядываясь, — отвали от меня! Я не виновата!

Энджи выбежала из дома. Глянула зачем-то на экран Жанкиного мобильного. Не горит экран, не светится.

Она побрела по улице. Из-за одного забора послышался смех. Ангелина в тоске прильнула к нему.

Да, как обычно. Богатеи отдыхают и радуются. Шикарный сад, детская площадка тысяч за

сто рублей — крепости с горкой, качели, лесенки красивые. На лесенке — два паренька лет пяти или шести. Разодетые — мама не горюй! Джинсы, клетчатые рубашки, платки, ковбойские шляпы. У каждого — по пистолету, палят из них по индейцам.

А неподалеку на скамейке кованой — шикарная тетка сидит с журналом глянцевым. Волосы у неё светлые, начесанные, губы — ярко-розовые, перламутровые, сама загорелая, в красном платье до пят.

Старая тетка все же. Но такая... Ботоксом каким-то исколотая, наверное.

«Вот она — клевая старость, — подумала Ангелина, — все сделаю, но добьюсь, чтоб и я так вот сидела! Хоть на старости, а буду сидеть! С ботоксом и журналом!».

На соседней скамейке — тетка помоложе, с короткой стрижкой, одета попроще — шорты с футболкой. Рядом с ней — дядька в черном.

«Няня и охранник», — поняла Энджи.

Вдруг один из пацанов завопил:

— Бей бабку!

Они слетели с лестницы и бросились к шикарной тетке. И вдруг начали бить ее прямо по лицу. Бац! Бац! Кулаками, пистолетами, по щекам, по волосам уложенным, по голым плечам. Били с размаху.

— Давай! Давай! Бей её!

Она завизжала, пытаясь закрыться журналом, охранник и няня подскочили, бросились к ним. Отволокли пацанов. Женщина закрыла лицо руками и бросилась к дому.

Ангелина стояла, раскрыв рот. Они что, сдурели? За что они её? Она ж ничего не делала!

Один из пацанов вырвался и бросился к калитке. Толкнул её и выскочил на улицу. Ангелина прыгнула к нему и схватила за шиворот клетчатой рубашки.

— Ты что творишь? — заорала она, — ты её зачем?

За парнем на улицу выбежал охранник. Выхватил пацана у Ангелины и зло бросил:

— Ты чего лезешь?

И пацану вежливо:

— Пойдем домой. А бабушку нехорошо бить все-таки.

Ангелина стояла, хватая воздух ртом. Она... она думала, что лопнет вот прямо сейчас. Что-то в ней загремело, как гроза.

Мальчишки вернулись на свою площадку. Они с хохотом переговаривались.

— Классно мы ей вломили, — сказал один.

— Жалко, мало, — сказал другой, — ночью надо.

Бабах! Что-то все-таки лопнуло внутри Ангелины. Слезы потекли ручьем.

— Я не такая, я не такая, — зашептала она и закричала: — я не такая!

— Пойду отгону, чокнутая какая-то, — сказал охранник, снова направляясь к воротам.

Но Энджи уже сама бросилась прочь.

Вдруг что-то завибрировало в кармане. Мобильник?

— Ба! — заорала Энджи на бегу, — ба, ты?! Ну как ты? А? Ба! Слушай! Ты это... Ты это там... Короче! Не думай, ладно? Я не... Нет. Да не нужны мне твои деньги! Правда! Клянусь! Ба! Я решила, что в старой школе останусь! Да, конечно! Да они гады все, в своей Рублевской гимназии! Я такое сейчас видела! Неважно. Я останусь, ба!

Она остановилась. Слезы текли по лицу. Она слушала, как что-то благодарно бормочет бабушка, и так неожиданно хорошо становилось от её слов, так тепло.

— Ты только это... Давай быстрее, ладно! Лечись! Да... я тебя... ну, ты поняла, короче! Давай домой быстрее, без тебя дом ходуном ходит!

Она отняла трубку от уха, перевела дух. И вдруг с ужасом подумала:

«Кто это только что всё произнёс?! Она, что ли? Сама? По доброй воле?»

Выходило, что так. И от этого внутри вдруг взметнулась стая птиц. Сильных, с крепкими крыльями. Хотелось броситься вперед! Хотелось исправить все ошибки и зажечь другой, хорошей жизнью!

— Ба! Слушай! А какие саженцы у нас в саду можно выкопать, скажи? Я знаю, что не сажают, просто мне очень-очень надо.

Когда она кончила разговор, то ощутила новый прилив сил. В голове рождались удивительные мысли, никогда не приходившие раньше.

Надо было бабушке сказать, что больше она ей не позволит с едой разговаривать! Выдумали тоже, одиночество. Какое одиночество, когда есть она, Ангелина?!

«А ведь это и правда глупостью было, — вдруг подумала Ангелина, — в гимназию лезть. Зачем?»

И она начала прикидывать, в чём ей пойти первого сентября в старую школу. Хотя это и неважно, ба обычно ей такие цветы даёт с клумбы своей, что они все другие затмевают. Все только на них и пялятся. Особенно классная, которая всегда их в отдельную вазу ставит. Говорила она когда-нибудь об этом бабушке? Вряд ли. А надо сказать.

Ангелина расставалась с мечтой, думая о старой школе. Немножечко легче было только от того, что мечта у неё была не очень стоящая.

Глава 27

Сад

Алёна попросила папиного водителя высадить её у поворота на их улицу. Ей хотелось взглянуть на все важные места перед тем, как она уедет. Сначала она пройдёт мимо церкви. Потом — мимо сада на берегу. Затем глянет на старый участок Лидии Матвеевны, к которому сегодня утром снова подъехали бульдозеры и тракторы. После — сорвёт на память пару листиков плюща с дома Лидии Матвеевны. От августа осталась всего пара дней, и листья уже потихоньку меняли цвет с зелёного на жёлтый и красный. А дальше — домой, собирать вещи...

Алёна дошла до кирпичной, с чёрными куполами церкви, в которой отпевали Лидию Матвеевну.

Зайти не решилась. Оттуда доносился крик, истошный, на одной ноте: «А-а-а!», крик маленького ребёнка, которого опускали в купель. Ротозейничать, как говорит Мила, не хотелось. Вместо этого подошла поближе к иконе Николая Угодника, которая висела снаружи в торце. Глаза у святого были грустные, но при этом какие-то примиряющие с действительностью, что ли. Они как будто говорили «да, так вот оно и есть».

Алёна подумала, что когда встречала в книгах выражение «всё поправимо, кроме смерти», то никогда не понимала по-настоящему, что это значит. Только сейчас ей стало ясно, что теперь она всё будет делить на «до и после» смерти Лидии Матвеевны.

— Всё поправимо, — согласилась Алёна, глядя в грустные глаза святого.

Она вернулась на главную дорогу. Ей очень хотелось попрощаться с садом, попросить яблони не гибнуть, а расти и угощать своими плодами путешественников, как хотела этого Лидия Матвеевна.

Оставалось миновать огороженную баскетбольную площадку... И вдруг она заметила, что по берегу кто-то ходит. Наклоняется, что-то поднимает с земли и идёт дальше.

Алёна спряталась за ограждением площадки и тихонько выглянула. По берегу ходила Ангелина! Она собирала мусор — пустые бутылки и пакеты из-под чипсов — и складывала их в

полиэтиленовый мешок, лежащий на земле.

Рядом возвышался их сад — несколько саженцев, заботливо привязанных к колышкам.

Алена бесшумно отступила назад и свернула у магазина на соседнюю улицу.

На бывшем участке Лидии Матвеевны вовсю урчали экскаваторы, набирая в ковши землю и вытряхивая её в одно и то же место. Рядом с этой горой земли стоял лысый усатый дядька в кожаной куртке и, уперев руки в бока, что-то кричал рабочим, которые шли к горе с лопатами наперевес.

«Вовремя мы спасли яблони», — подумала Алёна.

К старому дому Лидии Матвеевны она подошла с другой стороны — от огорода и окон зимнего сада.

Алёна влезла на камень, чтобы поглядеть на крышу сарая, по которой она ползала, и услышала треньканье мобильного в кармане. Спрыгнула, достала телефон.

— Алёна!

Это был папа.

— Забыл сказать, вчера звонила Зинаида. Попросила передать тебе, что извиняется. И предложила забрать фотографию Лидии Матвеевны.

— Спасибо, папа. У меня уже есть.

Алёна подумала о большой тетради, в которой нарисована Картория. Только недавно, перелистывая рисунки, Алёна поняла, что Лидия Матвеевна нарисовала Джулиану похожей на себя. И теперь у Алёны был даже портрет её друга. Навсегда, на всю жизнь.

— А ещё, слышишь меня? Я тут подумал насчёт берёзы. Пусть стоит, где стоит.

— Папа!

— Да?

— До вечера. Мы с мамой будем тебя ждать.

Алёна положила телефон в карман, всё ещё не веря, что это правда. Папа позвонил, чтобы сказать о звонке Зины. И о берёзе. Значит, ему не всё равно? И они на правильном пути!

Алёна вдруг поняла, что очень любит их всех — и маму, и папу, и Энджи с Виком, и Зину, а главное — Лидию Матвеевну, и этой любви в ней так много, что она обязательно поделится ею с тем мальчиком, папиным сыном, который ждёт её где-то в далёкой Англии и обязательно дождётся.

Весна — зима 2010 года

Данная книга была скачана с сайта Librs.net.

notes

Примечания

Устюк — шип у растения, ость; колючий колосок, любое колющееся мелкое остриё.

Бирюльки — пустяки, мелочи, не заслуживающие внимания, траты сил.

Вавилоны — здесь: что-то вычурное, запутанное.

Реж. Б. Стассен, Бельгия, 2010.

Китч — здесь: дешевая показуха.